

ЮРИЙ ОКУНЕВ

**ЛАВКА
СНОВИДЦА**

Юрий Окунев

Лавка Сновидца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69897898

SelfPub; 2023

Аннотация

Меня зовут Дементий Сновидец, и я наследник небольшой фабрики снов. Правда у нас в семье принято называть её Лавкой. Я мечтаю от неё избавиться и устроиться на работу в нормальное место, а не на этот пыльный склад. К тому же, мне предложили отличную сделку! Однако судьба решила надо мной поиздеваться и теперь приходится спасать Лавку и машину снов, чтобы выполнить свою мечту, по ходу раскрывая тайны семьи и всех мастеров снов.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	44
Глава 5	62
Глава 6	75
Глава 7	88
Глава 8	101
Глава 9	114
Глава 10	127
Глава 11	140
Глава 12	154
Глава 13	169
Глава 14	183
Глава 15	196
Глава 16	209
Глава 17	223
Глава 18	237
Глава 19	249
Глава 20	262
Глава 21	278
Конец ознакомительного фрагмента.	284

Юрий Окунев

Лавка Сновидца

Глава 1

Папа всегда говорил, что вещей снов не бывает. И обычно я ему верил – как не поверить опытному специалисту.

Только вот сегодня сны явно решили воплотиться в жизнь во всей своей безумной красе.

– Тащи его, тащи! – кричал мне в ухо Абрафо.

– Где вода? Почему не работает? – кричала то ли Александра, то ли кто-то из девчонок в группе.

Я же, стиснув зубы, тащил бесчувственную тушу белобрысого Андрея и не мог понять, где реальность, а где – воспоминания о сне.

Перед нами горела фабричная машина: массивные шестерёнки поглотило пламя, отплёвывая в стороны сгустки плазмы, как отхаркивает из себя комки крови больной раком лёгких. В моей голове звучали слова «Машина Смерти Сошла С Ума», словно я был не на работе, а в беспокойном сновидении.

Только в сегодняшнем сне пламя было разноцветным: оранжевым, зелёным, синим и раскалённо-белым. Здесь же в цехе оно светило лишь привычным жёлто-оранжевым

цветком.

А ведь день начинался даже хорошо: я выспался, встал вовремя. Мама как обычно уже не было, но я привык к этому. Отец снова пил свою горькую бурду, по какой-то злой иронии называемой кофе. Он осмотрел меня, положил руки на плечи, сжал пальцы. Открыл рот, чтобы что-то сказать, но после молча обнял меня и пожелал удачи. Несмотря ни на что, он знал, что она мне сегодня очень нужна. Была.

Дело в том, что сегодня у нашей группы практикантов зачёт на фабрике снов. Проверка всех тех реальных, а не школьных теоретических, знаний, что мы получили за время стажировки. Мы обходили цех, проверяли конвейерные линии, искали утечки, проверяли контролеры и экраны. Впервые за практику нас пустили так близко и одних. Раньше нам удавалось подходить лишь на пару метров – ждали, пока машины привыкнут к нашему присутствию.

– Сновидец! Сновидец! Дементий, да очнись уже! – кричала Александра и я повернулся к сокурснице, стоящей чуть в стороне. Её мрачно-синие волосы выглядели как грозовая туча на фоне бледного лица. – У тебя рукав горит!

Я невольно перевёл взгляд с пылающей машины на себя и понял, что действительно: несколько маленьких язычков плясали на моём плече. Только увидев их, я почувствовал, как же горячо и принялся хлопать ладонями по одежде. Ладони тут же ответили болью: от жара и от удара пиджаком. Лекс подскочила ближе одним ударом погасила пламя.

– Спасибо, Лекс! – ответил я и закашлялся.

Девушка неожиданно улыбнулась, кивнула. Обычно она старалась держаться от меня как можно дальше. Почему? Потому что.

Она резко отпихнула меня в сторону.

– Андрей, ты как? Не смей помирать! Отец нас убьёт!

Андрей, белобрысый толстячок, застонал. «Жив!» Я выдохнул. Андрей вечно суёт нос туда, куда не надо. Но благодаря защите сестры Лекс, обычно его эксперименты не имеют последствий. Для него. Но не сегодня.

Тут наконец затрещали и зашипели спринклеры, на огонь и на наши головы полилась вода. Раздался топот и несколько инженеров и охранников бросились к машине.

– Обезопасить другие машины! Вызвать начальника смены! Где старший инженер?

Резкие голоса персонала заглушали треск пламени, стоны Андрея и тихие матюки Александры. Она ругала брата за неосторожность. Четверо из нашей группы стояли чуть поодаль в растерянности и лишь Абрафо, по-английски спокойно, уселся около стены и закрыл глаза. Правая половина его лица покраснела от жара. Тёмные, обычно зализанные гелем, волосы завились, как шерсть барашка. Я подошёл и уселся рядом. Абрафо не открывая глаз спросил:

– В порядке, Демон?

– Жить будет, Аб. Вон уже дежурный врач примчался. Просил же его не лезть.

– Да я не про Дрю, я про тебя спросил, – хмыкнув ответил Аб. – Думаешь из-за него рвануло?

Я посмотрел в сторону машины. От неё поднимался дым, но открытого пламени уже не было. Соседние машины продолжали работать в замедленном режиме, вращая свои современные шестерёнки под контролем цифровых датчиков и сенсорных экранов.

– Конечно! Не нужно совать свои толстые пальцы в работающий агрегат. Точно что-то сбил в настройках, Аб!

На меня накатывали страх и злость, которых не было в моменте. Там я просто схватил толстячка и потащил его подальше, стоило в машине чему-то засиять и зашипеть. А теперь хотелось стукнуть кого-то. Желательно тупой головой об стену.

Абрафо помолчал, после чего аккуратно, прижимая руку к лицу, открыл правый глаз. Тот был весь в лопнувших сосудах, но мой напарник радостно выдохнул.

– Вроде вижу, – тут же к нам подбежали старшие и приказали быстро уходить.

Когда нас с Абрафо подняли и повели вслед за остальными (один Андрей стонал на носилках, а носильщики из наших стонали в такт своим шагам), Аб тихо сказал мне на ухо:

– Только вот машины снов не взрываются от пальцев. Даже толстых.

В раздевалке, превращённой в оперативный медпункт, нас осмотрели врачи скорой помощи. Андрею дали нюхнуть

нашатыря и толстый сразу вскочил, словно ни в чём не бывало.

Нас с Абрафо обработали противоожоговыми гелями, дали обезболивающее.

– Надо в больницу, осмотреть ваш глаз, – сообщил врач Абу, а потом повернулся ко мне: – А вам нужно на осмотр и рентген – судя по всему у вас в правом плече что-то застряло. Нужно извлечь, пока не начался сепсис.

Врач собрал свои вещи, поднялся и спросил у всех:

– Что же у вас произошло?

– Не спешим, – прервал врача голос из дверей.

В раздевалку быстро вошли трое в костюмах. Начальство.

– Сын, ты в порядке? – почти холодно спросил тот, что справа, в сером в полоску костюме.

– Жить буду, – усмехнулся Абрафо и зашипел от боли: ожог на лице начал давать о себе знать.

Мистер Пинч, отец Абрафо и директор фабрики, глава самого богатого рода мастеров снов в нашем Прибалтийском регионе, сжал губы и дёрнулся вперёд. Стоящий по центру глава безопасности Павел Оскол остановил его рукой и мягко сказал:

– О наших детях позаботятся специалисты. Но сейчас нам нужно, чтобы эти милые люди, вместе с нашими детьми, подписали кое-какие документы.

Стоявший слева седой клерк в круглых очках, похожий на постаревшего волшебника из детской книжки, поднёс каж-

дому присутствующему бумага и указал, где подписаться.

Я заглянул в выданный бланк: Соглашение о неразглашении и общее описание того, какие кары грозят, если нарушить молчание. Сумма впечатляла: даже если продать всю папину лавку вместе со складом всё равно не хватит. А это только «сумма от...».

– А что будет, если мы не подпишем? – неожиданно резко спросила Александра, дёрнув головой так, что её темно-синие волосы плеснули по лицу брата.

Человек в центре кивнул, принимая вопрос:

– Вам придётся остаться здесь до выяснения всех причин происшествия и окончания производственной проверки. Учитывая, что вы все подписали документы о подчинении внутренним правилам безопасности, я как начальник по той самой безопасности, имею право такую меру к вам применить. – Мягкая улыбка не сходила с его лица, а голос убаюкивал. – И предупреждая ваш вопрос уточню: меньше, чем за три месяца эксперты вряд ли разберутся.

Лекс нахмурившись, но уже молча, подписала документ, а остальные сделали это вслед за ней. Я же подписал бумаги сразу после прочтения, на что получил толчок локтем от Абрафо.

– Что? – прошептал я, отдавая бумажку клерку. – Мне нужна работа, а не тюремное заключение. Тем более совершенно ясно, кто виноват.

Аб покачал головой и поставил свою размашистую, ти-

пично пинчевскую, подпись. Краем глаза я заметил, что мистер Пинч выдохнул.

Оскол просмотрел сданные бумаги, удовлетворённо кивнул.

– Мистер Пинч, обеспечьте детей и медиков всем необходимым. Подготовьте заявление для СМИ. А после возвращайтесь к управлению фабрикой – мы немного отстали от графика.

Мужчина развернулся на каблуках и вышел, клерк последовал за ним. Мистер Пинч выпустил нас из рабочей зоны и вместе с несколькими охранниками проводил до выхода. Моё плечо сильно пекло, да и Абрафо старался морщиться одной половиной лица. Получалось забавно.

На выходе все сразу схватили свои телефоны, но голос мистера Пинча заставил всех замереть:

– Напоминаю про конфиденциальность. Это ради вашего же блага.

Я пожал плечами, ругнулся на боль и написал сообщение: «Привет. У нас всё в порядке. Проблема на стажировке. Начальство отправляет в больницу на осмотр. Подробности потом!» и скинул сразу маме и отцу. Через десять секунд трубка уже вибрировала от звонка отца, но братья я не стал. Нас с Абом посадили в машину скорой, пристегнули и повезли в больницу.

На улице я успел заметить небольшую толпу зевак – видимо грохот взрыва было слышно и снаружи. Одни из них

снимали нашу машину, а другие пялились на выходящих из здания работников. Видел несколько блогеров, которые говорили на камеры своих смартфонов и, судя по движениям рук, просили больше лайков.

– Сектанты, демонов отродье! – выругался Аб.

С его стороны улицы на тротуаре стояла пара, парень и девушка, с плакатом: «Верните нам наши сны!» Мы были бы не против, ну, как минимум я. Но судьба распорядилась иначе.

Фабрика скрылась за поворотом, и я задумался. Надеюсь, это фигня с машиной не скажется на результатах практики. Аба, если что, прикроет отец, он здесь главный. Остальным нужна чисто корочка о прохождении практики. Ну, может разве что Лекс хочет для профессионального портфолио и будущей карьеры. А может просто хочет доказать что-то своему строгому отцу, про которого так не любит говорить.

Мне же нужно засветиться, и желательно с хорошей стороны. А то ведь сын из конкурирующей компании – это не самый надёжный сотрудник...

Хотя, какая там компания. Старая лавка с единственной работающей машиной – это скорее хобби, а не бизнес. Дорогое и муторное хобби. И зачем мучаться, настраивать всё вручную, когда есть отличные агрегаты вроде машин на фабрике? Загрузил настройки снов, дал команду и пошёл пить кофе – высококачественные сны для всех и каждого польются с конвейерной ленты!

Да, есть те, кто считает, что конвейерная сборка портит сны, делает их менее душевными и ламповыми, пусть в отцовской машине даже ламп нет, не говоря о чипах и нормальных экранах. Смотри на цвет шестерёнок, да оценивай ауру! Ауру, блин, рабочего процесса. Но кому это надо, если сон нужен для восстановления, чтобы отключиться и подготовиться к новому дню?

В общем, я решил, что раз с моей фамилией меня в покое не оставят, пойду на практику на фабрику снов. Просто не на свою, пыльную и старую, а туда, где почище и покруче. Повезло, что Абрафо оказался адекватным, несмотря на статусную семейку. Он затащил однокурсника с мозгами на практику к своему отцу.

Не хотелось его подвести, да и место потерять. А всё из-за слишком любопытного Андрея. Красиво светится, понимаешь ли! Он что раньше ни одной машины снов не видел?

– Дементий, прекрати винить Андрея. – Выдернул меня из злых мыслей Аб. – Проблема явно не в его пальцах.

– А в чём же? – фыркнул я, почувствовав лёгкий холодок по спине. Вдруг он на меня думает? – Его любопытство – вполне себе энергетика, причём, высокого порядка. Внёс нестабильность ею – и хана машинке!

– Сновидцы, – покачал головой Абрафо. – Тебе же наплевать на технологию производства. Как ты запомнил про энергетику и её взаимодействие с агрегатами?

– Мне нужно получить работу. – Я пожал плечами. К тому

же отец со своими наставлениями в детстве достал, но этого говорить не стал. – А значит я должен понимать, как и что могут сломать те, кто лезет внутрь своими грязными...

Договорить мне не дали – мы приехали. Нас пересадили в кресла-каталки и повезли: Аба в люкс-палаты, а меня – в обычные. Вот и смысл владеть бизнесом, если даже нормальную палату себе и членам семьи позволить не можешь?

Через пару часов, когда меня осмотрели травматолог, хирург и зачем-то педиатр, мне наложили ещё немного противоожогового геля и повезли на операцию. Локальная анестезия, кустистые бровки хирурга из-под маски и шапочки, лёгкий холодок по коже, когда он вскрыл корочку небольшой раны. И глухой стук: врач бросил в чашечку какой-то предмет.

– Похоже на кусок маленькой шестерёнки, зубцов на двенадцать, – сказал хирург, смыв с неё кровь.

– Ага, – безразлично ответил я. – Когда меня выпишут?

– В течение дня понаблюдаем. Если всё будет нормально, к вечеру выпишем, – хирург снял маску, бросил её в мусорник. – А это тебе на память. Говорят, если такие вещи хранить, второй раз не прилетит.

Он положил рыжеватую шестерёнку на салфетку и дал мне.

– Лучше бы она гарантировала приём на работу, – усмехнулся я, но подарок взял. Потом выброшу.

В палате меня уже ждал отец.

– А мама где? – спросил я, откидываясь на подушках. Неожиданно накатила усталость.

– Она занята, – примиряюще ответил отец. – Обещала прийти попозже.

– Позже я надеюсь отсюда выйти сам.

Обидно. Мама опять занята, а отец её оправдывает.

– Что у вас там произошло? – отец подвинул стул ближе к кушетке. – Я думал у Пинча самая продвинутая техника. В том числе в вопросах безопасности. Только из-за этого я тебя и отпустил к нему.

Он подмигнул, а я закатил глаза.

– Человеческий фактор, – буркнул ему в ответ. – А вообще нам нельзя об этом говорить. Безопасность.

Я пожал плечами и поморщился. Отец привстал со стула, но я зло на него посмотрел – обойдусь без телячьих нежностей.

Мы посидели молча. Потом пришла медсестра, взяла кровь на анализ. Потом заглянул врач и, осмотрев шов на плече, серьёзно предложил:

– Если вы обещаете вести себя спокойно и не дёргать рукой, то я вас выпишу.

– Приклею руку, но выйду, – в тон ему отвил я. – Мне завтра на работу надо.

– Похвальная старательность. Преданные работники нужны всегда. – Он сделал пометки в ординаторском листе. – Через час будут готовы документы и ваш отец сможет вас за-

брать домой. Кстати. – Он цокнул ручкой о планшет. – Ещё не выбросили свой осколок? Отцу похвастались?

– Какой осколок? – встрепенулся отец.

Я нехотя взял с тумбочки салфетку с куском металла, протянул отцу. Тот несколько секунд смотрел на салфетку, а потом внимательно изучил меня. И вдруг он изменился: исчез человек, вечно заискивающий перед мамой, терпеливый передо мной и заботливый перед сёстрами. Он превратился в неизвестного мне мужчину с глубокой морщиной во лбу и тёмными, как штормовое море, глазами. Он кивнул врачу и тот молча вышел.

– Дементий, – очень медленно и осторожно сказал отец. – Чему меня успела научить жизнь и работа в моей лавке, так это тому, что всё происходит не просто так. В том числе взрывы машины снов.

Он поднял ладонь, призывая меня молчать.

– Ничего не говори, я знаю правила корпораций. Но и меня слушай внимательно. Нужно очень постараться, чтобы угробить машину, пока жив её владелец. Поскольку Пинча я видел сегодня в лифте и кроме небольшой бледности его состояние можно оценить как хорошее, то значит причина в чём-то другом. И самый простой способ скрыть свою халатность – обвинить конкурента. Благо, что он был поблизости от эпицентра.

– Да это всё Андрей! – крикнул я. Исчадие, проболтался.

– Верю, сынок. Но будь готов к неприятностям и, – он ука-

зал на салфетку, которую он так и не взял в руки, – храни этот кусочек как страховку, как самую ценную реликвию в надёжном месте.

– Если меня захотят сделать крайним, то сделают несмотря на железяку. – Я начал злиться. – Вот уж повезло родиться Сновидцем – все приличные люди и нелюди считают тебя врагом или неудачником!

Отец потемнел лицом, но я не стал извиняться. Вечно его лавка и его работа портят мне жизнь!

– Я только наладил отношения, а теперь всё коту под хвост, – я закрыл глаза и откинулся на подушках.

Прибежал врач узнать: всё ли в порядке? Отец успокоил, сказал, что позаботится обо мне.

– Подросток, чего с него взять.

Наконец принесли документы, мы собрались и долбаный кусок железки лёг в нагрудный карман пиджака. Часам к семи мы добрались до дома. Мамы ещё не было. Отец сделал простой ужин, и мы молча поели.

После я пошёл к себе и улёгся в кровать. Через минуту постучал отец и, не дожидаясь разрешения, вошёл. В его руках была небольшая пыльная коробка. Он подошёл к изголовью кровати и поставил её рядом с ловцом снов – простой деревянной тарелочкой с небольшим энергетическим зарядом.

– Ни на чём не настаиваю, как всегда. Но этот сон из старых запасов. С тех времён, когда твоя мама ещё проектировала сны. У неё неплохо получались восстановительные и

легкие, воздушные картинки. В отличие от меня.

Он вздохнул, похлопал тонкой, с длинными пальцами рукой по коробке и вышел, затворив за собой дверь.

От коробочки слегка пахло пылью и воском. Тёплым, ароматным воском и шалфеем. Этот запах успокаивал. Что-то из далёкого детства, когда всё было понятно и предсказуемо. Словно мама сидела сейчас в комнате и готовилась читать сказку на ночь. Рука сама потянулась к коробке, коснулась шершавого, чуть выцветшего картона.

Поспать и увидеть хороший сон. Где нет взрывающихся машин снов, где нет палящего пламени и песен о смерти. Где можно просто, гарантированно отдохнуть.

Я положил руку на коробку, сжал пальцы и убрал её в тумбочку у кровати. После чего встал и подошёл к окну. Легкий щелчок задвижки и ночной ветер ворвался в комнату.

Из темноты раздался знакомый голос:

– Ну что, подрывник, выйдем, поговорим?

Глава 2

Я неспеша вернулся к двери в комнату, закрыл её на ключ, после чего достал из шкафа амуницию: скалолазный жилет, верёвку, крюк, запускающий арбалет, рюкзак. Оделся во всё чёрное и вышел в окно. Руки с ногами привычно нашли подготовленные давным-давно выступы. Закрыл окно, чтобы не сквозило, и полез наверх, на крышу, давно отработанным до автоматизма маршрутом.

Гибкая тень рядом последовала за мной, упираясь ногами в стену и подтягивая себя на тросе. Забравшись на крышу, мы, не сговариваясь бросились друг другу в объятья. Моё плечо свело судорогой и тень отступила на шаг назад.

– Прости! – прошептала Александра из-под тёмного капюшона. – Ты бы знал, как испугалась, когда увидела, что у тебя горит рука.

– Да уж, повеселились сегодня, – ответил я и посмотрел на ночной город.

Гирлянды окон-огней в многоэтажках спальных районов; подсвеченные иглами прожекторов острые шпили храмов Старого города; светлые линии улиц; тёмное пятно порта по правую руку, да редкие блики на поверхности ночной реки. словно ночные кошмары рассекали яркие и светлые сны. Этот город называли Прибалтийской столицей, Балтийским тигром, Торговым хабом между Западом и Востоком. Ме-

стом, где легко смешивались старая немецкая архитектура, классические церкви храмовников и современные безликие многоэтажки.

Лекс молчала и я слышал её тяжёлое дыхание. Как бы она ни бодрилась, пока что угнаться за мной ей не удавалось. Но успехи она делала огромные, стоит признать.

– Ты выглядел как демон: бледный, злой и горящий. В прямом смысле.

Успехи успехами, но оставалась одна проблема.

– Ты словно пришёл забрать Андрея в Царство-за-снами. Брату досталось. Врачи говорят, что у него лёгкая контузия. Но зато его не обожгло, в отличие от вас с Абом.

Александра Пламенная, она же Лекс, она же сестра самого доставучего брата в мире. Она повернулась ко мне и в темноте блеснули глаза. Она переживала о брате всегда. Словно это не толстый ленивый засранец с грязными патлами, а её любимый парень. Я надеялся, что она отвлечётся от него хотя бы во время наших ночных прогулок, но не сложилось.

– Аккуратнее нужно. С техникой, – еле удержавшись от едкости, ответил я. Плечо в ответ на это снова запульсировало.

– Знаю-знаю, что Андрюша неловкий. Но я хочу всё-таки тебя поблагодарить. – Она сделала шаг поближе, и я затаил дыхание. – Спасибо тебе большое! Я этого никогда не забуду.

От её шёпота у меня в животе стало горячо, и я подался вперёд, к ней. Не заметив, что она опустила голову. Я вре-

зался ей подбородком в лоб.

– Ой, прости! – замахал руками я и радуясь, что вокруг темно – она не увидит, как горят у меня теперь уже щёки.

– Ничего-ничего. – Она сделала шаг назад и заложила руки за спину.

Мы неловко помолчали. Я злился на себя, на её брата, на пульсирующее болью плечо. Пауза затягивалась, и чтобы спасти хоть как-то ситуацию я предложил:

– Давай провожу тебя? Пару прыжков и спать, – я старался говорить весело, как обычно, но выходило с трудом.

– Да, давай, – Лекс видимо сделала вид, что всё в порядке. – Побежали!

Она побежала по крыше в сторону своего дома. Битум и случайные камушки под её ногами шуршали, задавая ритм ночи. Я потряс головой и двинулся следом, чтобы не отстать.

Её квартира находилась на той стороне улицы в жёлтом доме старой постройки. Можно было, конечно, обойтись и без больших прыжков, если пройти левее по старой арке. Видимо там и прошла сама Лекс, но меня уже накрыла злость и нужно было двигаться и двигаться быстрее – завтра разговор с начальством.

Догнав девушку, я на ходу воткнул крюк в запускающий арбалет – модную игрушку для городского скалолаза, на которую пришлось потратить почти четыре зарплаты практиканта. Он позволял вбить крюк даже в плотную кирпичную кладку на той стороне неширокой улицы, не говоря о про-

стом бетоне. Главное целить в чердаки, чтобы случайно штукатурка не полетела внутри чьей-нибудь квартиры. Привычно вскинув руку, я прицелился в техническую надстройку на той стороне и выстрелил.

Раздался глухой стук, задрезжала струна троса. Я закрепил его на нашей стороне, дёрнул ещё разок-другой для проверки. Раздался металлический «во-ум».

– Дамы вперёд, – движением руки пропустил девушку. Александра убрала выпавшую чёлку под капюшон, достала из рюкзака крепёж, зафиксировала руки в перчатках с помощью специальных ремней и с тихим «уи-и-и!» полетела над улицей. Красотка, ничего не скажешь.

Семья Пламенных никогда не была богатой и в ней почти не было снобизма Абрафо и некоторых других сокурсников. Тем более, как я понял, её строгий отец не живёт с ними, но активно участвует в воспитании. Возможно за счёт этого с ней было приятно общаться, она умела высказывать интерес. Особенно, если человек что-то умел. У Абрафо, или точнее, у его преподавателей, она училась бухгалтерии, у меня – городскому альпинизму. За те несколько месяцев, что мы тренировались, она достигла определённых успехов. А я – нет. Я пытался сблизиться, сократить дистанцию. Перестать быть просто приятным для общения другом. Но нет – аккуратные объятия являлись пределом мечтаний.

Сегодня был шанс на что-то большее, но она вспомнила своего брата и всё полетело к демонам.

Когда она зафиксировалась на той стороне улицы на крыше исторического здания, к которому умудрились пристроить целый новый этаж, Лекс махнула рукой. Я выдохнул и сосредоточился на переходе: прицепил к тросу свой крепёж, похлопал ладонью по нему и, слегка разбежавшись, прыгнул над улицей. Внутри всё замерло и пьянящее чувство, словно пузырьки шампанского вырывались из-под пробки, зашекетало всё тело. Ветер бил в лицо. Руки были заняты, поэтому я тряхнул головой, скидывая хлопающую ткань. Свобода!

Вот чего я хочу! Уйти в горы, покорять вершины, ради забавы залезать на гигантские здания, постить фотки и собирать кучу лайков. А не сидеть на пыльном наследии и изучать эргономику. Я хочу жить в реальности, а не во сне. Сны – это всегда свершившееся, придуманное кем-то другим. Мамой, папой, разработчиками на фабрике Пинча или десятке других по миру. Кто-то за меня решает, как мне жить во время сна.

А жизнь – она только моя! Никаких пугающих Царств-заснами, никаких сладких обманов. Каждая минута полна бияния сердца, полёта мысли и возможностей, которые окрыляют. Главное видеть их и получить немного денег на их реализацию.

Из невесомости полёта на тросе в суровую действительность меня вернули ухнувшие вниз органы.

«Трос провис! Но где? Сзади или впереди? Если сзади, шансы ещё есть. Если спереди...»

Треск кладки я услышал даже сквозь ветер в ушах. Значит спереди, демоны и все их покровители! Внутри по телу прошла судорога ужаса, и я с силой выдернул, разрывая в кровь кисть, правую руку из-под ремня на крепеже.

Тянись, Демон, тянись!

Край крыши вдруг прыгнул вверх, скрывая кричащую Лекс. Пальцы судорожно скользнули по кирпичу и заскользили вниз, словно пытаюсь затормозить падение и избежать попадания в утренние криминальные хроники.

А потом тело дёрнулось, и я зацепился за выступ в кладке, пальцы обожгло о шершавую штукатурку. Дешёвая красота от старого архитектора, сделавшего небольшое углубление в стене – и моя жизнь спасена.

– Дем? Дем! – Лекс выглянула из-за края крыши. – Ты как?

– Тяни трос! Дай опору! – я постарался упереться ногой в стену, но при этом не раскачиваться, чтобы не выбрать окончательно трос.

Главное правило альпиниста: «три точки опоры прежде, чем искать четвёртую». Если я сейчас отпущу хоть что-то, то навернусь вниз. А я не фея, у меня крыльев нет. И даже не демон из Царства-за-снами, пусть меня так иногда и называют.

Александра быстро натянула трос, я смог на него «опереться», вылезти наверх. Девушка перекинула струну под ногой и сделала своего рода простейший блок, чем и спас-

ла. Я рванул всем телом и перевалил себя через крошечный бордюр. От напряжения закровоточила рана, намок рукав и закружилась голова. Пришлось улечься прямо у края крыши, чтобы не навернуться вниз на улицу.

– Давай договоримся, – прошептал я, закрыв глаза. В тёмных ночных облаках отражался свет ночного города и мешал.

– О чём? – Александра нависла надо мной, коснулась лица синими волосами, казавшимися струями воды.

– Небольшой перерыв в забегах, поскольку из-за твоего брата я поранил плечо.

Приподняв руку, я потянулся к лицу девушки, но Лекс резко отскочила:

– Мой брат не виноват! – С неё слетел капюшон, и я увидел перекошенное от гнева лицо. Кажись, я неудачно пошутил. – Как он мог взорвать машину? Да и он не уговаривал тебя лезть на крышу со мной. Не смей трогать моего брата, – она наклонилась так близко, что я почувствовал запах её дезодоранта. – И да, я согласна – нам нужен перерыв. А то кто-то вообще потерял осторожность!

Она демонстративно скинула с себя альпинистскую сбрую, засунула её в рюкзак. На мои вялые попытки ей помочь она отмахивалась.

– Возвращайся домой и приведи себя в порядок. Ты не в форме. И не рассчитывай, что сможешь во всем обвинить Андрея. Мистер Пинч очень внимательный и дотошный, он

найдёт истинного виновника. Он нас ещё ни разу не подво-
дил.

И она ушла, воспользовавшись обычной пожарной лест-
ницей. Да, забыл упомянуть – у мистера Пинча на отдель-
ном спецкурсе она училась кризисному менеджменту. А он
– практик, этого не отнять.

Я лежал на колючем битуме крыши, приходил в себя и
думал над словами Александры, а также над словами отца.
А ведь действительно – раньше так не было. Пинч действи-
тельно очень внимательный. Вдруг с ним на самом деле что-
то случилось? Надо бы спросить. Если уж версия с Андреем
окажется несостоятельной.

– Как вы себя чувствуете? – Мистер Пинч сидел за ши-
роким чистым столом и смотрел на нас чуть высокомерным
взглядом английского аристократа.

Перед ним лежала лишь тонкая папка приятного бежевого
цвета и дорогая авторучка. За его спиной сквозь закрытые
жалюзи едва просачивался серый утренний свет. На улице
стояла хмурая погода и дорога до фабрики показалась ещё
мрачнее, чем моё настроение. Шов после падения разошёлся
и рану полночи дёргало от боли. Утром отец застал меня в
ванне, прижимающим к плечу окровавленное полотенце и
пытающегося остановить кровотечение.

Он сразу засуетился, достал аптечку и полностью про-
игнорировал мои попытки отказаться от его помощи. Он

молча кивнул на зеркало, и я увидел, как ввалились мои глаза, что не было видно их цвета, а кожа стала бледно-серой, почти как штукатурка на фасаде нашего дома.

В тот момент я понял, что у меня нет сил на сопротивление и я полностью подчинился воле отца. Спустя два часа я, вместе со всей нашей группой стажёров, сидел перед директором фабрики.

И на моём фоне Пинч действительно выглядел совершенно здоровым.

– Предполагаю, что не все из вас в курсе официального заявления компании.

Все кроме меня и Аба, зашевелились, но Пинч поднял руку.

– Понимаю, но всё же вам, как сотрудникам, и как отчасти пострадавшим, я обязан повторить. Ритуалы, – словно извиняясь, добавил отец Абрафо.

Я посмотрел на Лекс. Девушка нарядилась и выглядела ещё привлекательнее, чем обычно. Я вспомнил, как мы вчера обнимались и в груди заныло. Аб легонько толкнул меня локтем в бок. Я прислушался к словам директора.

– ... таким образом, официальная версия – человеческий фактор, из-за которого не сработала пожарная система и случилась неполадка в технике машины снов. Да, такое случается редко, но случается. Наши инженеры изучают вопрос. Для полноты картины каждого из вас дополнительно опросят для протокола. А теперь о том, что волнует всех...

Пинч открыл папочку со стола, достал лист бумаги с красивой, зеленоватой печатью. Он внимательно осмотрел бумагу, словно не подозревал, что за сокровище у него на столе. После этого посмотрел на нас, улыбнулся привлекательной, ортодонтом отштукатуренной улыбкой. И тут его лицо перекосила гримаса, а рука судорожно дёрнулась. Лист бумаги выпал и плавно слетел обратно на стол. Пинч схватился руками за виски и через мгновение упал лицом на стол.

– Мистер Пинч? Что с вами? – вскочил я и посмотрел на Абрафо. Тот побледнел.

– Вызывай врача! – крикнул я Лекс. Она нахмурилась, открыла рот. – Не сейчас! Иначе может ещё что-то рвануть!

Все в кабинете засуетились. Аб поднимал отца, расслаблял тому галстук. Лекс говорила с врачами, описывая симптомы. Андрей неожиданно ловко открыл окна, пустил в комнату свежий воздух и указывал остальным что и как делать, словно опытный медбрат.

Я же отошёл от стола и взял трубку древнего бежевого телефона на стене рядом. Настал момент.

От лёгкого щелчка, что издал телефон, лица сокурсников исказились, словно с них слетела маска вежливости и воспитанности, а теперь вылезла вся их искренняя ненависть. А что я хотел? Конкурент поймал момент и сейчас воспользуется ситуацией. Как стажёр в отсутствии хозяина, я не могу приказывать людям. Но как Сновидец, могу отдать небольшой приказ напрямую машинам.

Остановить меня никто не успел.

– Всем машинам – замедление. Повысить уровень опасности до красного. Возможны повторные взрывы. Уведомить персонал.

И повесил трубку, чувствуя, как по венам бежит обжигающее пламя древней магии снов. Странное и очень могущественное ощущение, которое почти недостижимо на маленькой домашней машинке. Хотя именно благодаря ей, как прямой наследник, я в принципе могу сделать то, что сделал, пока Пинч в отключке.

– Предатель, – одними губами сказала Лекс. Её мрачные синие волосы словно сковали льдом её лицо. Забавно, что Пламенная выбрала именно этот цвет. Аб смотрел на меня печальными глазами. Остальные, словно застеснявшись своей ненависти и зависти, отводили взгляды. Они все, кто остался без своих семейных машин.

– Неплохо, – прошелестел вдруг тихий голос, и мистер Пинч закашлялся.

Его быстро подвезли прямо на стуле к окну, дали воды. Он жадно глотал, но обращая внимания, как вода течёт по дорогой рубашке, подчёркивая животик и впалую, болезненную грудь.

Через долгую минуту в кабинет вломился начальник безопасности и несколько инженеров. Дверь печально хрустнула под их натиском. Лицо безопасника перекосило от гнева и от него исходила неприятная горячая волна, от которой

словно уходили силы и воля.

– Какого демона?! – он увидел меня у телефонов. – Сно-видец? Всё-таки ты, крысёныш, паршивая овца, как и весь ваш род.

Я как дурак продолжал держаться за светло бежевую, до-потопную трубку. Светлый пружинистый провод подпрыгивал в такт моим дрожащим рукам.

– Работу я явно не получу, – усилием воли я заставил себя отпустить трубку, слегка клацнув пластиком.

– О-о-о, ты вместо работы получишь большой, смачный...

– Пётр, помолчи, – тихо, но очень холодно сказал Пинч. В кабинете стало зябко.

Что за ерунда здесь происходит?

Оскол выпучил глаза и несколько секунд играл в гляделки с бледно-зелёным Пинчем.

– Отец, что происходит? – вмешался Абрафо.

– У нас возникло, кхе, недопонимание, – Пинч сделал ещё один глоток, его руку поддерживал Аб. – Дементий только что спас наш бизнес. И лично меня.

Безопасник посмотрел на меня, снова на директора. Жар, который шёл от него, полностью исчез. Он подошёл к директору, осмотрел его вблизи.

– Хреново выглядите, – привычно спокойно и заботливо сказал он. – Вызову врача.

– Они уже здесь, – отчиталась Лекс, поправляя чёлку телефоном. – Попросят пропустить их через проходную.

– Я сейчас, – привстал Пинч, но Пётр его остановил.

– Сидите. Ваше состояние теперь приоритет. – Он оглядел всех присутствующих. – Спасибо за помощь. Допрос по-вчерашнему и обсуждение сегодняшнего перенесём на попозже. Сейчас все по рабочим местам и действуем очень внимательно.

– Дементий, – тихо позвал Пинч. Я на негнущихся, одревеневших ногах, медленно двинулся к нему. Лекс всё ещё смотрела со злостью, как и остальные. Лишь Аб выглядел растерянно и придерживал отца.

– Да, мистер Пинч?

– Возьми этот документ. Изучи на досуге.

Он дал мне зелёную бумагу и по рукам пробежал мятный холодок. Директор кивнул, и я шагнул назад, прижимая лист к себе, опасаясь, что он исчезнет, как золото лепреконов.

Вошли врачи, оперативно уложили Пинча на носилки и вынесли. Остальные, оглядываясь, вышли вслед. Нас всех ждала работа, хотя я с трудом представлял, как мы сможем сосредоточиться на отчётах и статистике.

– Хм, – раздалось за моей спиной, и я медленно повернулся. На меня изучающе смотрел глава безопасности. – Интересный поворот.

Он вышел, словно больше не боясь, что я снова возьму трубку в руки. Вместе с контролем над фабрикой.

Но я ничего не сделал. Потому что не смог бы. И потому, что увидел заголовок на зелёной бумаге: «Сделка».

Глава 3

Сны, по мнению моего отца, очень важная часть жизни любого человека. Наверное, мистер Пинч с ним в этом даже согласится, ведь они оба зарабатывают на снах. Хотя, может быть, они верят в старые легенды, согласно которым людей лишили снов в наказание за грехи. Боги решили, что подходящий нам удел – медленное сползание в безумие с недосыпа, погружение в Царство-за-снами.

Не знаю, на что эти Боги рассчитывали – мы-то продолжаем спать. Ничего не мешает нам упасть на подушку и спокойно покемарить, что я люблю и практикую. Единственное, мы не видим ярких картинок каждую ночь. Учитывая, что мне снилось в последние дни, то не вижу ничего дурного в том, чтобы обойтись обычной темнотой. Даже настаиваю.

Но видимо тогда, в далёком прошлом, люди поверили в эту ерунду про безумие из-за отсутствия снов. Они воззвали к небесам, моля о прощении. Прямо представляю, как они мучали себя, чтобы не заснуть, ведь там, о боже! не будет снов. Ведь им обещали, что если слишком глубоко погрузиться в темноту за глазами, то можно встретиться с демонами, которые захватят наши души и будут вечно пытаться! Сказочки для простофиль. Но большинство в это верит и уверено, что кто-то всё-таки наших предков услышал. Его называли Морфеем. Он помог сконструировать машины, которые позволяли со-

здавать сны и передавать их спящим людям.

Лучше бы Морфей научил нас кидать огненные шары или, на крайняк, двигать предметы силой мысли. А то тут вроде магия, какая-то необычная энергетика, которую мы изучаем не первое столетие, а вроде как бесполезная везде, кроме как рядом с самой машиной.

Каждый народ получил по несколько машин и отдельные семейства стали владеть ими, управлять и создавать сны. На самом деле машин было несколько тысяч и у каждой было своё имя. Документы показывают, что они существовали в разных частях мира, но со временем разваливались. И лишь недавно, буквально несколько десятилетий назад удалось совершить прорыв и начать создавать новое поколение машин снов, как те, что стоят на фабрике Пинчей.

В итоге нам столетиями приходится использовать древние, пусть и иногда модернизируемые машины и богом данную (или забытую, как посмотреть) магию. Ну, то есть, разжечь пламя мы можем классический спичкой или современной зажигалкой, а вот чтобы нормально, по правилам, выспаться, нам нужен древний агрегат по производству снов и сделка по аренде души. Ну, плюс хорошо проработанный дизайнером сон помогает лечению. Только вот, согласно свежим исследованиям, это не совсем так, но кто я такой, чтобы спорить с древними традициями?

Вообще-то, раньше семей и компаний (а также семейных компаний) было гораздо больше. Но жизнь непроста: кто-

то разорился, кто-то потерял машины в потопах и пожарах (недавно тут была выставка машины, поднятой с Титаника – так себе зрелище), а кто-то тупо вымирал. Оставшиеся бесхозными «одинокие» машины забирали другие семьи и создатели снов. Со временем начали появляться полноценные фабрики, где сначала разные старые, а затем и созданные с учётом новых технологий машины осаждали, формировали и печатали сны. После чего собственная или внешняя служба доставки развозила их по городам и весям.

Разумеется, каждая семья мастеров сна по-разному называла эти этапы, но отец настаивал именно на таких. Из-за этого я как-то раз чуть не завалил экзамен – вместо принятой фразы «упаковка сна» сказал «печать сна». Пришлось быстро исправляться – мастер Ундервайзер карал за ошибки в терминах отстранением от зачёта.

В городах, так сложилось, доставщики снов ходят в целом по стандартным маршрутам каждый день, плюс сны можно купить в любом приличном магазине. В пригородах и деревнях принято делать запасы и распаковывать коробки снов постепенно. Поскольку считалось, что без снов всему миру наступит трындец, за логистикой следили максимально пристально, чтобы поставки не прерывались.

Несмотря на прошедшие столетия и новые технологии, которые упростили работу, ускорили процесс, одна вещь не изменилась – управлять машинами, давать им указания могут далеко не все. Нужны те, кто в своём роде хотя бы ко-

гда-то имел владельца или мастера сновидений. Даже если семья уже несколько поколений не владела машиной, её представитель мог стать наёмным сотрудником у более успешного конкурента. Например, у Пинчей.

Для работы нужно было заключить сделку на аренду души. Сделку с машиной. В обмен на контроль и создание снов, человеческая душа привязывалась к агрегату, отдавала часть сил и энергии из своего живого существа. Как это работает на самом деле отец толком так и не рассказал, да и на учёбе этот вопрос оставляли лишь тем, кто начинал занимать руководящие позиции, как курс повышения квалификации.

Курсантам и работникам давали лишь малый доступ, или малую сделку души, чтобы мы могли обслуживать и чинить машину, корректировать её работу. Поэтому я и не смог бы остановить всю линию, даже если захотел бы. Лишь замедлить, пока хозяин и его душа в отключке.

Но главное, что без этого никак. Человек и машина, или машины, как у Пинчей, связывались так крепко, что состояние одного звена влияло на другое. Обычно машина стабильна – что с ней сделается спустя сто лет и пару апгрейдов? А вот человек слаб. Поэтому мастеру машины нужно следить за собой и быть осторожным.

Об этой стороне предпочитают умалчивать, но мой отец, Григорий Сновидец, мастер и владелец лавки снов, слишком любит своё дело и всегда пытался привить эту любовь и мне.

В итоге эти знания спасли жизнь и бизнес конкурента.

– Странно, что Аб не знал об этом, – сказал я вслух, на что получил несколько косых взглядов. Я пожал плечами: – У меня тоже был тяжёлый день, могу позволить себе.

Все медленно отвернулись. И Абрафо, и Александра с Андреем уже прошли опрос. Меня же мариновали до последнего, заставив сидеть в коридоре на жёстком неудобном пластиковом стуле, спинка которого врезалась ровно между позвонками грудного отдела. Пытка.

Когда мне захотелось выть от боли и скуки, когда уже даже прогулки по короткому коридору (семь шагов в одну сторону, два на разворот и обратно) достали, а из-под соседних дверей перестал литься бледный свет настольных ламп, наконец дверь с табличкой «Пётр Оскол. Служба Безопасности» открылась.

Оскол стоял в дверях, тяжело облокотившись на косяк. Он снял галстук, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, а в руке держал стакан с водой. Вроде с водой.

– Давай, Сновидец, время поговорить начистоту.

В кабинете пахло потом, лекарствами и какой-то едва уловимой усталостью. Угловой стол, поставленный посреди комнаты, был завален бумагами, папками, карандашами и пачками от творожных сырочков. Зато остальное пространство кабинета словно делало вид: «этот не с нами». Идеально ровно выставленные книги на единственной полке; симметрично висящие на другой стене грамоты и сертификаты; идентичные часы, показывающие время в каждом часовом

поясе. Секундные стрелки двигались с пугающей синхронностью. Местные часы, выделенные зеленоватой рамкой, показывали половину восьмого.

Мне предложили сесть.

– Спасибо, я постою. Хватит на сегодня стульев.

Мужчина пожал плечами, долил себе и мне воды из кулера, капнул в оба стакана из тёмного пузырька.

– Сыворотка правды? – принял я стакан и сразу опрокинул в себя. Жажда замучила.

– Слабительное, – в тон мне ответил безопасник, медленно потягивая воду, после добавил: – Витаминный набор, для мозгов. Чтобы было о чём говорить.

– Приятно, что добавили не только мне. Так о чём будем говорить? О трудоустройстве?

Мужчина не подал виду.

– Дементий Сновидец, во-первых, от лица компании и лично от мистера Пинча, вам выносятся благодарности за быструю и адекватную оценку ситуации и принятие взвешенного решения. Вы показали себя заинтересованным и преданным сотрудником.

Его глаза ничего не выражали и смотрели сквозь меня, но главное я не упустил:

– Сотрудника? Я не ослышался?

Оскол меня проигнорировал, продолжая разговор на нужные ему темы:

– Во-вторых, я вас прошу не спешить с подписанием пред-

ложенной сделки.

– Почему это? Мистер Пинч сам предложил мне.

– Как человек ответственный за безопасность, я должен провести дополнительную проверку и инструктаж. Да и вы сами чувствуете, что что-то не так. Иначе вы бы уже подписали бумагу со своей стороны, пока ждали, или я не прав? – Он попал в точку, и я не удержался от кивка.

Действительно, по какой-то неведомой причине я не рванул подписывать предложенную сделку. Рука несколько раз за день тянулась, но я себя останавливал. Во-первых, чтобы документ полностью заработал, нужно две подписи в присутствии машины или машин. Во-вторых, какое-то странное, ноющее чувство неправильности в груди останавливало от поспешного шага. Как альпинист я привык слушаться этой интуиции. Тем более вчера я позволил себе вечером его проигнорировать, за что поплатился возможными отношениями и здоровьем.

Из задумчивости меня вывела следующая фраза Оскола:

– Тем более, что подозрение о порче машины с вас не снято.

Он демонстративно достал из груды бумаг на столе папку. На ней напечатали мою фотографию. Серьёзно?

– Я-то здесь при чём? Это Андрей залез в панель и потрогал «красивые» шестерёнки, – меня крутило от возмущения и хотелось высказать всё, что я думаю об их безопасности. Ведь за Пинчем и его состоянием они не уследили, ответ-

ственные люди! – Обвинение меня только на основании того, что я Сновидец это...это... это дискриминация! А ещё, у меня лучшие показатели в группе. И мы с Абрафо единственные, кто не струсил оттащить Андрея от машины.

– Выговорились? – милым тоном уточнил мужчина. – На сколько я знаю, только вы трое и были у машины. А учитывая некоторые нюансы, – он похлопал по папке широкой ладонью, – ты самый явный претендент.

– И зачем мне это? Я хочу устроиться на работу!

– А зачем конкуренту идти сюда на работу?

– Да какие мы вам конкуренты? Одна машина против целой фабрики? Даже если я взорву половину машин, что я не представляю, как повернуть, это ничего не изменит. И мне интереснее получать нормальную зарплату, чем изображать из себя потомственного предпринимателя. Тем более такого предприятия.

Я тяжело уселся на стул и откинулся на спинке, закрыв глаза. Силы стекли куда-то на пол и впитались в бетонное перекрытие. Хотелось выйти, хлопнув дверью, но ноги не могли даже выпрямиться, чтобы поднять меня обратно. Плечо адски пульсировало, и я надеялся, что шов снова не разойдётся.

Человек напротив долго и молча изучал меня. Я через чуть приоткрытые веки успел разглядеть у него тёмную полосу на воротнике, линии синей пасты на кисти. От большого пальца и по тыльной стороне ладони тянулся длинный

неровный шрам. Изредка он его чесал, точнее кожу рядом с ним, ведя ногтями вдоль, не касаясь рубца.

– Опишите момент взрыва, – вдруг попросил он.

– Что именно?

– Всё?

Я закатил глаза, но рассказал: как подошли снять показания; как Андрей начал восторгаться подсветке; как стал трогать машину; как я услышал шипение и дёрнул пацанов назад; как бахнуло и обдало жаром; как не сработала система пожаротушения.

На этом моменте у Петра впервые дёрнулось лицо:

– Выводы сделаны, виновные наказаны. Что дальше?

А дальше суета, обожжённые руки у меня и лицо у Аба; горящий рукав; Лекс, сбивающая пламя; а потом вы уже знаете, господин начальник.

Он задал несколько уточняющих вопросов, внёс пометки в бумаги. Он походил на старого библиотекаря или бухгалтера с гроссбухом. Я слышал, что он считает, мол компьютеры менее надёжные.

– Спасибо за уделённое время, – вежливо, как и раньше, подытожил он. – На этом мы закончим.

– Надеюсь, я смог развеять ваши опасения на свой счёт, – вставая со стула, потянулся я.

– Итоговое решение примет комиссия.

Да ты издеваешься! Но он не закончил.

– Со своей стороны я рекомендую рассмотреть вашу пер-

сону, как претендента на должность в нашей компании.

Он встал из-за стола, подошёл к двери и сам открыл её.

– Также меня просили передать: если вам что-то потребуется, вы смело можете обращаться к представителям Пинчей. Они в долгу перед вами.

Ого! Вот такого я совсем не ожидал. Я лишь неловко кивнул и на чуть застывших ногах двинулся на выход.

В раздевалке никого уже не было – дневная смена ушла, ночная заступила на работу. Учитывая, что фабрика обеспечивала снами не только город, но и прилежащие пригороды, плюс создавала запасы на складах в городах поменьше, которые по той или иной причине не могли позволить себе собственного мастера снов, работа в несколько смен имела смысл. Тем более за ночные смены полагалась надбавка. Именно благодаря нескольким дополнительным ночным сменам в месяц я смог купить арбалет и не позориться перед Лекс.

Сейчас в раздевалке было тихо, только в дальнем углу, обнимая картонную коробку с вещами, почти незаметно плакала девушка чуть старше меня. Шатенка с одной ярко-рыжей прядью. Волосы скрывали лицо, но прислушивавшись, было слышно, как она приговаривает, покачиваясь в такт словам:

– Козлы. Козлы. Козлы.

Что ж, не всем так повезло как мне. Хотя, стоит признать, что и я прошёл по краю. А может быть ещё и иду.

Вытащив вещи из шкафчика, я накинул на здоровое пле-

чо рюкзак, достал телефон. Девушка продолжала плакать и ругаться.

– Я могу тебе чем-то помочь? – спросил я, встав рядом с ней.

Рыжая, пусть она была не совсем рыжей, скорее бурой, как медведь, вскинула голову. У неё оказались светло-карие глаза, резкие скулы и очень мягко очерченные губы. Такая симпатичная куколка для выставки. Которая при правильном освещении легко превратится в ночной кошмар.

Лицо девушки перекосило:

– Отвали! Ты один из них!

Она резко встала и вещи в коробке тяжело громыхнули. На пол упал небольшой, до четверти дюйма, разводной ключ.

– Мелкая механика, – я успел наклониться и схватить ключ, покрутить в руках. – На машине снов?

Спецы по тонкой механике крайне востребованы, особенно если нужно работать внутри «души».

Рыжая выхватила инструмент и кинула в коробку.

– Нет. Не доросла, – отстранённо, словно цитируя кого-то, ответила она. – Спасибо.

Девушка обошла меня и пошла на выход. Мне оставалось лишь пожать плечами и пойти за ней. По дороге я включил телефон и теперь ждал загрузки. По какой-то причине машины снов не любят беспроводную связь, будь то телефон, Wi-Fi или Bluetooth. Хотя апгрейдить себя, улучшать интерфейс они не мешают. И на том слава богу. Поэтому рядом

с любой машиной запрещены мобильные, только проводная связь.

С другой стороны, соблазн сделать селфи на фоне чужого свежего сна, нет. Да и трудовая дисциплина улучшается – никто не залипает в ленту и в меру внимательно следит за тем, чтобы упаковка снов получалась без брака.

Рыжая стояла у входа и прижимала коробку к груди. Волосы снова скрывали лицо, но я не сомневался, что она плачет. Я даже понимал её. Она наверняка мечтала об этой работе, но конкуренция или личный конфликт всё разрушил.

Подойти к ней я не успел – в телефон посыпались сообщения о пропущенных звонках, и, самое страшное – все от мамы.

– Что случилось? – ответил я на очередной, вроде как семидесятый вызов.

– Быстрее сюда! – чуть хриловато сказала мама. – Твой отец при смерти.

Единственная вещь из старых легенд и верований храмовников, которая всегда казалась мне правильной и настоящей, была Машина Смерти. Мистический агрегат, который принимает наши тела и души, взвешивает, оценивает, и только после этого отправляет в вечный покой или в Царство-за-знами. Как у любой машины, у неё есть план выработки, продуманный очень и очень давно. Но иногда, по неизвестным причинам, Машина требовала больше, чем обычно, забирая людей с этого света, даже если на первый взгляд они были

абсолютно здоровы.

В такие моменты храмовники говорили, что Машина Смерти обезумела и требует новых, ещё не готовых к пути душ.

Не сбрасывая звонка, я побежал. Видимо началось: Машина смерти сошла с ума.

Глава 4

– Вот ты до чего его довёл!

Я не понял, к кому относилась мамина фраза: к отцу, который неподвижно лежал на больничной койке, чем заставил меня бежать через полгорода; или ко мне, который бежал через полгорода от фабрики конкурента, а не был рядом с отцом в лавке.

– Что случилось? – чуть отдышавшись спросил я. Как назло, лифты были заняты и пришлось бежать по лестнице. И крюка не было, чтобы быстро взлететь на несколько пролётов сразу.

Теперь ноги гудели и сердце колотилось с сумасшедшей скоростью.

– Что случилось? То, что давно должно было – лавка добила твоего отца.

Последние лет пять мама почти не общалась с мужем, хотя продолжала жить с нами в одной квартире. Утром уходила, поздно вечером возвращалась, и при любом удобном случае колола папу аргументами о необходимости избавиться от бизнеса, пока за него готовы заплатить хоть что-то.

Как она говорила: «Пока твоя машина – антиквариат. А скоро будет просто рухлядь».

Я несколько раз пытался их помирить, устраивал семейные вечера, как советовали статьи в Сети. В последний

раз это закончилось тем, что мама поправила свои пышные длинные русые волосы, надела солнечные очки и со всего маху швырнула бокал в стену между мной и отцом. Несколько осколков безвольно ткнулись нам в спины.

– Хватит играть, – сказала она тогда своим низким голосом. – Добром это не кончится. Если ты этого не понимаешь, Гриша, то хотя бы на сына не взваливай.

Отец лишь пожал плечами:

– Я всегда давал ему свободу воли. Он примет решение сам. И я его поддержу.

Поэтому я и пошёл к Пинчам. Плюс Аб звал какое-то время. Зачем отказываться от возможности?

Но сейчас, несмотря ни на что, мы оба сидели рядом с ним.

– Что с Ирин и Ю? – спросил я тихонько, боясь потревожить папу.

– Твои сёстры в другом городе, планируют приехать с утра. Ирин нужно найти с кем оставить сына.

– А что с Александром? — уточнил я про мужа старшей сестры.

– Он в море, не сорваться.

Мы посидели молча. Помимо отца в шестиместной палате лежало ещё трое. Двое спали или находились в коме, а третий таранился в потолок и периодически чихал. От этого звука по палате разносилось эхо, иногда будто застревая в небольших серых тумбочках у каждой кровати.

Кроме нас, других посетителей больше не было и судя по пустым тумбочкам, на которых не было ни цветов, ни какой-то дополнительной еды, хотя бы завалывшегося банана, никто и не заходил.

Мама закрыла глаза и думала о чём-то своём. Как всегда, она то сжимала тонкие губы, то беззвучно говорила. Сегодня она надела простое, сдержанно-ярких цветов платье. На шее висел старый кулон её мамы, моей бабушки, в виде диска из полированной кости какого-то зверя. Он переливался перламутром и отражал огоньки медицинской аппаратуры. В детстве я любил с ним играть, делая то летающей тарелкой, то древним артефактом, который выкапывали на развалинах старого замка из кубиков.

Мама выглядела хорошо и лишь глубокие морщины вокруг рта выдавали возраст и напряжение. Я видел, как ей делают комплименты другие мужчины, в том числе моложе неё, и она с благодарностью их принимает. Папа тоже умеет и делает их, но на него мама не реагирует.

Сейчас отец лежал накрытый простынёй по самое горло. Из носа тянулись тонкие трубочки для подачи кислорода. В плечо под бледно-зелёную простыню уходила трубка системы с лекарствами. Рядом с изголовьем стоял ловец снов с несколькими лечебными снами. Ни один из них не был открыт.

Мой отец, Григорий Сновидец, мягкий, спокойный мужчина сорока пяти лет, скорее миловидный, чем красивый, с

чуть круглым лицом и глубоко посаженными голубыми глазами, цвет которых я от него унаследовал, был моложе своей жены на четыре года. Сейчас же выглядел лет на пятнадцать старше. Короткие русые волосы в темноте казались седыми. Широкое лицо избороздили морщины, а нос казался острым, словно он собрался резать им сны. Только вот сны не шли.

– Сколько снов он уже отверг? – спросил я.

– Все до одного. – Мама открыла глаза и посмотрела на меня. Серая радужка и красная сеточка сосудов. Плакала. Незаметно.

– Это плохо?

– Плохо. Особенно для мастера снов. – Она достала из сумочки пачку сигарилл, покрутила, положила обратно. – Он делал всё для работы, а теперь её лишится.

– Ну, ты же здесь. Значит поможешь – ты же тоже мастер. На крайняк позовёшь Ю – у неё хорошо получалось. Вместе поддержите «Бурю» и всё будет тип-топ.

«Буря» – имя нашей единственной машины.

– А почему не ты? – усмехнувшись спросила мама.

– Я давно сказал отцу, что не хочу управлять лавкой, что пойду по профилю, но куда-то ещё, где меньше головной боли. Тем более ты сама говорила, что бизнес нужно продать.

– Сновидцы так просто не уходят. Впрочем, как и любые мастера снов. Думаешь Пинч-младший отказался бы от ма-

шины снов?

– У него их десятки, в отличие от нас. Там есть ради чего корячиться.

Мама хотела что-то ответить, но нас перебили:

– Простите за беспокойство, – в палату заглянула сестра. –
Время для посещений закончилось.

– Когда его возьмут на операцию? —спросила мама.

– Операцию? Какую операцию? – удивился я. Думал, что раз папа в палате, то всё уже позади.

– Мы надеялись утром, – чуть виновато сказала сестра. –
Но поскольку он не усваивает сны, дримологи изучают варианты. Они будут держать вас в курсе.

– Мы дождёмся их решения, – спокойно, даже величественно сказала мама и вышла из палаты.

– Неужели всё так плохо? – я чувствовал себя сбитым с толку, словно неудачно приземлился после прыжка по крышам.

– Я не просто так сказала, что он при смерти.

Мы сели в зал ожидания и стали ждать решения. Хоть какого-то. Я слепо листал ленту мессенджера, в надежде увидеть что-то полезное или хотя бы интересное. Одногоруппники обсуждали результаты защиты и не придётся ли пересдавать. Кто-то просил срисовать конспект для пересдачи. Кто-то слал пошлые мемасики про Лекс и других девчонок в группе. Ни Лекс, ни Аба, судя по их профилям, давно не было в сети.

Ну да, нормальные люди после тяжёлого дня проводят время в барах, кафе или на альпинистской стенке, на крайняк с родственниками, обсуждая что-то совершенно не важное. Хотя, постойте...

Я посмотрел на маму. Она словно впала в спячку и лишь изредка жевала губами.

– Мам, – тихо-тихо позвал я. В помещении шуршал аппарат по выдаче кофе и бутербродов, раз в пять минут включался кондиционер, чтобы через минуту выключиться. Иногда туда-сюда ходили работники больницы. Вроде тихо, но мой голос затерялся в этом шёпоте непривычной жизни. Я вздохнул и закрыл глаза. Почему я здесь? Усмехнулся сам себе и открыл. Мама не мигая смотрела на меня.

– Ты улыбаешься, как твой отец. – Она покачала головой.

– А что у меня от тебя? – с вызовом спросил я. – Желание жить своей жизнью?

Она опустила голову и неловко поправила причёску.

– У тебя бабушкина память и внимание к деталям, зачастую никому не нужным.

– Так себе наследство, – поморщился я.

– Зато очень помогает сбить спесь с придурков, которые с начала говорят, а потом думают. Или доказать упрямым баранам, что повторение их же неуспешного эксперимента спустя двадцать лет вряд ли даст новый результат.

– Отец всегда любил эксперименты. Только делился ими редко.

– Это моя вина. —Мама грустно улыбнулась. – После нескольких попыток и моих разносов, он закрылся и перестал делиться мыслями. Хотя, вообще-то, я говорила про твоего деда. Он как-то задумал...

В комнату вошёл врач-дримолог и мама прервала себя на полуслове.

– Мы поработали с вашим мужем. Состояние стабильно-критическое. Но нам удалось вживить крошечный сон в одну из дальних зон сознания. Такое ощущение, что остальные части личности впали в летаргию, мозг практически не работает. При этом остальные функции тела в норме.

– Он – овощ? – с хриплым надрывом спросила мама.

– Что ты такое говоришь? – обнял я её.

– Нет, – строго ответил врач. – пока, по крайней мере точно. Я созвал консилиум, ситуация нетипичная.

– В чём причина его состояния? – уточнил я.

– Если бы мы знали, – пожал плечами дримолог. – Он вызвал помощь сам, но когда скорая приехала, команду встречали его коллеги. Как сказала бригада, работники компании были в ужасе, он был похож на зомби, а потом упал прямо в коридоре.

– Если вы не знаете что с ним, как вы будете его лечить? – возмутился я. Мама положила мне руку на плечо, но в её взгляде я прочитал не призыв к спокойствию, а поддержку.

– Поэтому и нужен консилиум, – чуть повысил голос врач. – К тому же медицина, в отличие от мастеров сна, не

стоит на месте. Появляются новые технологии.

– И стоят они, наверное, тоже по-новому, – не удержался я.

– И оборудование есть не в каждой больнице, – закивал врач и тут же поправил себя: – Эти вопросы я предлагаю обсудить после консилиума.

– Каковы шансы? – перевела тему мама, прекрасно зная семейную ситуацию с финансами.

– Не стану загадывать, но если учитывать все обстоятельства – они невелики. Радует лишь то, что он сам видимо не сдаётся и борется теми силами, что у него есть. Но времени немного, поэтому я пойду.

Врач ушёл, а мы сели на неудобные стулья. Меня беспокоило то, что отца вернут в общую палату, не говоря о том, что нужное лечение наверняка обойдётся в круглую сумму. Плюс фраза про «оборудование».

Я вздохнул и снова взял в руки телефон.

«Аб, прости за позднее. Можем поговорить?»

Я не надеялся на ответ в два часа ночи, ведь даже в учебном чате всё затихло. Но друг не подвёл: через минуту профиль загорелся активным зелёным:

«Ну и времечко. Звони».

Я ткнул вызов.

– Привет, прости, что так поздно. Как отец?

– Да, норм. Я час назад вернулся домой, – зевая ответил Абрафо. – Отцу прописали восстановление, лёгкую диету и,

не поверишь, физические нагрузки. А ещё, оздоровительный сон, причём рекомендовали сны производства твоего отца!

Я вспомнил оставленную пахнущую воском коробочку на ловце снов.

– Кстати, насчёт отца. Моего отца.

– Что-то случилось? – голос Абрафо изменился, он явно проснулся.

– Да. Он, – я посмотрел на маму. Та уставилась невидящим взором в стену и не слышала, что происходит вокруг. – Он заболел. Тяжело. Не знают, что это. При смерти.

– Шансы есть? Что нужно?

– Ждёт ответа. Вроде как есть какое-то лечение на новом оборудовании.

– Понял, – коротко ответил Аб. – Я перезвоню.

И он сбросил.

Я медленно опустил трубку и посмотрел на экран. Абрафо снова был «вне сети». Хотя, ничего удивительного. Он и так много сделал для меня, сына конкурента, пусть и друга. А тут речь пошла даже в первом приближении о совсем немалых деньгах. Плюс его отец тоже болеет. Да и я, молодец, додумался звонить посреди ночи.

А кому ещё? Лекс? Она явно бы послала меня подальше ещё на подходе. Да и денег бы мне точно не дала – пока не закончит учёбу, деньги семьи, и так небольшие, ей недоступны – я сам покупал ей часть оборудования.

Глаза щипало и я резко встал, прошёлся по залу ожида-

ния, изучил содержимое вендиго-автоматов. Здесь были газировка, бутерброды, короткие сны, чтобы взбодриться на быстрой фазе.

– Не бери здесь ничего.

От неожиданности я уронил монетку, что думал вставить в автомат. Я всё не мог привыкнуть к хриплому голосу мамы.

– Даже воды? – я поднял монетку с пола.

– Не трогай сны. Ширпотреб. Причём неуместный. Кто додумался в больницу ставить «Лёгкую прогулку»? – Она ткнула пальцем в стекло. На полочке лежала шафраново-жёлтая коробочка из картона с дорожкой из рельефной плитки.

– Лёгкое, отвлекает, даёт силы? – пожал я в ответ плечами.

—А что бы ты поставила?

Мама наклонила голову, словно вглядываясь в холст. По лицу скользнула саркастическая улыбка.

– Здесь нужны «Храм тишины», что-то вроде «Вершины» для воли и, конечно, «Шалфей».

– Себя не похвалишь, никто не похвалит.

– Что делать, если лечебного сна лучше нас никто не придумал.

Я смотрел на неё и не мог оторваться. Мама на мгновение стала такой, какой я её помнил в детстве. Когда она смеялась шуткам отца, подтрунивала надо мной, и при этом готовила невесомый воздушный сырный пирог.

– А как это – создавать новые сны?

– Тяжело. Невыносимо тяжело, – неожиданно ответила она. – Словно нужно сменить свою реальность, законы физики, которой подчиняются твои тело и сознание. Но как только поймёшь как, дальше начинается полёт, лёгкость и путешествие за край. Путешествие, из которого не хочется возвращаться.

– Почему же вернулась?

– Вы держали. Сыну и дочкам нужна была мать. А мужу —муза.

– Что изменилось? – я незаметно для себя вытянул шею и тотчас втянул обратно.

– Вы выросли. А муж... муж сделал то, чего я от него совсем не ожидала.

Она замолчала и снова погрузилась в бессловесную бездну. А я задумался, что мог сделать отец. Самое очевидное лежало на поверхности: другая муза, в смысле, женщина. А когда мать узнала и практически перестала с ним общаться, он начал чрезмерно заботиться обо мне, гиперкомпенсируя потерю.

И всё же она не ушла и находится здесь, несмотря на такое. Я обнял маму и отвёл к стульям, после чего налил пару стаканчиков травяного чая.

Завибрировал телефон.

– Уснул, что ли? – возмутился Абрафо.

– Только чаю налил, какой сон, – сердце в груди больно застучало.

– Я поговорил с отцом, он дал все указания.

Я молчал в трубку, ни в силах что-то сказать. Абрафо понял это по-своему.

– Успокойся. Твоего отца переведут в нормальную палату, а затем сделают всё, что нужно. Оборудования на месте нет, но его уже заказали, должны скоро перевезти к вам. Так что сосредоточься и помоги матери. Да, мне сказали, что она с тобой. Передавай ей привет от меня. А ещё её сестра зовёт в гости. – И прежде, чем положить трубку, добавил: – И да, завтра на работу не надо.

Я деревянно поблагодарил и нажал отбой.

– Всё в порядке? – спросила мама.

– Вполне, – ответил я и рассказал про решение Абрафо по поводу лечения отца. – А ещё тебе привет от сестры. Зовёт в гости.

В следующую секунду стаканчик с недопитым чаем полетел в стену.

То, что у моей мамы и мамы Абрафо отношения напряжённые я догадывался, но не настолько же!

– Мелкая плутовка! – сестра мамы, тетя Валенсия Пинч, была младшей в семье. – Когда всё хорошо, фиг напишет. А стоило пойти наперекосьяк – сразу в гости.

– Может она пытается помочь и сопереживает? – я постарался оправдать тётю.

– Если только сопережёвывает! Питается чужой болью и страданием. Небось и мужа подговорила помочь нам, чтобы

насладиться нашей беспомощностью.

Мама замолкла. Она глубоко и резко дышала, не в силах успокоиться. Волосы растрепались и она провела рукой по ним, словно убаюкивая их. Или саму себя.

Я сел рядом и обнял, уткнувшись лбом в плечо. Вдруг мне стало совершенно спокойно и легко, как в детстве. От неё пахло тонкой ноткой шалфея и мёда. И, конечно, снами. Она всегда делала их всей семье. Пока мы с сёстрами их не переросли.

Через пару часов пришёл врач и сообщил, что консилиум состоялся. Благодарил, что организовали доставку нового оборудования – оно очень пригодится больнице и в благодарность за это отца обслужат на нём первым и уже перевели в палату повышенного комфорта.

– Молодой человек, ваше отношение к отцу и забота о нём многого стоит, – врач крепко сжал мою ладонь и сильно её потряс. Видимо Абрафо действовал от моего имени. – Мы потом всё вам подробно покажем и расскажем.

Когда я вернулся домой и рухнул в кровать, я написал лишь одно:

«Спасибо».

«Сочтёмся :D»

Следующий день прошёл в бытовой суете. Мне мешало больное плечо, но я старался помогать маме по дому: готовить места для сестёр, которые спешили в родное гнездо. Также пришлось пару раз смотаться в больницу, отвезти ве-

щи и личные лекарства – неожиданно оказалось, что у отца их целая горсть на каждый день.

Несмотря на всю подготовку, день всё равно преподнёс сюрпризы: первой появилась Норна, средняя сестра. А я для неё даже не постелил постель! Дело в том, что она ушла из дома в шестнадцать лет, несколько лет пропадала неизвестно где, потом вернулась в город, но жила своей независимой жизнью. Я её не видел года два и не ждал появления.

Тряхнув крашенными в чёрный цвет волосами, она крепко обняла меня, потом внимательно изучила, хмыкнула чему-то своему:

– Не переживай. Худшее ещё впереди, – и пошла на кухню, шуршать в холодильнике.

Ирин и Ю приехали вместе: видимо младшая Юлиана встретила старшую с поезда и привезла на машине. Ирин после родов слегка распухла, но её грива светло-русых, как у меня, волос всё ещё смотрелась шикарно. Мы с ней были парой противоположностей: девочка-мальчик, старшая-младший, но при этом внешне мы походили друг на друга больше всех.

– Демон, тебе нужно щёчки отрастить – и будешь походить на её сыночка, – держа в руках крекеры, сказала Норна и пошла в большую комнату и единственному дивану, который был не занят.

– Не обращай внимание, – обняла меня Ю, вжимая свой носик мне в плечо. Она всё ещё была старше, но вполне

могла сойти за тонкую маленькую сестрёнку, которую нужно всеми силами защищать. Даже короткая мальчишеская стрижка не убирала её миловидность – она походила на маму в молодости, судя по фотографиям.

Мама пришла чуть позже, рассказала общие новости о состоянии отца и принялась колдовать на кухне. У меня случился приступ дежавю: вся семья в сборе, все припаханы к работе и даже отстранённая Норна одной рукой листает ленту в чёрном телефоне с черепом на чехле, а второй – мешает жидкое тесто для блинчиков.

Я же, как всегда, между всеми: «подержи-подай-принеси», а также «залезь-повыше-не-упади-ох-зачем-столько-в-этой-кастрюле».

Под вечер, еле держась на ногах, я написал другу:

«Как у тебя? Мне кажется, что я сейчас сдохну. Столько дел, людей. И все спрашивают, какие у меня планы».

«У меня также. Отец решил вдруг отдохнуть и вообще игнорирует всех, в том числе меня. Спихнул на меня всю фабрику, представляешь?!»

«И как оно?» – меня прошиб жгучий интерес.

«Тебе и не снилось! :D А если серьёзно – непросто. Но вроде справляюсь. От сделки до сих пор мурашки по коже бегают».

«Круто! Завидую тебе».

«Чего бы? Ты же против управления фабрикой? К тому же тебе проще – у тебя одна машина, считай никаких проблем».

Я нахмурился и застучал по экрану телефона:

«В том-то и дело: толку-то от одной? Представляешь как было бы круто присоединить её к общей сети. Говорят у старых машин от этого повышается эффективность».

Абрафо почти целую минуту не отвечал, после чего прислал сообщение:

«Слушай, а это идея. Я сейчас уточню один момент».

Абрафо ушёл, а я перевернулся на спину и раскинул руки на кровати. Раздеваться совсем не хотелось. За дверью было слышно, как гремит посудой старшая сестра, а младшая Ю говорит с кем-то по телефону:

– Нет, я не приеду. Представляешь?! У меня есть и другие дела, – тишина, слушает ответ. – Ну и хорошо. Ну и поговорили. Пока.

После чего смех Норны:

– Я же говорила, что он дурак. А ты не верила. Теперь согласишься? – И снова смех, но уже всех троих.

Зазвонил телефон – Аб.

– Слушай, я тут переговорил с отцом, – его голос звучал возбуждённо. — Я рассказал про твою идею объединения. А он предложил крутую тему! Я же правильно помню, что ты не хочешь заниматься бизнесом, да?

Вежливый сарказм, ага.

– Что-то вроде того, – чуть настороженно ответил я.

– Короче, смотри, – Аб был необычайно рад. – Отец предлагает такой вариант: мы перевозим и ставим твою машину

к нам, подключаем к сети, начинаем работу и... – Он сделал паузу.

– И-и-и? – не выдержал я.

– И ты получаешь долю в бизнесе! – почти выкрикнул Абрафо. – Пока миноритарную, но всё же. Плюс должность по выбору. Кроме директора, – смеётся. – Станешь со-инвестором и вперёд! Оперативка на нас. Звучит, да?

Звучит. Очень даже звучит. Я почувствовал, как вспотели ладони.

– Договор? Сроки?

– Да хоть завтра. Отцу твоя идея понравилась. А после того, в кабинете, он тебе доверяет. Ну что, завтра сделаем?

Я сел на кровати, постарался собрать мысли в кучку.

– Слушай, но ведь это машина отца.

– Понятное дело! Никто же ничего не говорит. Но ты единственный наследник. Он в коме или около того. Деньги на лечение и восстановление в какой-то момент всё равно понадобятся. Тем более зная твоего отца, как только он придёт в себя, он откажется от нашей помощи.

Верно. Откажется. И работать не сможет, по крайней мере сразу. Сёстры и мама помогут, но опорой в семье должен быть мужчина. А после него следующий я.

– Хорошо. Давай. Завтра. Нужно ловить момент.

– Отлично! – Аб ликовал. – Завтра подскочу к тебе в лавку.

– В лавку?

– Договор по машинам подписывают только в присутствии машин. Ты запомнил про эмоции, но забыл про договоры?

Я неловко помолчал в трубку под смех друга.

– Ладно, до завтра. После подписи – с меня обед!

Он попрощался и положил трубку. А я всё-таки разделся, покрутил в руках коробочку со сном родителей, убрал в сторону и выключил свет.

Завтра мне понадобится чистая голова без чужого вмешательства. Даже если оно во благо.

Нужно принять решение. И от этого было очень и очень страшно.

Глава 5

– Мы точно туда пришли? – шутка Абрафо повисла в грязном воздухе старого промышленного района.

Нет ничего страшнее разрухи. Она незаметно растёт, раскидывает свои щупальца, затаскивает в свои сети дома, улицы... Людей. И вдруг то, что ещё вчера сверкало и манило богатством и силой, превращается в пыльное, полуживое существо, тянущее к тебе свои костлявые пальцы.

Именно такое ощущение я испытал, когда подошёл к дому номер пять дробь семь на Летней улице. Над мрачным входом висела выцветшая табличка, созданная ещё моим прадедом: «Лавка Сновидца». Лавка, что когда-то занимала всю улицу, весь производственный комплекс. Не только «дробь семь», но всё от «дробь один» до «дробь десять». Само здание было построено вокруг нашей машины! Тогда прадеду это казалось смешным: назвать процветающее производство обычной лавкой. Типа домашний подход, как настой снов от родной бабушки.

Похихикал прадед, не зная, куда это всё приведёт.

– Ты, конечно, жаловался, что бизнес не в форме, но я не думал, что настолько буквально, – протянул Абрафо, прикрывая козырьком кепки глаза от восходящего солнца.

– А ты думал, что я просто так хочу устроиться на работу? Или думал к тебе подмазываюсь, потому что ты такой кра-

сивый? – постарался я отшутиться и Аб хмыкнул, поправляя сумку с документами.

Я старался не подавать виду, но увиденное меня потрясло. Мы припёрлись в адски-ранние семь утра и я зевал всю дорогу. Но сейчас сон просто сдуло. Казалось, что лавку разграбили, причём лет десять назад. Впрочем, как и всю улицу – везде, на дороге и тротуарах, валялся строительный мусор. У следующего подъезда «дробь девять» стояла ржавая тележка из магазина, а под ней спал бомж в ярко-красной кепке. Большинство окон по улице были забиты досками и деревянными щитами и только наше грязным подслеповатым глазом пялилось на прохожих.

– Что ж, давай не будем медлить, – фальшиво бодро сказал я и повёл друга к зданию.

Одноэтажное промышленное здание из красного кирпича высотой два стандартных жилых. Нависающая полукруглая крыша над бывшими промышленными цехами. Обсыпавшиеся серые барельефы рабочих на фронтоне, плохо скрывающие под собой потёртый временем кирпич. Дырявая труба водостока, больше похожая на тощего кривого торчка, замершего в момент ломки.

Главное теперь, чтобы Абрафо, глядя на эту разруху, не передумал.

– Так, открываем и заходим. – Я зазвенел ключами от входной двери.

Они всегда висели на крючке в моей комнате. Их не пря-

тали, не обещали «за хорошее поведение». Дверь для меня всегда было открыта. Видимо отец надеялся, что когда-нибудь я сам приду в лавку. Пришёл. Внутри кольнуло, но я постарался заглушить эту тонкую боль.

С трудом нашёл выключатель справа от двери. Мне казалось, что он находился выше, но видимо в последний раз я включал свет будучи подростком на полголовы ниже. Хрустнула пластиковая кнопка и желтоватый свет залил Лавку. Входная часть помещения была оформлена как небольшой торговый зал старинной лавки: витрины для товаров, широкая деревянная стойка, до сих пор блестящая лаком. Под потолком висели витиеватые, тяжёлые старомодные люстры. Казалось, что сейчас откуда-то выпадут прабабушкины панталоны и кто-то потребует коня.

Но потребовали объяснений:

– Кто там припёрся? – хрип умирающего от перерезанного горла раздался из тёмного прохода, а через мгновение показался и владелец ужасного звука. – Решили проблем зарабатывать?

– Может и заработать, но точно не проблем, дядя Нестор, – ответил я, открывая руки для объятий. Совершенно искренне.

Дядя Нестор сторожил лавку всё то время, что я себя помню. Сейчас седина полностью покрывала его косматые волосы и бороду, но когда-то они были чёрными, хотя росли такими же клоками. У него были какие-то проблемы с горта-

нью после службы, от чего он хрипел похлеще, чем монстры из Царства-за-снами. Но этот низенький, квадратный человек, обожал моего отца и часть этого обожания перенёс на меня маленького. Такого количества страшных историй ни до, ни после общения с дядей Нестором я никогда больше не слышал.

Однажды это даже спасло меня от позорной повинности ловить комаров: пока остальная малышня отработывала норматив в лагере, старшие ребята слушали мои рассказы.

Правда, эти знания пригодились лишь единожды в том лагере – больше некому особо было рассказывать. Норна и сама могла такой жути нагнать, что Ю пряталась под подушкой, а Ирин кидала в сестру фонарик. А теперь мы переросли эти детские байки про гроб на колёсиках и существа, что воют сиреной, а потом сжирают путников, пришедших на их зов.

– Малыш Дементий! – мужчина в развалку подошёл ко мне посмотрел снизу вверх. – Вырос, ничего не скажешь. А это темноволосая шпала кто?

– Это мой друг, Абрафо, – представил я друга, и они пожали руки. – Дядя Нестор, я по делу. Надо к машине пройти. Пустишь?

– Ой, прав ты. Пока с мастером Григорием такая беда, вся надежда на тебя – ты же старший Сновидец.

Старый человек забавно засуетился, охлопывая себя по карманам. Он ходил в каком-то потрёпанном морском ките-

ле, а ноги утопали в гигантских ботинках. Мне всегда казалось, что в них можно плавать, как на лодке, останется только поставить парус. Но главное, у него было очень много карманов: в кителе, штанах и в том, что он носил под всем этим. Что там хранилось я сказать не возьмусь.

Наконец, он достал ключ.

– Вот, это от рабочего помещения. – Он отдал тяжёлый ключ из зеленоватого металла мне. – Остальные подойдут позже – мадам Пакхус решила, что нет смысла приходить на полный день, когда машина не работает. – И словно извиняясь, дополнил: – Но бухгалтерию и склад, благодаря нам, она держит в образцовом состоянии!

– Спасибо, дядя Нестор. Мы пойдём, а ты побудь здесь, хорошо? – неуверенно сказал я.

– Конечно-конечно. Когда все придут, я скажу.

Он вышел на улицу, сладко потянулся и громко рыгнул. По улице пробежало короткое эхо, и потревоженный под тележкой бомж невнятно выругался. Абрафо еле сдержался, чтобы не заржать.

– Я всё больше и больше тебя понимаю. – Он подмигнул. – Куда телефоны положить?

Демоны, чуть не забыл! Сразу видно, кто думает глобально и вот кому действительно принимать серьёзные решения. Мелочь, а могу угробить наследство на раз-два, даже не дойдя до него.

Я достал из-под прилавка специальный ящик с обитыми

металлическими пластинами стенками, положил в них телефоны, закрыл на кодовый замок.

– Хорошо не навесной, – отметил я, чувствуя, как горят уши.

Я убрал ящик в специальную нишу, где он встал в секретный паз – просто так не вытащишь. Абрафо похлопал меня по плечу и другой рукой подтянул ремень чёрной сумки – на улице он уже показал мне папочку с договором. Оставалось дойти до машины снов и сделать то, ради чего мы пришли на этот склад грустных воспоминаний и пыли.

А пыль была везде. Я не узнавал место. Отец никогда не допускал тотальной грязи, но фабрика (фабричка) выглядела так, словно он несколько месяцев здесь не находился. Надо будет переговорить с дядей Нестором и Пакхус, чтобы понять, что вообще произошло. Но после. Всё после.

Я чуть ускорил шаг и подошёл к зелёной, обитой металлическими полосками двери. Текстура дерева была такой рельефной, что в складках материала можно было потеряться. Зона вокруг ручки была натёрта до жирного блеска, а металлическое кольцо сияло серебром. Крупная замочная скважина была прикрыта металлическим язычком.

– Старомодно, – протянул Аб. – Хотя, если производство небольшое, то на эффективности наверняка не скажется.

Он с сомнением покачал головой, видимо представляя, как каждый раз открывать и закрывать такие двери, после чего добавил:

– Но всегда можно водить экскурсии, да?

Конечно, у них автоматические двери, видеокамеры, собственная охрана и проверка уровня доступа по размеру сделки. Мало кто может пройти в производственные залы и ещё меньше, кто может реально повлиять на машины. За всеми этими людьми на территории фабрики ведётся постоянное наблюдение. Ну, почти постоянное.

Я старался не слушать неловкие слова поддержки Аба, а вставлял ключ в двери. Руки дрожали. От стыда, от раздражения на отца и... от обиды. Наконец, замок щёлкнул, и я распахнул дверь. Уже не рассчитывая ни на что хорошее, я первым проскользнул внутрь. Но уже у входа я спокойно выдохнул: «Буря» стояла на месте и, как всегда, была величественна.

– Потрясающе, – прошептал Абрафо. – Я всегда забываю, что они настолько огромные.

Современная машина снов с производств, вроде фабрики Пинчей, высотой редко превышает два с половиной-три метра и нескольких метров в длину. Наша же, классическая, старая, пережившая в этом виде, как минимум три или четыре столетия, и демон пойми сколько в других, возвышалась почти на семь метров в высоту. И ещё больше в ширину, ведь только семь метров занимало центральное колесо или большая шестерёнка. Самая тяжёлая, важная для производства и простая в ремонте часть.

От неё в стороны, вперёд и назад, расходились механиз-

мы, питающиеся от её движения и обеспечивающие создание и воспроизводство снов: шестерёнки поменьше, простая линия конвейера, красный ящик с «душой», ручки управления, похожие на коробку передач в грузовой фуре, умноженную на семьдесят семь.

– А почему колесо не крутится? – вдруг спросил Абрафо. – У нас за такое бы уже уволили.

Он указал пальцем на замершую машину.

– Ты про главное? – улыбнулся я. – Это же энергоёмкий процесс. Это ваши должны крутиться без остановки, за счёт того, что его нет. – Я кивнул на большую шестерёнку. – У вас больше нагрузка на тонкую механику. Большое же запускается только в момент производства, и то не всегда.

Аб выглядел сбитым с толку, а я, наоборот, почувствовал прилив уверенности.

– Для поддержания жизни такой машины как Буря, – я похлопал по механизму рукой, – необходимо, чтобы работала определённая её часть. У вас эта часть основная, и именно поэтому они гораздо меньше. У нас же всегда работает вот тот, типа незаметный, блок слева, видишь? Оттуда ещё слегка гудит.

Я замолк, и мы слышали едва заметный приятный гул.

– Идём, познакомлю вас с будущим активом, – я по-детски взял Абрафо за руку и потащил к машине. Аб не сопротивлялся.

– Но-но, смотри, чтобы эмоции не взорвали машину!

Я остановился и Аб врезался в меня. Я сдавленно вдохнул и выдохнул. Он прав. Не сейчас. Только не сейчас. Держим себя в руках и не спешим.

– Идём, проверим систему.

И мы степенно, как взрослые и опытные люди пошли к Буре. Она словно смотрела на нас сверху вниз и изучала, кто это пожаловал в гости в тень её пыльного, но всё ещё заметного величия.

Через световое окно в потолке лился лёгкий утренний свет, словно через витраж в храме. В луче парила пыль, погрузившись в только ей понятный танец. Стояла спокойная, умиротворяющая живая тишина, полная одной ей понятными звуками. Наши шаги естественным образом дополняли её.

Вблизи гул холостой работы больших и малых шестерёнок слышался гораздо лучше. Словно урчал большой, толстый кот после первой ложки сметаны: ложка хорошо, я доволен, но жду следующую. Машина ждала приказа на следующую ложку, точнее, порцию снов. Я чувствовал её нетерпение.

– Здравствуй, давно не виделись, Буря, – осторожно начал я, сдерживая неожиданно накативший восторг. – Я пришёл... Мы пришли к тебе с предложением.

Аб протянул мне документ и молча указал пальцем на абзац договора, который необходимо было зачитать машине.

– Мы предлагаем тебе работу. Новую работу. – Я взял лист и вслух произнёс классическое введение, почти мантру. –

«Людам во все времена нужны были сны. И только помощь мастеров позволила людям не сойти с ума. Первыми помощниками мастерам всегда были Машины снов».

Наша машина, словно услышав старую клятву, дрогнула и пыль в луче света активнее закружилась вокруг огромной шестерёнки.

– «Предлагаем тебе новый договор!»

У меня на голове зашевелились волосы – воздух в помещении наэлектризовался, запахло озоном. Буря внимала, словно заскучавший в стойле боевой конь, чувствующий, что хозяин готовит новое седло. Краем глаза я заметил, как колыхнулось главное колесо, шевельнулся весь непростой механизм. От этого сердце билось непростительно громко и сильно.

– «Стань частью команды, стань опорой для богов, создавай сны, которые поведут людей. Присоединяйся к команде Пинчей, будь с нами».

Бумага в моих руках нагрелась и Абрафо протянул особую ручку. Ту, что могла писать кровью. Кровью мастера – владельца – машины снов. Я сжал её в руках и начал читать последнюю фразу:

– «Покинь родной дом, найди новое пристанище, стань частью большего. Рассей мрак!»

Огромное колесо пришло в движение, засверкали электрические разряды.

– Так и должно быть?! – крикнул Абрафо, но его голос

долетал до меня, словно против ветра.

Да и как ответить – я не знал.

Поэтому я просто поставил ручку на бумагу, почувствовал, как острый край вонзился мне в руку и первая капля устремилась к договору.

От Бури пахнуло жаром, кожа резко стала сухой и жажда вцепилась в горло, как вурдалак из кошмарного сна, созданного матерью Абрафо. Я чиркнул ручкой по бумаге, опустил взгляд.

Пусто.

Чиркнул ещё, чувствуя боль в ладони. Ничего.

– Не пишет! – сказал я, но Аб не услышал. Я крикнул: – Ручка не пишет!

Друг выхватил её у меня из рук, потряс. Я увидел, как капля моей крови вылетела и упала ему на рубашку.

– Видимо забилось, попробуй. – Он протянул её обратно, и я снова поставил ручку на договор.

Росчерк, боль в ладони и пустота.

Я посмотрел на Машину. Она висилась надо мной, и, словно издеваясь, медленно крутилась, сыпля малозаметными, но такими горячими искрами.

– Это нужно сделать. Мне это нужно. Это мой шанс, – шептал я, но машина продолжала крутиться, каким-то образом не давая моей крови попасть на бумагу. То, что дело в ней, а не в ручке, я чувствовал. Чем? Каким-то внутренним чутьём. – Отец болен, почти при смерти. Если мы сейчас те-

бя не продадим, то ему конец. Ты хочешь, чтобы твой мастер умер?

Я не надеялся, что набор шестерёнок меня услышит – они могут взаимодействовать с нами, но слушать – вряд ли. Но я надеялся, что Абрафо не слышит мои слова и умоляющие нотки в голосе. Ибо без него – я пропал. Профукал шанс раз и навсегда.

Я сжал ручку в ладони, чувствуя, как острая игла впивается глубоко-глубоко в руку. Так, что раненное плечо резко запульсировало болью. В глазах мелькнула дымка, но усилием воли я её прогнал. Сжал руку ещё сильнее.

И вдруг кровь потекла. Не через ручку, а прямо по ней. Недолго думая, я присел, положил договор на колено, и, обмакнув палец левой руки в кровь, положил на бумагу. Я не успел понять, осталась ли кровь на бумаге, потому что сжался в комок.

Лавка затряслась. Сверху до низу. Загрохотала, как чудовищные жернова, как дом, попавший в эпицентр землетрясения. Огромная шестерёнка завертелась, бешено разгоняясь, создавая вокруг себя не сны, но безумный ветер, от которого слезились глаза. Краем сознания я вдруг видел какие-то фигуры, образы, силуэты, но они проносились мимо так, словно убегали от неведомой беды. Сердце внутри норовило выскочить и кинуться вслед за этими странными тенями.

А потом раздался треск, как молния разрывает сухое небо, и колесо, накренившись, скатилось со своего пьедеста-

ла.

Я почувствовал тошноту, тупую боль в груди и закачался под весом невидимого мне груза. Голова кружилась и оставалось лишь одно. Последнее, что я услышал, прежде чем пол кинулся мне в лицо, были слова Абрафо:

– Кажись, мне нужно позвонить.

Куда и зачем я не узнал: жидкая тьма залила мне уши и глаза, и я захлебнулся в том, что называют мраком за веками.

Глава 6

Просыпаться оказалось больно. Кашель рвал лёгкие и горло, хотелось вывернуться наизнанку, чтобы избавиться... от чего? Казалось, что я нахлебался воды и теперь с трудом выбрался на сушу. Но я не чувствовал берега под собой, не чувствовал влаги в воздухе. Да и увидеть ничего не удавалось, словно меня засунули в тёмный подвал, заодно завязав глаза.

– Хорошая шутка, Аб, в твоём стиле, – с трудом преодолев кашель, сказал я и на всякий случай ошупал лицо, чтобы снять повязку.

На лице ничего не оказалось, лишь небольшой синяк слева под глазом искрил болью. И Аб не отозвался. Мой голос моментально затих, застрял в вязкой тишине.

– Что за фигня? – сказал я громче и закашлялся. Горло ещё не отошло после того, как я тонул.

Захотелось пить. Я зашарил руками вокруг себя, пытаюсь нащупать ну хоть что-то, чтобы понять, где я нахожусь и что происходит. А лучше, чтобы найти бутылочки освежающей водички.

Под пальцами оказались неровно подогнанные то ли плиты, то ли кирпичи. Пальцы цеплялись за края, шли вдоль линий, иногда царапаясь о сколы и неровности.

– А какой пол у нас в лавке? – вдруг задался я вопросом и понял, что не знаю ответа. Никогда не интересовали такие

подробности – пол и пол.

Вроде не плитка. Или всё-таки она? Да какая разница!

– Аб, помоги! – гневно выкрикнул я. Не хотелось признавать свою беспомощность. – Что-то случилось.

– О, тут ты прав.

Это был не Аб. У Абрафо голос был пусть и низким, приятным баритоном, но всё же в нём звучала и лёгкая металлическая, звонкая нотка. У того голоса что ответил мне, звонкости не было и в помине. Только пыльная серость, словно он очень долго пролежал на полке никому не нужный. И рокот. Рокот спрятавшегося до поры до времени за дюнами моря. Вроде далеко, но всё равно опасно.

– Кто ты?

Стандартный вопрос для нестандартной ситуации. Я закрутил головой, надеясь понять хотя бы, где сидит тот, кто мне ответил. В темноте всё также было ничего непонятно, плюс голова резко закружилась.

– Что случилось? – ещё громче спросил я.

– Что-то. Ты же сам сказал.

Снова пыльный, чуть рокочущий голос. Вроде справа. Я повернулся туда и, напрягая глаза, постарался разглядеть в чернильном мраке хоть что-то.

– Добрый день. Или уже вечер? В общем, как поживаете? – на меня нашло резкое желание поболтать, выговориться. Словно я стал летучей мышью, которая ориентируется по отражённым звуковым волнам.

Только я не мышь и всё также не ориентируюсь в происходящем.

– Здравствуй, Сновидец. Давно не заходил.

Как интересно. А я заходил? Оказалось, задал этот вопрос вслух.

– Понятно. Началось. – Рокот в голосе стал мрачнее, гуще, но оставался всё ещё таким же далёким.

– Что началось? Что-то? – в последнем вопросе я не смог удержаться от сарказма. Ну какой нормальный человек так разговаривает?

– Да.

Очень подробно, спасибо. И что мне делать с этим ответом?

– Вы не подскажите, где здесь выключатель. Немного не хватает света для комфортной беседы.

Голос хмыкнул:

– Свет всегда с тобой, – серости, тусклости в голосе стало меньше, словно с него стряхнули пыль и позволили говорить громче. Но рокот продолжал присутствовать где-то недалеко.

– Звучит красиво, но не очень помогает.

От нервного напряжения я вёл себя излишне нагло, понимал сам, но даже если это похититель, злой конкурент или просто странный псих, пока что он вёл себя спокойно и даже не двигался – кроме голоса я не слышал никаких звуков. Плюс меня никто не ограничивал в движении.

Я попробовал встать, но голова закружилась и пришлось быстро сесть обратно – оказывается без зрения двигаться совсем непросто.

– Зачем ты пришёл? – спросил рокот.

– Никуда я не приходил. – Теперь голос словно шёл левее. Видимо пока я вставал покачнулся и сдвинулся. Надо повернуться к... эм... нему лицом. – У меня были дела в лавке, проводил экскурсию, видимо заплутал.

Вдруг я снова закашлялся и боль в горле напомнила моё состояние: падает колесо машины, а затем я будто тону и жидкий мрак заливает меня со всех сторон.

– Вижу, начинаешь вспоминать. Что-то. – Теперь в рокоте появилась та же самая нотка, едва уловимая нотка сарказма. – Так зачем ты пришёл?

Угадайка – это, конечно, интересная игра. Но обычно в ней интерес не только в том, что загадывают, но и кто. Иначе наблюдать за процессом становится крайне скучно. А если не можешь отгадать – то крайне раздражительно. Вот прям очень-очень.

– Знаете, я понял, – наигранно весело заявил я. – Мне нужно вернуться назад. Меня ждёт друг, семейные дела. Ну, понимаете, те, кто любит, заботится, защищает.

– Тебя там не ждут.

Голос прозвучал совершенно спокойно, словно человек (или кто ты там) говорил научно доказанный факт. От этой рокочущей уверенности у меня внутри всё перетряхнуло.

Как так не ждут? А мама? А Аб? А работа у Пинчей? Не-не, мистер голос, я хочу получать мои дивиденды. И даже договорился о продаже Машины снов!

– Не знаю кто вы, жаль мы не представились друг другу, но мне нужно идти. Если у вас есть какие-то планы на меня – озвучьте, пожалуйста. Если нет – укажите, куда двигаться, чтобы выйти.

Снова замерла тишина. Мне показалось, что она нависла надо мной – осязаемая, но при этом невидимая, как приготовившийся к прыжку с дерева гепард. На шее выступила испарина и в горле окончательно пересохло.

Мгновения длились и длились, а потом вдруг пелена напряжения исчезла.

– Сновидец. – В лицо дунуло ветром, от чего по коже пробежали истерически напуганные мурашки.

– Да? – чуть постукивая зубами уточнил я.

– Ты снова не готов. Можешь выйти. Если хочешь.

– Хочу-хочу. Чего-то это мне сидеть в темноте и разговаривать неизвестно с кем, – а потом, спохватившись, что сейчас голос передумает, добавил: – если вы конечно подскажите, куда идти. Тут, понимаете, всё ещё темновато.

– Это будет вдвойне интересно. – Теперь рокот в голосе больше походил на урчание кошки. Голодной кошки.

– Что будет интересно? – беспокойство накрыло меня с головой и я вскочил.

На мгновение мне показалось, что я что-то увидел. Две

точки горящих глаз. Снова напряг глаза, но темнота была всепоглощающей... А вот, нашёл!

– Эй, я вас вижу! – крикнул я, указывая пальцем на два синих огонька, что сияли передо мной.

– Это что-то меняет? Ты же собрался уходить.

Глаза после этого словно стали чётче, зримее. Они висели посреди темноты, как отдельная живая сущность. И светились. При этом не освещая ничего вокруг, никакого лица. Будто бы здесь были только глаза, без головы и тела.

– Кажется, вы потерялись, – растеряно сообщил я.

– И такое бывает, – философски пророкотал голос.

– Эм, может вам, это, помочь?

Вот зачем я это сказал? Говорить с летающими светящимися глазами неизвестно где – это разве нормально? Сейчас вернусь к Абу, а он признает меня психом и откажется от сделки и пролетели мимо меня мои дивиденды с аренды Бури. Я на такое не подписывался!

Мрак всё так же продолжал окружать меня, раздражая и заставляя сжимать кулаки. Мало мне чувствовать себя слепым котёнком, так решил ещё и помочь неизвестно кому. Тоже мне рыцарь в сияющих доспехах.

– Ты и так обязан мне помогать, Сновидец, – рокот зазвучал весело. Такое веселье бывает у стучащих по доскам ног висельника. В документальном кино видел. И слышал...

– Эм, мне казалось, что вы меня отпустили.

– Я тебя и не держал. Сам пришёл. Видимо что-то случи-

лось, раз уж ко мне решил обратиться после ста лет перерыва.

– Простите, какого-какого перерыва?

Так, ясно. Чем бы не были эти светящиеся глаза, они явно сошли с ума. Сто лет назад не то, что меня не было – отца моего даже в планах не существовало. А дед, вроде как, под стол ходил. Да и не слишком то он, дед в смысле, на меня был похож, судя по фотографиям – никто бы не перепутал. Так что точно меня похитил псих и теперь издевается.

Найти бы фонарик – мигом нашлась бы дорога отсюда.

– Сто или сто двадцать, с вашим временем вечно заморозка. Было, конечно, скучновато, но от этого я уже отвык. – Голос зарокотал громче, словно море подкатило к самой дюне и подумывает, а не перелиться ли через неё, чтобы затопить улицу-другую. – Как же мало вы, люди, живёте. Но выбора не было. Так есть. Так что расскажи, что у вас там случилось, раз решил в новой ипостаси заглянуть? От хорошей жизни вы не приходите.

– Всё сломалось, – раздражённо вылетело из меня. Не знаю почему я это сказал, но вдруг накатила тяжесть, захотелось сжать плечи и нахмуриться. От последнего я не стал отказываться.

– В вашей жизни всё время что-то ломается. Починишь. – Рокот явно не испытывал ко мне симпатии.

– А зачем? Мне это не надо. – раздражение так и прыснуло из меня.

– А что тебе надо? – в голосе послышалось любопытство.

– Начать уже жить нормально. Избавиться от чужих долгов, обязательств. Начать получать нормальные деньги, а не это всё, – я обвёл несуществующее пространство с плиточным полом. – А тут всё против: отец заболел, машина сломалась, и сделка сейчас накроется, пока я тут неизвестно где...

– Что ты сказал?

Вроде это было сказано тихо, но дрожь волной прошла по полу и отозвалась болью в позвоночнике от копчика до основания черепа.

– Я сказал – сделка накроется...

– Нет! Машина! – голос загремел и меня сдуло. В прямом смысле: я упал на пол и схватился пальцами за стыки то ли плит, то ли кирпичей. Волосы трепетали на ветру, а тело дрожало, словно лист перед экзаменом...

– А, вы про это. – перекричал я ветер. – Да сломалось в ней что-то... А вам-то что?

Дальше рокот говорить перестал, и я почувствовал острую боль в голове, словно в виски воткнули иглы и начали вращать. Мои мозги стремительно превращались в смузи и готовились вытекать через нос. Стараясь защититься от боли, я рефлекторно оторвал руки от пола и сжал виски, что есть силы. Так, что хрустнула челюсть и сверкнуло оранжевым в глазах.

Боль пропала так же резко, как появилась.

– Выходи, – объявил голос.

Я потряс головой, приходя в себя. Внутри было пусто, глухо и в то же время как-то легко. Словно пламя выжгло густой подлесок и освободило проход движущимся через него людям.

Я поднялся с пола, больше не чувствуя ветра и вибрации. Глаза голубоватыми огоньками сияли впереди метрах в двадцати.

– Выходи, – повторил голос. Спорить с ним совсем не хотелось.

– Эм, мне направо или налево?

– Они и там, и там.

– Спасибо. – Я слегка поклонился и потом нахмурился. –

Подождите. Кто они?

Вместо ответа мне что-то прилетело справа. Прямо в скулу. Судя по боли – крепко сжатый кулак.

– Эй! – возмутился я, но тут прилетело слева.

В живот.

– Что за...

Меня били с обеих сторон и вместо того, чтобы задавать вопросы, пришлось судорожно махать руками, пытаюсь отбиться от тех, кого я не видел. Два раза мне это удалось – заблокировать удар в щёку и в бок. Но чаще мне прилетало.

Глаза безучастно изучали меня, появляясь то с одной стороны, то с другой. Либо я крутился, как волчок, пытаюсь защититься.

После очередного болезненного тычка во мне проснулась

ярость. Да вы совсем обалдели? Я – Сновидец! Я был в своей Лавке! Собирался провести сделку! А какая-то шваль, которая только в темноте и может бить честных людей, взяла меня в оборот?

Внутри груди затрепетало сердце, словно превращаясь в горящий, пока дрожащий на ветру огонёк. Несмотря на это, пламя, поддерживаемое яростью и болью, разрасталось, делая чужие удары менее заметными и почти безболезненными. Словно мои нервы перестали чувствовать боль, оставляя мозгу лишь намёки на касания твёрдых рук, что доставали меня с разных сторон.

А потом, подчиняясь наитию, я перехватил один тычок слева, дёрнул на себя и ударил головой вперёд. Судя по мягкому касанию, попал куда-то в живот или бок. Не отпуская чужую руку и не прекращая движения вперёд, сделал подсечку и толкнул, придавая дополнительный рывок. Противник улетел в сторону.

После мне вмазали по колену сзади, и я упал на одну ногу. Попробовал повернуться, но получил коленом в лицо и упал на спину. Почувствовал, как меня берут за грудки и с размаху бьют головой об пол.

В черепе загудело колоколом, подкатила тошнота, а из глаз посыпались синие искры. И в этих искрах, как в свете диковиной лампы, я увидел своего противника. Этого мне хватило, чтобы выкинуть руки вперёд и ударить по тем местам, где у обычных людей бывают уши, как учил отец.

Только вот надо мной нависал не человек, а существо с огромными фасеточными глазами мухи.

Получив «по ушам», муха даже не шелохнулась, а придавила меня к полу своими лапками, не уступающими по силе рукам накаченного тяжелоатлета. Сбоку, держась лапкой за «глаз», подошла вторая муха и принялась бить меня ногами в бок.

При этом во всё ещё невидимом мне зале стояла полная тишина – я слышал лишь собственное дыхание и звуки ударов.

Боль начала заполнять сознание и из последних сил я решился на запрещённый приём: ударил не зажатой ногой мухе между ног.

Кто бы мог подумать, но это на удивление сработало. Хват мухи ослаб, и я смог вывернуться между ударами второй товарки, откатиться в сторону и даже привстать. Обе мухи встали в боевую позицию, но я уже на них не смотрел.

За ними прямо в темноте висел светлый четырёхугольник. Виднелся только край, словно в безграничном мраке включили рамку света, а внутри неё – ещё один генератор тьмы. В общем – Дверь. Не хватало зелёной таблички «Выход», но я ни секунды не сомневался, что это он. Поэтому я сделал то, чему учат любого профессионального бойца: побежал. Быстро и как можно стремительнее обходя противников.

– Удачи, лузеры! – крикнул я обалдевшим мухам, подбегая к выходу.

Существа замерли в шоке от такого поворота драки. Я же чувствовал не боль от побоев, а лишь радость от того, что вырвался из клинча и что-то вижу, хоть большая часть зала – вроде как это был зал – оставалась в темноте.

Фиг с ним, я просто прыгнул к двери, коснулся рукой её контура и... завис в воздухе.

– Так зачем ты пришёл? – спросил рокот.

– Да чтобы уйти! – выкрикнул я, пытаюсь вырваться из хватки невидимой руки. Она крепко держала меня за шиворот, и я чувствовал, как с меня слезает костюм и выбивается рубашка из брюк.

– Что ж. Ты опоздал, – ответили глаза всё также рокоча далёким морем. – Но ты можешь попробовать. Снова. Когда починишь машину. Иначе тебе каюк, Сновидец.

Очень оптимистичное пожелание. А у меня были планы. Надо внести изменения в расписание – всё это я хотел сказать, но не смог.

– Почини машину и возвращайся ко мне. Будем возвращать тебе память. – Голос словно становился дальше, уходя за горизонт. – Иначе ты не справишься со своей задачей. А времени снова в обрез. Любите вы всё доводить до крайности, а мне потом разгребать.

– Да кто ты? О чём ты?

– Задача всё та же, что и тысячу лет назад, Сновидец. Строить свой Путь, сохранить людям сны.

– Зачем? Мы и так спим.

Голос замолчал, переваривая мой ответ.

– Это будет сложнее, чем я надеялся. Постарайся не говорить этого больше никому.

– Почему?

– Потому что это плохо закончится. Для всех. – голос про-
рокотал вдогонку: – А теперь вали, дел у тебя много.

Невидимая рука, крепко державшая меня за шиворот, вдруг жёстко засунула меня в светлый контур выхода, выкидывая в очередную неприкрытую темноту.

Летя через неосязаемое пространство, я думал: «Сейчас бы домой, покушать...» Да только до обеда было ещё далеко. Зато до проблем рукой подать.

И они первым делом прыгнули мне в лицо, когда я открыл глаза.

– Сделки не будет, – сообщил Абрафо, смотря на меня пустыми прозрачными глазами.

Стоило на секундочку выйти, как все передумали. И что теперь со всем этим счастьем делать?

– Сделки не будет, – тихо повторил мой друг и склонился надо мной, закрывая собой свет.

Глава 7

Силуэт Абрафо нависал надо мной, как стервятник, нашедший свежую падаль. Тень скрывала лицо друга. В воздухе пахло пылью, деревом и озоном. Справа похрустывали Буря и её огромное, съехавшее в сторону колесо.

Руки Аба дрожали и тянулись ко мне.

«Сейчас снова будут бить», – обречённо подумал я, ощущая внутри себя пустоту. Я попытался поднять руки, но они меня не слушались. Как и память, которая не давала чёткого ответа, почему же бить будут «снова», а не просто так.

Аб схватил меня за грудки, и я дёрнулся, пытаюсь уйти от удара. Заноза деревянного пола кольнула затылок.

– Живой?

– В смысле? – просипел я в ответ и приоткрыл один глаз. – Бить не будешь?

– Зачем? – Абрафо от удивления отпустил меня, и я упал затылком на пол – друг успел меня приподнять.

– Это модное увлечение сегодняшнего дня – бить Сновидца, – прошептал я, садясь на полу. Аб придерживал меня, чтобы я снова не упал.

– Ты явно хорошо долбанулся головой об пол, – криво усмехнувшись ответил Абрафо и поправил свою чёлку. – С каких это пор ты такой эмоциональный, что падаешь в обморок? Или ты только у нас на фабрике изображаешь себя

храбрым и спокойным?

Я аккуратно огляделся. Производственное помещение. Струится свет из окна, а пыль медленно кружит в его лучах. Машина снов болезненно гудит на холостых оборотах, а центральное колесо, гигантская шестерёнка, стоит рядом с Бурей, уперевшись в балку под потолком.

– Всё-таки оно реально огромное, – проследил за моим взглядом Аб. – Но что произошло?

– Понятия не имею, – придерживая руку у виска ответил я другу. – Сколько я был в отключке?

– Десяток минут, может чуть больше. Я только успел отцу набрать, спросить, что делать в такой ситуации.

– И что он?

Абрафо отвёл взгляд. Его лицо выглядело очень бледным и даже напуганным. Он нервно облизнул губы.

– Он сказал приводить тебя в чувство любыми способами. И он сказал...

Нас прервал громкий стук в дверь. Металлическая дверь загрохотала, словно ещё несколько колёс Машины решило прокатиться по металлическим листам.

– Мастер Сновидец! Что случилось? Пустите! – надрывался с той стороны дядя Нестор. В его привычном хрипении скользили визгливые нотки, как у сирены тревоги.

Аб помог мне встать с пола, и мы пошли к двери. Буквально за шаг до неё я придержал друга за локоть:

– Твой отец передумал.

Я не спрашивал, я утверждал. Абрафо покачал головой. Он выглядел таким несчастным, что мне захотелось его пожалеть.

– Я понимаю.

– Нет, не понимаешь, – резко ответил он, и тише, видимо, чтобы дядя Нестор не услышал, дополнил: – Он не против сделки в целом. Но сейчас она отменяется. Из-за Машины!

– Я же говорю, что понимаю, – медленно, с расстановкой ответил я. – Кому нужна сломанная Машина.

– Да не в этом проблема! – он снова повысил голос, что даже дядя Нестор за дверью перестал колотить.

Пришлось ему крикнуть:

– Идём, дядя Нестор. Минутку. – И тихо прошипел Абу: – Да что ты несешь? В чём тогда?

– Сделка. – Он заговорил сбивчиво, словно бежал и запыхался. На щеках выступили красные пятна. – Она нужна не столько отцу, сколько мне. Это проверка. От отца. Смогу ли. Иначе мне не видать... – он замолчал. – Ты понимаешь. Наверное, лучше, чем кто-либо.

Понимал. Нужно доказать, что достоин того, чего желаешь. Отличие было лишь в том, что я хотел отказаться от семейного бизнеса, стать простым наёмным работником без лишнего геморроя, а он – собирался доказать, что способен перенять и сохранить бизнес.

– Я могу что-то сделать? – Я достал ключ и собрался открывать дверь.

– Нам нужно починить машину.

– Нам? Починить? – Меня разобрал смех. – Это моя Лавка и мой косяк.

В том, что налажал именно я, почему-то сомнений не было. Перед глазами вдруг появились синие огоньки-глаза, подмигнули, о чём-то напоминая.

– Это же нужно и мне, помнишь? – Абрафо схватил меня за плечи и посмотрел в глаза. Его лицо было очень серьёзным. – И да, починить. Самим. Ибо машины во все времена ломались. Но их всегда стремились восстановить, пока не поздно.

– А когда будет поздно?

И не дожидаясь Аба, сам ответил:

– Когда она полностью остановится. – Я кивнул Абрафо. – Погнали, быстро.

Я резко распахнул дверь и крикнул почти в ухо дяди Нестора, который видимо пытался слушать нас через дверь:

– Ремкомплект, быстро! И генератор!

Дядя Нестор отпрыгнул на пол шага назад, несколько раз открыл и закрыл рот, сглотнул и, отсалютовав по-морскому, помчался на склад. Уже через несколько секунд вдалеке загремела железная тележка для грузов. Мы же с Абрафо скинули пиджаки и принялись осматривать машину.

Главное колесо сошло и, уперевшись в балку, висело между конструкцией Бури и полом. Гудел центральный вал – ремень генератора всё пытался раскрутить махину, да только

вот не получалось.

– Надо остановить генератор, пока окончательно не разорвало ось, – крикнул я и полез смотреть ближе.

– Управляющая панель в порядке. Наверное. Как вы ориентируетесь в этих рычагах? – Аб осматривал и ощупывал управляющий ящик. Да, ящик – что делать, если это просто коробка с кучей торчащих рукояток и парой аналоговых, ещё со стрелками, приборов.

– Мы и не ориентируемся, – со стоном ответил я, стараясь снять ремень с вала, да тот крепко застрял. – Мы просто знаем, что нужно делать. Точнее, отец знал, что делать.

Аб подскочил ближе и помог мне. Ремень соскочил и ударил нас по рукам. Главное колесо застонало и чуть сдвинулось.

– Ой, счас пришибёт, – протянул я, отходя назад.

Шестерёнка качнулась в сторону, но зацепилось одним из зубцов за балку и встало, словно необычная распорка.

– Отец знал. А ты? – спросил Абрафо, вытирая пот со лба. В помещении было прохладно, но вид падающего гиганта резко повышал температуру тела.

Теперь мы осматривали конвейерную линию и остальные механизмы. Гремя тележкой, в комнату вбежал дядя Нестор. Он привёз запасной генератор, а также инструменты с материалами. Не спрашивая нас, он достал здоровенный деревянный молоток, какие-то мотки кожаных ремней и начал обматывать и прибивать полоски к главному колесу. Консерва-

ция – всплыло из памяти название процедуры.

– Скажем так, – после того, как мы чуть поправили механизм конвейера и выровняли полотно – больше здесь ничего не пострадало. – Я знаю об управлении в целом. Как и ты – мы это проходили по учёбе в прошлом году, да и на практике.

– Чувствую здесь какое-то небольшое «но», – Аб взял с тележки разводной ключ, которым можно было бы раскрутить не только главный вал, но и несколько вагонов поезда.

– «Но» присутствует, – мне становилось легче от того, что я могу с кем-то поговорить. – Общее управление позволяет выпускать готовые сны, следить за состоянием Машины в целом. Это неплохо подходит таким фабрикам, как у твоего отца: есть поток, налаженная система, людям нравится продукт. Нам же, особенно последние годы, приходилось искать свои ниши, проводить эксперименты.

– Мы тоже экспериментируем, – чуть обидевшись сказал Аб. – Вон, целый отдел этим занимается. Знал бы ты, сколько денег они потребляют. Ты бы смог отстроить целую фабрику, может даже выкупить у кого-то пару новых машин. В основном правда эти фантазёры улучшают эргономику и передаточные числа в шестерёнках, но и новые сны тоже в их зоне ответственности.

– И скорее всего у них похожая система, – кивнул я на наш агрегат. – Куча кнопочек, которые КАКИМ-ТО образом нужно нажать, чтобы реализовать то, что придумал ди-

зайнер. А вот от того, как именно это всё нажать и будет зависеть качество сна и его особенности. У нас папа с мамой работали в тандеме: она придумывала, а он – собирал. Получалась классика, даже у вас есть линия наших снов.

Здесь я замолчал. Внутри защемило. От того, что даже такой маленький семейный бизнес не выдержал. Сломался, как эта машина. Или наоборот: сломалась семья, а вслед за ней – Машина.

Абрафо положил мне руку на плечо. Я, не глядя на него, кивнул, потёр глаза, скрывая слёзы, перевёл тему:

– Так, теперь нам нужно сделать самое неприятное – заглянуть внутрь вот того блока.

Мой палец указывал на окрашенный противно-красным цветом ящик тонкой механики. Отец иногда хлопал по нему рукой и говорил:

– Если Большая Шестерёнка – это сердце Машины Снов, то это – её душа.

Вот теперь нужно было проверить, на месте ли эта душа. Я коснулся крышки.

– Дементий? – раздался строгий голос.

Повернувшись к дверям, я увидел рослую крупную женщину. У неё была высокая, удлиняющая её до шпалы, причёска из бледно-серых волос, а брови – подведены угольно-чёрным. Алые губы на морщинистом лице выглядели вызывающе, как кровавая рана на бледном теле. Одета она была в белое длинное пальто, в котором ходила круглый год –

летом она мёрзла, а зимой – мучалась от жары.

Но независимо от погоды она строго следила, чтобы на складе и в отчётности нашей небольшой Лавки был порядок. Мадам Пакхус для коллег и Валентина Павловна для близких, собственной персоной.

– Рад вас видеть, – вежливо поздоровался я. Она всегда вызывала во мне приступ страха, словно прямо сейчас бросится и вопьётся кровавым ртом мне в шею.

– Отойдите от «души», молодой человек, – она резкими, чуть дёрганными шагами устремила ко мне с Абрафо. – Посторонних прошу покинуть помещение. Нестор, почему не следите за безопасностью? Если Мастер Григорий временно недоступен, это не значит, что можно нарушать режим на объекте.

– Мадам, это же Дементий. Какой он посторонний? – хрипло прогудел дядя Нестор. – Плюс у нас тут неполадки. Мастер и его гость помогают.

– Неполадки? – Мадам Пакхус словно только сейчас заметила, что произошло и замерла, приоткрыв рот. Выглядело это жутко. – Да как так?!

Она всплеснула руками и затараторила:

– Нам доверили следить за наследием семейства Сновидцев, но стоило главе семьи приболеть, как сразу всё сломали? Что же скажет мастер Григорий, когда вернётся!

– Я с ним поговорю. Как смогу, – сказал я, чем привлёк её пристальное внимание.

– Дементий, я всё понимаю, вы сын, вы наследник. Но вас не было столько лет и теперь вы решили вдруг явиться! Мало того – сразу сломать? Как вы можете себя так вести?

– Эм, – не нашёлся, чем ответить я.

– Молчите? Вот и молчите, и уходите! Нам надо привести всё в порядок, пока мастер Григорий не вернулся!

– Он никуда не пойдёт, – холодно, очень холодно сказал Абрафо. От его слов все в помещении замерли. – Он владелец компании, её наследник. По стечению обстоятельств именно он засёк момент поломки. И принял действия для спасения Машины. Вы же своим вмешательством создаёте риск того, что она встанет. Навсегда. Уверены, что мастер Сновидец это оценит?

Валентина Павловна ловила воздух ртом, изучая Аба. Не найдясь, что сказать, она спросила:

– А вы, собственно, кто, молодой человек?

– Абрафо Пинч, друг и партнёр вашего начальника – Дементия Сновидца, – он кивнул в мою сторону.

– С каких это пор Дементий – начальник? – Пакхус упёрла руки в бока.

– С тех самых, мадам Пакхус, – тихо и печально сказал я, – как отец находится в бессознательном состоянии. Врачи борются за его жизнь, но сейчас, пока он не с нами, за судьбу лавки отвечаю я.

И оставив Пакхус осмыслять услышанное, пошёл к красному ящику. К «душе». Взяв отвёртку, я открутил два фик-

сирующих болта, откинул петли и поднял крышку.

– Попали, – простонал я.

Аб заглянул внутрь и присвистнул: половина шестерёнок и шестерёночек сошли со своих мест и бешено крутились. Часть не задевали друг друга, а часть тёрлись боковыми поверхностями так, что от металла и дерева шёл дымок.

– Ничего себе, у вас сохранились деревянные. Я такие только в музее видел.

Машина Сновидцев, наша Буря, по современным меркам в принципе являлась музеем: как в плане возраста используемых деталей, так и в плане эффективности. Ну кто сейчас ходит в пыльные музеи, чтобы посмотреть на то, что давно устарело? Лишь горстка странных гиков.

Пришлось быстро снизить обороты, чтобы не испортить механизм в конец. А ведь это нужно было сделать сразу – у Пинчей я до этого додумался ментально после обморока директора, а здесь, у себя дома, отвлёкся.

Но проблема этим не решалась. Если большое колесо мы ещё сможем сами с помощью крана вернуть на место, то здесь нам нужен будет спец по тонкой механике.

И дезинсектор – внутри «души» висела паутина и болталось несколько мух. Я брезгливо зацепил их, почувствовал липкость паутины на пальцах и стряхнул её на пол вместе с жужжащими из последних сил тварями. Почему-то сегодня они вызывали у меня особое раздражение.

– Главное, что работает, – попытался утешить меня Аб.

– Ага, – рассеяно ответил я, разглядывая центральную шестерёнку внутри «души».

Она отличалась от других цветом, имела синеватый оттенок и какой-то рисунок на боковой поверхности. Только вот было сложно понять, что же там нарисовано изначально – она всегда крутилась, без остановки и отдыха. Но в движении получалось что-то вроде молнии, бегущей по кругу.

У каждой машины есть своя шестерёнка. Источник той самой малоисследованной магии прошлого. Источник жизни и снов. Она крутится, поддерживая жизнь машины. То, что моя продолжала вращение, успокаивало – значит окончательная смерть откладывается. Но работы предстоит очень много, примерно как стабилизировать умирающего человека в критическом состоянии: вроде ситуация не ухудшается, но всё и так плохо и любое неверное движение может убить.

Самое страшное, что мы сотни лет не могли придумать, как их заменить. И лишь недавно ситуация изменилась. Когда-то давно наши предки умудрились создать сотни, может тысячу таких штук, начать производить сны. За прошедшие пару тысяч лет многие оказались потеряны. Единственное, что радовало расплодившееся человечество, так это то, что мы повысили эффективность, плюс объединили усилия. Ну, многие из нас...

– Кстати, я вообще не понимаю, что здесь может взорваться, Дем, – задумчиво протянул Абрафо. – У вас я вижу шанс загореться деревянной пылью, если искркнула металлическая

шестерёнка. Но у нас-то всё в металле, с антикоррозийным покрытием, антистатики – не зря же отдел разработок сидит. Неужели эмоции реально так могут взрываться?

Я аккуратно коснулся синеватой шестерёнки пальцами, чтобы не задеть зубцы. Почувствовал тепло от трения и лёгкое покалывание, как от слабого электрического тока. Что я мог сказать? Лишь то, что говорил и раньше: Андрей допустил слишком много восторгов. А я так радовался сделке, что чуть не уничтожил единственный актив, который может принести мне свободу.

Так что да, эмоции могут взрываться. Я отпустил синюю шестерёнку и посмотрел на друга:

– Ты хочешь сделку. Я хочу сделку. Мы оба заинтересованы, чтобы эта штуковина, – я похлопал рукой по крышке ящика, – вернулась к полноценной жизни. А затем мы пойдём каждый своей дорогой, получая свои дивиденды. Так что давай устроим себе настоящую практику. Сделка?

Я протянул руку.

– Сделка, – ответил Аб и пожал мне руку.

В этот момент по нам прошла лёгкая волна тепла – включилась сила мастеров снов и закрепила наши слова частичками душ. Расторгнуть такую сделку сложно, а нарушить – почти невозможно.

– Дем..., простите, мастер Сновидец, – прервала нас мадам Пакхус. – Нам нужно поговорить. Срочно.

Она строго посмотрела на меня, убедилась, что я услышал

и только после этого покинула помещение рванной походкой. Я с Абрафо двинулся за ней. Дядя Нестор вжал голову в плечи и пробурчал мне вслед:

– Удачи, мастер. Она вам понадобится.

Папа всегда со смехом рассказывал, как его мучает Валентина Павловна, а мама закатывала глаза, вспоминая мелочность завсклада и бухгалтера. Говорила, что её муж, то ли норвег, то ли швед, дурно на неё повлиял. Зато на месте всегда были запасные запчасти и сны для продажи, на случай непредсказуемого ремонта после очередного эксперимента отца.

– О, кто-то сейчас узнает об истинном масштабе проблем. А ведь он даже очевидные вещи не видит, – пропищал голос справа.

– И не говори. Но кто сказал, что Сновидцем быть легко, – поддержал голос слева.

А я старался не крутить головой, чтобы не сойти за сумасшедшего. В обоих голосах отчётливо слышалось неприятное мушиное жужжание.

Глава 8

– Уважаемый Дементий. – Мадам Пакхус довела меня до своего небольшого кабинета и резко развернулась на каблуках. – Закройте дверь. Пожалуйста.

Она могла бы не дополнять, я уже успел захлопнуть её. Абрафо я попросил подождать на стульчике рядом. Он демонстративно закатил глаза, но промолчал, шепнув одними губами:

– Начальник.

Если мама была творческим партнёром отца, его правым полушарием, то Валентина Павловна – логическое левое полушарие его бизнеса. Цифры, отчёты, налоги, законы – всё было в её цепких сухих руках. В свои шестьдесят пять она выглядела не бабушкой, а очень зрелой и уверенной в себе женщиной. Она довлела над миром своим ростом и массивной фигурой, дополняя картину высокой причёской, модной лет сорок назад. Даже странно, что она до сих пор сохранила свои волосы – столько их зачёсывать.

Единственное, что давало знать о себе – это бледная, почти бесцветная кожа. Хотя, кто-то мог бы сказать, что это аристократическая бледность.

Своими тёмными глазами она сверлила меня до самой души, словно проверяя залогов, кредиты и прочие обременения. Ничего интересного – малая сделка для практики у

Пинчей и небольшая зарплата оттуда же.

– Как вы собираетесь управлять компанией? – заявила она, как только дверь отсекала нас от посторонних.

– Что, простите? – я не понял, что она хотела от меня узнать.

– Вы только что заявили, что вы теперь начальник. А начальники говорят подчинённым, что делать и куда двигаться. Что прикажете?

Она говорила резко, отрывисто, что выбивало меня из колеи ещё больше. Однако ответить, да даже просто собраться с мыслями мне не дали. Завсклада затараторила снова:

– Вы в курсе насчёт нашей задолженности? Сотрудникам, кстати, скоро платить зарплату. Да, их немного, но всё равно нужны деньги. И это я ещё не говорю о том, что вы только что угробили главный актив компании.

Она перевела дух, и я только снова собрался спросить, как она добила:

– И с какой это стати наследник конкурентов ходит по нашей лавке, будто ему тут рады?

– Ему тут рады, – эхом ответил я и посмотрел сквозь мадам Пакхус и её белые волосы. – Хоть кто-то кому-то рад.

Женщина осеклась, скосила глаза в сторону. Старчески пожевала губами. Уже спокойнее добавила:

– Кого и куда приглашать – это ваша ответственность, Дементий. Но если вы уже назвались груздём... то также теперь от вас зависит, что будет дальше с этим местом. И людьми,

что работают на вашу фамилию.

– Надеюсь, это место ждёт новая жизнь.

Я посмотрел ей прямо в глаза, и она прекрасно поняла, что я имею в виду.

– Ваш отец...

– Мой отец не здесь. А я наследник и я принял решение.

Ради его блага.

И немного своего. Но ставить в известность всех подряд я не стану. А то знаем мы этих доброхотов. Каждый защищает свою территорию.

Валентина Павловна тяжело села на краешек стола и упёрлась руками в классическую, красного дерева столешницу.

– Когда это случится? Или уже отдали? – она на мгновение побледнела, если так можно сказать про бесцветную старческую кожу.

– Не переживайте. Пока что задача чуть иная – привести актив, как вы сказали, в порядок. Вернуть ему товарный вид, а затем уже...

Я не закончил фразу. Она повисла мрачным предзнаменованием в комнате. Хотелось выйти и хлопнуть дверью, отсечься от прошлого, каким бы великим оно ни было. Оно ушло, истлело. Настоящее – другое. С пылью, мухами и нехваткой денег. Хотя последнее может стать проблемой.

– Вы сказали про денежные проблемы. Можете уточнить – в чём собственно загвоздка?

Пакхус потрясла головой, приходя в себя, и снова стала

резкой и уверенной в себе – мы вернулись на её поле отчётов и контроля.

– В последнее время дела у компании шли не очень. Да что там говорить – откровенно плохо. Словно ваш отец нарочно готовил её к... – она не сказала слово «к продаже» или даже «закрытию». Не смогла. – У нас долг перед поставщиками деталей, за электричество. За последние три года мы сократили почти всех сотрудников, остались только мы с Нестором, да Михаил – инженер.

Инженер – это хорошо!

– Тонкая механика? – я постарался звучать спокойно, но сейчас ответ на этот вопрос означал жизнь или смерть моего плана.

Пакхус засмеялась. Она походила на уставшую белую ворону:

– В тонкую механику Бури никто не залезал лет сто. Настолько идеально налажен был механизм. Ваш отец только раз в год заглядывал, чтобы пыль убрать. Простите, – она уточнила, нахмурившись, – вы не просто свернули главное колесо, но ещё и тонкую механику нарушили?

– Эм, так чем занимается Михаил? – постарался увести тему в сторону, словно этот айсберг можно было обойти. – И вы сказали, что скоро у людей зарплата.

– Зарплата, скажешь тут, – саркастично хмыкнула бухгалтер. – На самом деле это мелкая стипендия для покупки чашки кофе. К сожалению, нормальными деньгами это не назо-

вещь. Но и на это ресурсов у компании на сегодняшний день нет. Последний заказ должен был отчасти решить этот вопрос. Благо, что в лавке остались только самые преданные сотрудники, которым либо немного надо, либо есть дополнительные доходы.

Чуть после я узнал, что у мадам Пакхус была небольшая подработка, плюс её муж, такой же взрослый дядька, получал солидную пенсию, как старлей, позволяя жене развлекаться с цифрами в своё удовольствие без зависимости от нестабильных доходов творческого мастера снов.

– А Михаил наладил работы конвейерной линии, починил часть старой проводки, помог Нестору отсортировать склад, – продолжила завсклада. – Оказалось, что часть списанного товара ваш отец так и не уничтожил и оставил пылиться по углам.

– Что за товары? – мне стало искренне любопытно.

Женщина покачала головой и встала со стола.

– Пройдёмся.

Мы вышли из её двери, прошли крошечный коридор насквозь, где я дал знак Абрафо продолжать сидеть. Он скривил гримасу и показал, как ему скучно. Я пожал плечами. Мы с Валентиной Павловной прошли через другую дверь и оказались в огромном, соизмеримом с производственным залом, помещении. Склад. Складище! Сейчас он был полон лишь тишиной, темнотой и пустыми полками.

– Грустный видок, – прожужжало справа.

– Даже у нас и то насыщеннее, – ответило слева.

Я скосил глаза на плечи, но ничего не увидел. Это жужжание казалось одновременно знакомым и раздражающим. Как вечное присутствие Андрея в наших отношениях с Лекс. Хотя, какие там отношения, если честно. Сейчас мне казалось, что меня использовали.

Что же касается склада, то большая часть его пустовала. Справа от нас на стеллажах лежали коробки с деталями, на стене висел аккуратно развешенный инструмент. Справа лежала небольшая партия снов. Судя по биркам, её произвели месяц назад.

– Самый последний выпуск, для Союза Писателей. Задержали оплату, но я сказала, что не отдам им, пока не дадут денег. Обиделись, творческие натуры. Лучше бы работали, а не милостыню выпрашивали.

Мадам Пакхус не любила творческие профессии. Исключение делала лишь для одной сферы – для мастеров снов. Ибо видела изнутри, сколько разума нужно иметь, чтобы ориентироваться в этом безумном мире шестерёнок и снов.

– Этого хватит на долги?

– Либо на часть долга, либо на зарплаты. Ремонт сюда вообще не вписывается. – Её слова совсем меня не обнадёжили.

Мы прошли чуть вглубь склада. Внутри меня жужжало беспокойство. Я собирался провернуть сделку быстро, но вот эти вот вечные проблемы с деньгами всё портили. Голоса

за пределами головы пока молчали.

Дальше нас ждало несколько стеллажей, покрытых пыльными картонными коробками выцветшими полосками. Словно они долго лежали рядом с окнами, постепенно становясь похожими на квадратных зебр.

Я подошёл, постарался прочитать надписи на приклеенных бирках. «Ремни», «Отщепы красного дерева», «Магическая пыльца фей».

– Что это? – Не удержавшись, я открыл коробку с пылью. В нос ударил плотный запах пыли и масла – внутри оказались банки со смазкой. Куда без неё в движущихся агрегатах.

– Это единственное несоответствие. Остальное содержимое соответствует надписям. – Мадам Пакхус позволила себе кривую улыбку. – Зачем мастеру Сновидцу столько ремней старых моделей я сказать не возьмусь. И списаны они были ещё до того, как я начала здесь работать. Артефакты прошлого.

– Приятное воспоминание, – хмыкнул я и закрыл коробку с маслом. Оно ещё может пригодиться, в отличие от устаревших двести лет назад ремней и кусков дерева, больше подходящих для растопки, а не для работы. – Что-то ещё?

Она указала чуть в сторону. В тени, куда вообще не попадало солнце с верхних окон, нас ждало ещё несколько коробок. Подойдя ближе, я понял, что их не несколько штук, а несколько десятков. Каждая из них была примерно мне

по пояс и обклеена надписями: «Осторожно!», «Хрупкое!», «Этой стороной вверх», знаками бокала и прочими вещами, призывающими к осторожности. Одна из них была вскрыта, и я приподнял картонную створку ручкой, что осталась у меня в руках. Внутри меня ждали небольшие коробочки в форме кубика, с нарисованными на них схематичными узорами. В центре крышки стояли именные печати.

– Сновидцы: Григорий и Тина. Это сны? – спросил я.

Пакхус коротко кивнула, от чего её причёска заходила ходуном. Сны, что делали мои родители. Вместе.

– Сколько лет оно здесь лежит?

Я не помнил такого оформления коробок. Даже та, что дал мне папа до госпитализации, и то выглядела солиднее и основательнее, чем эта халтурка, сделанная на коленке.

– Точно ответить не могу, но лет пятнадцать-двадцать. – Валентина Павловна подошла ближе и указала на боковину коробки. – Видите? Та часть сопроводительной документации, что могла бы подсказать дату, оторвана.

– На всех коробках?

– На всех. – она достала одну коробочку со сном, повертела в руках. – Удивительно, что оно сохранилось. Возможно, партия была бракованная. Или оформление не подошло, – она сморщилась. – Или просто вышел срок годности.

Она усмехнулась и положила коробку на место. Несмотря на пренебрежение в голосе, сделала она это аккуратно.

– Как только поймёте, где взять денег, закажу утилизацию.

Выносить такое в урну на улице не стоит. Могут оштрафовать за загрязнение экологии. Или храмовники пожалуют. Нам только этого не хватало.

Я хотел что-то уточнить у завсклада, но тут в помещение заглянул дядя Нестор:

– Мастер Сновидец, мадам Пакхус, к нам, эта, посетитель. По важному делу. Говорит, спешит, – прохрипел он и исчез.

– И кто так спешит? – чуть улыбнувшись спросил я.

Пакхус обожгла меня недовольным взглядом.

– Боюсь, что этот кто-то пришёл за деньгами, – и задумчиво продолжила. – Но сегодня никого не ждали...

Мы вышли со склада и Пакхус машинально закрыла дверь на ключ. Я хотел позвать Аба с собой, но его в коридоре не оказалось.

Он ждал нас у двери, отделяющей технические помещения от лавки на входе.

– Крепись, Демон. Пришли и твою кровь пить, – драматично прошептал Абрафо.

Я шагнул вперёд и, открыв дверь, замер. Передо мной стоял длинный, тощий как палка, человек. На нём был смокинг, белая манишка и высокий, тускло блестящий цилиндр. В руке он крутил трость, другой придерживая в кармане небрежно смятое полотенце или тряпку. Эта тряпка создавала дикий диссонанс с внешним лоском странного посетителя.

– Добрый день, – поприветствовал я.

Человек опустил голову и посмотрел на меня так, словно

глядел поверх очков, хотя очков на нём не было.

– Когда же, наконец, меня перестанут игнорировать? Я жду здесь уже, – он выудил из кармана часы на цепочке, глянул время, – целых шесть минут, а мои минуты стоят очень дорого, больше, чем все ваши вместе взятые. Мне срочно нужно переговорить с владельцем.

– Он вас слушает, – раздражённо ответила Валентина Павловна. – И кто вы такой?

– Старая женщина, – покачал головой странный гость. – У тебя уже галлюцинации? Где ты здесь видишь мастера снов?

– Я думаю вам стоит прекратить оскорблять моих сотрудников, – с вызовом прервал его я. – И извиниться перед дамой. Тем более вы в гостях.

– Иначе что, молокосос? – он поставил трость перед собой и начал качаться на носках.

– Иначе мне придётся попросить вас выйти, – хотелось его стукнуть. Очень.

Он наклонил налево голову, посмотрел на меня бесцветными глазами, поправил цилиндр.

– Всё-таки это правда.

Он стукнул тростью об пол и засмеялся.

– Дядя Нестор! – крикнул я в темноту коридора. Там зашуршало и загремело.

– Всё-таки его догнало моё проклятье. – сказал человек в цилиндре. – Что ж, тем лучше. Предлагаю вам сделку, как и раньше, предлагал её Мастеру Григорию: вы отдаёте мне

машину и остаётесь живы. Иначе моё проклятье вас убьёт.

– Вы признаётесь в покушении на убийство? – подловила его мадам Пакхус, но тот погрозил тонким пальцем с длинным острым ногтем.

– Мои руки слишком длинные и ловкие, чтобы вы смогли найти мой след. Но теперь вы знаете, что стоит меня послушать. Даю вам время до завтра иначе вас ждёт та же участь, что и этого проходимца.

Я, игнорируя возмущение Пакхус и удивление дяди Нестора, запрыгнул на прилавок, спрыгнул на пол с другой стороны и устремился к цилиндру.

– Но-но! – Он шагнул на улицу, где его ждало пятеро парней в худи, с натянутыми на голову капюшонами. – Машины должны быть во власти народа, а не кучки мастеров. Дайте им волю и всё будет хорошо. Тем более, – он чуть повысил голос, поскольку за ним встал и распахнул двери чёрный лимузин, – Мастера снов – это прошлое, забавная безделушка на полке старьевщика, игрушка для коллекционера в магазине антиквариата. И эту полку скоро уберут, как неликвидную.

К нему подошёл один из парней и прошептал что-то на ухо.

– Простите, господа, поправочка, – он издевательски поклонился. – Завтра у меня важные дела, поэтому вам повезло – ваш срок на решение продлевается до пятницы. Подумайте хорошо, у вас есть на это время. Обычно люди его не

ценят – не совершайте эту ошибку!

Он приподнял цилиндр, обнажая затылок, после чего скрылся в салоне лимузина. Пятёрка пацанов села вслед за ним и машина укатила.

Я вытер пот со лба. Что это было?

– Сектанты, – протянул Абрафо за моей спиной. Я обернулся и тот протянул мне стакан с водой. – Привыкай. Это глава Гильдии свободных Машин, его магистерство Бернард Шалманович Кюхербаннэ.

– Цилиндр.

– Ну или кратко, – он подмигнул, – идиот в цилиндре. Но с деньгами, что делает его неприятным человеком.

Абрафо вздохнул и выпил весь стакан одним залпом. Покачал головой и грустно улыбнулся.

– Зачем ему машины? – спросил я, смотря в сторону улицы, где за поворотом скрылся лимузин.

– Ты что, задумал продаться ему? – погрозил пальцем друг. – У меня право первой руки, так что не вздумай. А если серьёзно, понятия не имею. В предках мастеров у него нет, создавать сны он не сможет. Если только он наоборот не хочет показать, что жить можно и без снов.

– А мы можем? Жить без снов? Как думаешь?

– Не пробовал.

– А я пробовал.

– И что?

Я промолчал. Предложение этого Цилиндра, несмотря на

его противный вид, вызывало любопытство. С другой стороны, он не предлагал нормальной компенсации, только угрозы проклятьем.

– Ладно, уговорил, – Я повернулся к Абрафо. – Твоё предложение выгодней. По крайней мере пока что. Несмотря на то, что нас называли прошлым и достойными места в лавке антиквариата, мы ещё...

Чудная мысль мелькнула в голове. А что если. Не. А вдруг? Нужно лишь уточнить.

– Ты куда? – крикнул Аб мне в спину. Я же не слушал.

– Где Пакхус? – спросил я у Нестора. Тот озадаченно посмотрел на меня.

– Пошла к себе. Плоховато ей стало после визита этого кадра.

Я вломился в кабинет завсклада и с порога спросил:

– Какой срок годности напечатанных снов?

Глава 9

– Не верю, – Абрафо стоял вместе со мной за стойкой в лавке и качал головой. – Так не бывает.

– Скоро узнаем, – нервно ответил я и проверил, стоит ли коробка под прилавком. Делал я это каждые секунд пятнадцать, если не чаще.

Если это случится, то мы спасены. Если нет – что ж, пока об этом я не думал...

С визита Цилиндра с невыговариваемым именем прошло почти два дня. Остаток того дня я вместе с Нестором и подошедшим инженером-механиком Михаилом разбирал коробки со старыми снами. Абрафо ушёл по делам семейного бизнеса, а мы старались рассортировать сны по сохранности коробки, тематикам и даже запаху.

Дело в том, что мадам Пакхус не смогла ответить мне на вопрос: какой срок годности снов? Она только смогла сказать, что обычно в нашей лавке списывали и уничтожали непроданный товар через два года после последней продажи. И для неё всё ещё удивление, что этот «мусор» остался на складах.

– Хотя ничего удивительного – ещё совсем недавно эти коробки можно было даже не заметить в общем потоке, – с неожиданной злостью в голосе сказала завсклада.

Сейчас же этот мусор мог спасти нас от кредиторов и дол-

гов. И дать денег на то, чтобы привести машины в порядок.

Вечером, заперев лавку на все замки и дав строгие указания дяде Нестору по поводу сохранности склада, я вернулся домой. Дома были только Ю и Ирин. Норна и мама оставались в палате у отца. Как сказала мне старшая, отец всё так же стабилен и всё так же без сознания. Аппаратуру везут и специалиста с опытом – тоже.

– А что вы знаете про срок годности у снов? – спросил я за ужином, поедая горячие, специально сваренные для меня макароны с сыром. – Есть ли ограничения?

Ирин, пусть и была старшая, но меньше интересовалась этой темой. Зато Ю всегда тонко чувствовала материю снов – видимо получила талант в наследство от матери.

– Знаешь, как я поняла, это очень индивидуально, – Ю задумчиво прижала пальчик к губам. – Зависит от типа сна. Лечебные хранятся дольше. Кошмары – меньше. Индивидуальный заказ вообще имеет срок от нескольких дней до пары месяцев, не больше. Плюс состояние машины.

– А это как влияет? – спросил я, вспоминая укатившееся большое колесо и разбалансированную тонкую механику.

– Ну, как любая производственная линия. Если процесс налажен хорошо, детали подогнаны друг к другу плотно, то ломается реже. Если не доработано – то износ быстрее, – Ю пожала плечами.

– А как проверить – рабочий ещё сон или нет? – Я пытался поймать последнюю макаронину в тарелке и не сразу понял,

что на кухне повисла тишина.

Я поднял голову и вопросительно посмотрел на сестёр. Ирин еле сдерживала смех, а Ю качала головой. Необычно.

– Есть, как бы два варианта, – давясь смехом сказала Ирин.

Ю серьёзно кивнула, поддерживая сестру:

– Первый – прожить сон, лечь с ним спать.

Логично, я покивал. Но что-то мне не хотелось рисковать своей головой и узнавать, что там придумали в своё время родители.

– А второй?

Сёстры, одна со смехом, другая с обидой, ответили хором:

– Быть мастером Сновидцем из прошлого!

Почему-то эхом к их ответу я слышал насмешливое жужжание. Эти два голоса... они в основном молчали, но иногда вдруг появлялись и жужжанием выносили мне мозг. В эти моменты мне казалось, что я схожу с ума, ведь на плечах, вокруг головы, за спиной никого не было. В своей комнате я вдоволь накружился, глядя в зеркало, но никого, даже самой завалившейся дрозодилы не нашёл.

Поэтому после ужина я рухнул на кровать и провалился во тьму – ловец снов оставался пустым и меня это полностью устраивало.

С утра прибыв в лавку, я первым делом заглянул на склад. Дядя Нестор в прямом смысле спал между коробок, оберегая их от любых ведомых и неведомых визитёров. После я зашёл

в зал с Бурей и прошёлся вокруг неё.

Центральное колесо, обмотанное кожаными ремнями, плотно упёрлось в перекладину под потолком. Для проверки я несколько раз толкнул его – сначала легонько, а потом упервшись плечом в массивную конструкцию. Стояло крепко.

– Хорошо, стой и не шевелись. Скоро мы тебя починим.

Я погладил шестерёнку по крупным зубцам, почувствовал пальцами тепло. Потом заглянул в ящик с тонкой механикой – «душа» машины крутилась на пониженных оборотах. Как акула, ей необходимо всё время двигаться, чтобы жить. Даже во сне.

Рядом с этой древней огромной конструкцией мне дышалось спокойнее. Но зависать здесь я не мог. Нужно было работать.

Абрафо предупредил с утра, что остаётся на фабрике, но просил держать в курсе, если что-то изменится. Я же собирался с духом, надеясь, что мой план сработает. Я даже специально вышел на улицу, чтобы подышать прохладным, чуть пыльным воздухом нашего тупичка. Бомж в красной кепке завернулся в розово-серое одеяло, а тележку, под которой спал, накрыл картонными коробками, что мы выносили со склада.

– Ну, хоть кому-то помогли, – нервно усмехнулся я и собрался возвращаться на склад.

Однако бомж в этот момент зашевелился, поправил кепку и громко захрапел. Почему-то мне стало смешно и я отвер-

нулся, чтобы посмотреть в сторону въезда на нашу улицу. Утреннее солнце плавно всходило и освещало дома и промышленные корпуса. Пыль аккуратно танцевала в воздухе, прося дождя, чтобы вернуться к земле.

– Красота! – прошептал я и хлопнул по карману, чтобы достать телефон и сфотографировать.

Телефона не оказалось – я его предусмотрительно положил в специальный ящик. Но желание фотографировать не исчезло. Я забежал внутрь лавки, промчался на склад, схватил несколько небольших коробочек разных снов и метнулся обратно. Достал из-под прилавка телефон, выскочил на улицу. Взял один сон, а остальные пять положил у входной двери.

После чего положил свою «фотомодель» на асфальт и принялся фотографировать со всех сторон и на всех режимах, что предлагал телефон. Пыль удивительно подчёркивала солнечные лучи, а тени получались мягкими и бархатистыми. Размытие на фоне и дополнительные фильтры быстро превращали фотографии в подобие произведения искусства.

Затем я подтащил с обочины несколько разбитых кирпичей, один выломанный кусок бордюра, сложил из них платформу и стал на ней выкладывать коробочки с разными снами. Один сменялся другим и встающее солнце меняло восприятие сцены, словно мы переносились с этой пыльной улицы в другие, гораздо более интересные и необычные места.

И вот пять из шести получили свою минутку славы и пришло время отфоткать последний шестой. Я потянулся за коробкой не глядя, стараясь продумать следующий кадр, но рука наткнулась на пустоту. Я резко повернулся.

Коробка оказалась в полуметре от того места, где я её оставил. К тому же она была открыта и внутри красной кепки. Я обошёл картонный форт, за которым прятался бомж и с ужасом схватился за голову: грязный мужчина с длинными, связанными в лохматый хвост волосами, лежал на спине, закрыв глаза и слегка подёргивался. Из рта у него текла мутная слюна.

«Вот уж решил продать сны! А если бы кто-то нормальный попал?» – с чувством страха и омерзения я присел рядом с мужчиной. Тот продолжал подрагивать, а когда я приблизился – тихо застонал.

«Он же сейчас здесь окочурится! Что делать?!» – я вскочил бежать за Нестором, но остановил себя. Нужно ли его втягивать? Позвонить Абу? Я открыл телефонную книжку, но снова замер: с трупом за спиной я точно не продам Бюрю. Такая слава никому не нужна. Что делать?

Я схватился за голову и крутанулся вокруг себя, пытаюсь найти подсказку в окружающем меня пространстве. Но вокруг как был, так и оставался грязноватый пыльный тупик заброшенного производства. Единственно, что привлекало внимание – это красная кепка. Кепка, внутри которой сон пульсировал слабым огоньком.

Ловец снов! Он использовал кепку, как ловец снов!

Не думая о последствиях, я всунул руку в кепку и схватил работающий сон. Кожа опалило, живот скрутило и меня стало затягивать куда-то внутрь. Внутрь этой кепки!

– Не сегодня! – крикнул я сам себе и дёрнул со всей силы.

Раздался глухой «Воум», легкая волна разошлась кругом от кепки, поднимая в воздух пыль, мелкие камушки и коробки со снами. Через полметра всё упало и я сам приземлился на задницу. Рука ныла и на ней пульсировали вены. Сердце колотилось, выдавая себя за ритм секцию в музыкальной группе. Стоны прекратились.

Я, не вставая, на коленках, подполз к мужчине и, игнорируя запах, прикоснулся пальцами к шее. Где там эта ниточка? Есть! Пульсирует!

Я сел и опёрся руками о землю. Жив. Как минимум убийство мне и моей Буре не припишут. Машина Смерти сегодня обойдётся. Я молча сидел и дышал, пытаюсь прийти в себя. Солнце уже взошло и теперь начинало потихоньку печь. Фотосессия на улице точно подошла к концу – магия света пропала.

Зато сбоку закашлялся бомж. Он суетливо огляделся, схватил кепку и напялил себе на голову. После чего отполз от меня и прижался к стене. Глаза у него были стеклянные, пустые. Я на всякий случай от него отодвинулся и после медленно встал.

– Эй! – тихо позвал я. – У вас всё хорошо?

Мужик ещё больше вжался в стену, словно я был демоном из Царства-за-снами. Интересно, он таким и был или всё-таки мои сны ему сломали мозги?

Я аккуратно отошёл, подобрал коробки со снами. Скрипнула дверь и на порог вышел дядя Нестор.

– О, это ты? – добродушно кивнул он, почёсывая бороду. – Смотрю, уже с самого утра работаешь. Весь в отца.

Он похлопал по многочисленным карманам, достал шоколадку и смачно зачавкал ей.

– Эй, Кепка, хочешь? – достал он ещё одну и подошёл поближе ко всё ещё вжимающемуся в стену бомжу.

Тот несколько секунд смотрел на Нестора, после чего резко схватил шоколад и спрятался под одеяло. Там зашуршала обёртка. Через минуту красная кепка снова показалась на свет.

– Надеюсь понравилось, – хекнул дядя Нестор и махнул рукой. – Давай, бывай, мы – работать.

Он подтолкнул меня в сторону двери, а нам в спину прилетело тихое:

– Спасибо.

Дядя Нестор резко обернулся, посмотрел на Кепку, но тот уже спрятался в своём «домике».

– Что-то случилось? – нервно спросил я, чувствуя, как из потной руки выскальзывает коробка.

Нестор закрыл за нами дверь, молча пошёл в сторону склада, а я за ним. Дойдя до своего лежбища, он начал ска-

тывать матрас.

– Вы на него хорошо действуете, мастер. – Достал из складок подушки ещё какую-то сладость, положил в карман. – Я не слышал от него связной речи лет десять. А тут – «спасибо».

Он пожал плечами, отошёл. Я положил пять снов и взял открытую коробку. Даже не глядя на название я почувствовал знакомый запах: «Шалфей». Мамин лечебный сон.

Рука вновь заныла и запульсировала. Почувствовал, как захотелось мяты, трав. Не отдавая себе отчёта, прошёлся вдоль коробок, заглянул в каждую и наконец нашёл ту, где хранился «Шалфей». Достал одну, приложил ладонь, закрыл глаза. И почувствовал пульсацию.

Только не в руке, а внутри коробки. Спокойное, мерное «тук-тук», как бьётся сердце здорового отдохнувшего человека. Это биение успокаивало, усыпляло. Осторожно, чтобы не повредить «сердечко», положил обратно. Взял новую коробку и снова «тук-тук».

Эти сны в прямом смысле были живыми. По крайней мере для меня. Посетившая мысль разбудила меня. Положив «Шалфей» на место, я метнулся к другим ящикам. Взял один сон, прислушался. Тихо. Отложил в сторону, взял другой из этой же коробки. «тук-тук-тук. Пауза. Тук-тук-тук».

Вау! Другой ритм, более быстрый, более танцевальный. На бирке «Сальса» – такого я не помнил. Но та радость, что накатывала на меня при касании к этой коробочке действи-

тельно соответствовала радости этого заводного танца. На него даже просто смотреть сложно – обязательно начинаешь двигаться вслед танцующим!

Я перебрал все ящики, пытаясь понять настроение каждого сна. В итоге у меня на руках оказались «Уют», «Сальса», «Длинная прогулка в горы», «Бушующее море» и «Спокойное море», а также легендарный «Шалфей».

Несколько коробочек оказались «мертвы» – без биения жизни внутри. Их я откладывал в сторону на отдельный стеллаж. Видимо от них действительно придётся избавиться.

Для проверки своего плана я отобрал по пять коробочек каждого сна и устроил дополнительную фотосессию в кабинете Мадам Пакхус. Пришлось, правда, притащить один из технических фонарей со склада, потому что не хватало света. Когда завсклада застала меня за подобным нарушением её частной собственности, она начала орать:

– Что вы себе позволяете?! – и многое другое.

Но я не слушал. Я, не глядя, всунул ей в руки «Бушующее море» и сообщил:

– Рекомендую, думаю вам понравится.

И ушёл в приёмную, чтобы заняться самым важным этапом: выкладкой своих фотографий в Сеть.

Для начала я создал профиль «Лавка Сновидца», загрузил общую информацию, не забыв упомянуть о древности нашего производства. Слово другие семьи не были древними, но маркетинг никто не отменял. После загрузил первую группу

фотографий с «Сальсой», расписал динамичное настроение и сделав упор на винтажность продукта: «Так теперь больше не делают!»

А заодно предлагая написать в личные сообщения и приобрести уникальный продукт.

После поделился записью с Абрафо, Александрой, Андреем и остальными одноклассниками. Уже через час у меня был первый десяток подписчиков и даже два комментария: один от Лекс: «Неплохие фотки»; а второй от друга: «Мне бы сейчас не помешала подзарядка!».

Через два часа случилось невероятное: пришло сообщение от незнакомого мне человека, который спросил стоимость и возможность доставки. Я засуетился, думая как ответить: про доставку я не подумал от слова совсем! Пока я бегал по лавке вдоль стойки, человек написал ещё раз:

«Могу ли сам забрать? Наличность принимаете?»

Спаситель ты мой! Конечно!

«Да, конечно! Принимаем наличность и будем рады, если вы к нам заедете сами!»

Я написал сначала три восклицательных знака, но остановился и стёр лишние.

«Хорошо. Завтра вы во сколько начинаете работать?»

«Наш человек будет на месте с девяти утра. Годится?»

«Хорошо, до встречи».

И вот мы с Абом стоим и ждём этого неизвестного человека, который решил первым купить винтажный сон. Я каса-

юсь иногда коробочки, чтобы убедиться, что его «сердечко» бьётся в бодром «Тук-тук-тук. Пауза. Тук-тук-тук».

Время тянется, мы здесь с восьмью. Нестора мы попросили укрыть Кепку дополнительными коробками, чтобы он сидел в своей крепости и не отсвечивал. Выгонять его не поднималась рука. Но портить продажу я ему тоже не позволю. Поэтому теперь рядом со входом у нас большая картонная гора.

И вот слышится жужжание мопеда, несколько хлопков и мотор глушат.

– Не верю, – шепчет Аб, и отходит чуть назад, давая место мне.

В дверь стучат, кричу «открыто!». Заходит человек. Среднего роста парень, широкие плечи. Точнее сказать сложно – на голове капюшон тонкой куртки. Через плечо перекинута сумка с кучей значков.

– Лавка Сновидца?

– Да, добро пожаловать, – чуть суетливо отвечаю. – Вы за заказом?

– Да, «Сальса», – в его голосе слышится улыбка. – Оригинальное название. Надеюсь содержимое не подведёт.

В горле пересохло, но всё равно отвечаю:

– Не сомневаюсь. – Коробка в руках отбивает свой ритм «Тук-тук-тук. Пауза. Тук-тук-тук». – Я сейчас выпишу накладную.

– Не обязательно, – поднимает руки парень в капюшоне, но я настаиваю и тот кивает.

Дождается, когда я оформлю бумажку, подготовленную Валентиной Павловной, крутится вокруг своей оси, осматривает помещение.

– У вас мило, – говорит, передавая мне деньги, полную сумму. – Оригинально. То, чего сегодня не хватает.

Я передаю ему коробку со сном, он аккуратно подносит её к лицу и нюхает.

– Великолепно! – говорит он. – Спасибо! Возможно, скоро увидимся!

За дверью снова тарахтит мопед и уезжает вдаль. Я тяжело сажусь на табурет у стойки и вытираю пот со лба.

В общем, парень не соврал. Мы увиделись ещё. И не только с ним.

Глава 10

– Он мерзкий! – Юлиана скривилась, глядя в экран. – Что это за манера говорить?

– Так сейчас модно. Подростки его обожают. – Ирин помешивала суп и пританцовывала в ритм фоновой музыки на видео. – Все мамы на площадке обсуждают его. Правда они чаще про пресс, чем про видео...

– В любом случае, сейчас нам это на пользу, – меланхолично-разумно сказала Норна, формируя руками скульптуру из теста. Что у неё выходило, было пока непонятно, но она засунула её в духовку.

Я же застыл с ложкой в руках и не мог донести её три минуты до рта. Только после тычка Ю я закинул кашу в рот и продолжил смотреть видео без отвлекающих моментов.

«... но главная фишуля этой упаковки в том, что наутро вы чувствуете внутри себя этот ритм. Сон не заканчивается пробуждением, а словно продолжается в реальности. Такого погружения я не испытывал давно – с тех пор, как мне попалось то самое вещество. Ну, вы помните. «Раздаются звуки тошноты». Но теперь я всё проверяю и скажу прямо – это чистый, во всех смыслах, кайф. Лавка Сновидца удивила, так что я смело ставлю девять звёздочек из десяти. Им нужно поработать с пылью, но для винтажа – годится».

После следовали стандартные для блогеров призывы и

прощания, в том числе приглашение купить майки, куртки и «адекватные ручной работы ловцы снов». Я же смотрел на подкаченного, с кубиками пресса парня, которому больше подошла бы реклама шампуня или новых трусов, а не снов с пыльного склада.

Но Макс Давыдов провёл, как он сказал, секретную покупку, протестировал их сон и теперь был в полном восторге.

Видео вышло час назад, а в личных сообщениях профиля Лавки Сновидца висело три сообщения. Нет, уже четыре.

– Даже как-то пугает, – пробормотал я, выпил остывший чай и пошёл собираться в Лавку, на ходу просматривая другие видео блогера.

Это оказалось познавательно. Например, я понял, почему мама назвала «Лёгкую прогулку» неподходящим для больницы. Давыдов пробовал его после того самого вещества (очередные звуки тошноты) и сказал, что такое сочетание испортило ему настроение на пару дней.

Ещё любопытно было узнать его мнение по Снам Пинчей. Дольше всего я смеялся с определения: "пыльная бумажная папка с инструкциями по переводу бабушек через дорогу". Почему именно так, я не понял, но повеселил. Надо будет Абрафо рассказать.

Также блогер обратил внимание, что интересные сны зачастую приходится заказывать из других городов и стран и их нередко отказываются везти. При этом наблюдается общий тренд на снижение качества предлагаемых картинок и

ощущений.

В комментариях, понятное дело, его сразу обвинили в том, что он ворчит как старый дед и считает, что "трава была зеленее, а сны – ярче". На что он закономерно отвечал, что хоть трава и становится зеленее, но нормальные сны она компенсировать не сможет.

Неожиданным оказалось видео с обзором фабрик снов в нашем городе. Судя по всему Пинчи не просто доминировали, а были монополистами в сегменте "сны для всех". Собственные производства оставались у храмовников, муниципальных служб, военных. Храмовники обеспечивали нужды монахов, служителей и тех, кому Храм помогал через благотворительные организации. В свободную продажу поступало очень ограниченное количество снов и только через собственную сеть магазинчиков. При этом Максим Давыдов удивлялся тому, что сон внутри очень похож на обычный храм и службу в нём. Типа, молись вживую и во сне, ничего интересного.

Муниципальные службы, то есть полиция, спасатели, медицинские службы, чиновники обеспечивали себя централизованно на фабрике, что на проспекте Курляндии – старое большое производство, в котором работали две семьи мастеров. Несмотря на это, часть заказов всё равно перенимал на себя Пинч. В той же больнице для пациентов поставляли в основном сны с фабрики Пинчей. Хваткие англичане, ничего не скажешь.

Военные не говорили, где их машина, что и понятно – безопасность и всё такое. Лишь изредка можно было купить то, что списывали со складов или у дембелей, что закончили контракт и скидывают лишнее из собственного пайка.

На свободном, если так можно сказать при доминировании Пинча, рынке, оставались по сути трое: сами Пинчи, Дремотины да Сновидцы. Причём вторые, как я потомглянул в Сети, закрылись год назад по состоянию здоровья главы фабрики, а наследники пока только растут и не могут перенять дело. По сути нас осталось двое, а очень скоро Пинчи займут остаток рынка. Мне кажется, разумно примкнуть к победителям, пока предлагают выгодные условия.

В общем, занятый парень Макс Давыдов. Он дал много пищи для ума, но мне пора идти. Сны сами себя не продадут.

Обувшись в прихожей, я осмотрел себя в зеркале. Волосы всклокочены, небольшие мешки под глазами. Но ничего, сейчас распродадим склад, починим машину и у меня начнётся отпуск. Надолго.

– Тебе нужно зайти к отцу. – От неожиданности я подпрыгнул. Норна подошла незаметно.

– Зачем? – Не то, чтобы я не хотел к нему идти. Я не хотел чувствовать себя беспомощным, глядя на его неподвижное лицо.

– Не знаю, – нахмурившись, сказала она. – Но считай это женской интуицией.

Я поднял бровь. Норна была непривычно неконкретной.

Она устало потёрла лоб.

– Сны.

– Папа же говорит, что пророческих снов не бывает? – улыбнулся я, надевая куртку.

– Не бывает. Но что запрещает нам видеть закономерности? Осторожно, ещё горячая.

Она протянула мне пластиковое корытце. Я открыл крышку, и оттуда пахнуло жаром. На меня смотрела статуэтка, похожая чем-то на муху.

– И что это значит? – спросил я.

Норна пожала плечами:

– Ты же у нас мастер снов, Демон. Вот и решай, как трактовать чужие сны. А мне ещё помолиться надо перед выходом.

Она пошла к себе на диван собираться – её очередь сменить маму. Я же пошёл в лавку. В сообщениях висело уже пять запросов.

Первым делом я занялся ими. Люди были с самых разных концов города и один даже из пригорода. Все были готовы приехать сами, чтобы забрать заказ. Пока я обрабатывал один запрос, появлялся новый. У меня от удивления и плохо скрываемого восторга горели щёки: если так пойдёт и дальше, то я справлюсь с ситуацией очень быстро.

Когда приехал первый на сегодня заказчик, я с радостной улыбкой передал коробочку с "Сальсой" и пожелал ярких снов. Мужчина хмуро кивнул, положил деньги на при-

лавок и, даже не глянув на накладную, вышел из Лавки. Хвала Морфею, остальные были подороже и повеселее. Несколько человек поделились впечатлениями от видео Макса Давыдова, а некоторые сразу спрашивали: а есть ли что-то ещё? Приходилось отвечать, что за новыми предложениями стоит следить на нашей страничке в Сети.

Спустя пару часов образовалась вполне заметная кучка денег и я пошёл к Валентине Павловне.

– Сколько нам нужно продать, чтобы хватило на зарплаты и на долг по электричеству?

Мы сидели в кабинете Пакхус и скучно считали циферки. Правда сама завсклада наоборот в этот момент улыбалась и легко водила ручкой по столбцам. Ещё одна любительница бумажек.

– При нынешней цене, на мой взгляд заниженной, с учётом налогов, штрафов...

– Каких штрафов? – подскочил я, но она меня проигнорировала.

– ...зарплаты и долга, нам нужно продать пять сотен снов. Тогда мы выйдем в ноль.

Что ж, это лучше, чем ничего. Но значит на полноценный ремонт нам не хватит – в сумме у нас около шестисот живых снов разных серий.

– Во-первых, – чуть отдышавшись от новости, сказал я, – цены выше рынка и вы вообще не верили, что хоть кто-то купит даже одну коробку.

– Теперь осталось продать всего четыреста девяносто девять, – ехидно отметила Пакхус.

– Во-вторых, этот блогер нам подсоллил, озвучив цену на свою аудиторию. Планы были немного иными, но как есть. – Я не дал себя сбить с мысли. – В-третьих, пока что это была цена только на «Сальсу». А у нас ещё есть и другие серии. Думаю на них цену можно будет поднять.

– Вам решать. – Пакхус прищурила глаза. – Но пока цифры такие.

Цифры. Мог ли я когда-нибудь подумать, что тот доход, который мы сделали за сегодня, – продав, напрямую в руки, без доставки и лишней упаковки, десять снов, – будет недостаточен? Если бы я клал прибыль себе в карман, можно было бы смело пойти в отпуск и съездить в горы или хотя бы прикупить альпинистского снаряжения. Плечо на эту мысль, как приболевший пёс, заныло.

– Пойду подумаю, – сказал я, поднимаясь со стула. Спина заныла от неудобной позы.

Валентина Павловна осталась на своём месте, продолжая изучать и править таблицы. Мне же нужна была тишина. Поэтому, прихватив коробку с печеньем Норны, я пришёл к машине и сел рядом, опершись спиной на боковую часть механизма. От неё исходило лёгкое, едва заметное тепло, а гул, который в обычной жизни раздражал, здесь казался умиротворяющим. Я закрыл глаза, стараясь расслабиться. Голова гудела и не выдавала каких-либо значимых идей, кроме как

"поесть" и "поспать".

– Что мне делать? – прошептал я, обращаясь к машине, словно она могла ответить. Конечно, это было ребячеством, но если она прервала сделку, то почему бы ей не дать знак другим способом.

– Шестерёнки не разговаривают. У них другая функция, – прожужжало справа.

– А разговор с самим собой – первый признак проблем с головой. Ты вообще как спишь? – прожужжало слева.

– Нормально, в темноте, – расслаблено ответил я. Мне было просто хорошо. Запах выпечки проскальзывал сквозь крышку и манил, так что я не собирался сопротивляться.

– Странный человек. Вам нужно смотреть сны. Особенно, если ты решил заняться снами профессионально.

– Я не собираюсь заниматься снами профессионально. Как закончу с долгами, как починю Бурю – и всё, пойду на заслуженный отдых. – Я открыл крышку и запах выпечки усилился.

– Хорошо, что Он нас не слышит, – голос слева звучал обеспокоенно. – А то пришлось бы откачивать.

– Кого? – уточнили справа, но ответа не последовало.

Зато возник новый вопрос:

– И ты ЭТО будешь есть? – от возмущения голос слева перешёл с «ж-ж-ж» на «з-з-з».

Мне вообще не хотелось открывать глаза и даже странные голоса меня не беспокоили. Казалось, что я лежу в гамаке на

солнышке и меня греет теплом и светом. Поэтому ничего не мешало мне съесть ещё и печеньку, которую мне приготовила сестра. Думать о скрытых смыслах и значениях вообще не хотелось.

– Ам, – я демонстративно укусил фигурку за бочок.

– Изверг, – констатировал голос справа. – Жаль, что здесь я не могу тебе врезать. Знал бы.

Стоило ему это сказать, как моё тело пронзила острая боль, словно в голову воткнули стержень и он дотянулся через весь позвоночник до копчика. Я вдруг вспомнил тёмное помещение, горящие глаза, двух мух, что лупили меня с двух сторон и руками, и ногами.

Я подскочил, выпрямился на месте и резко открыл глаза, пытаюсь увидеть, откуда придёт следующий удар. Сердце заколотилось, а руки автоматически сжались в кулаки. Куски раздавленного печенья высыпались на пол. Гнев давил на грудь и горло, сжимая меня в своих горячих объятьях.

– О, что это с ним? – спросили слева и я крутанулся вслед за голосом.

– Плохой сон приснился? – издевательски ответили справа и я ударил ногой на звук.

– Танцы здесь не помогут, мастер, – вдруг очень тяжело, снизив «ж-ж-ж» почти до рокота моря, сказал голос справа. – Сосредоточьтесь.

Я снова закрыл глаза, прислушиваясь к происходящему вокруг. Снова услышал успокаивающий гул машины, почув-

ствовал лёгкую, едва заметную вибрацию. Дыхание. Чужое дыхание в помещении. Протянув руку влево, аккуратно коснулся пальцами до мягкого.

– Почти в глаз попал, – ворчливо ответил голос, но на него зашикал второй, справа.

– Прогресс. Вы возвращаетесь к ткани снов, Сновидец. Давно пора.

– Что это значит?

Я старался не дать эмоциям выйти из-под контроля. Только какая-то холодная, сдерживаемая на уровне диафрагмы ярость позволяла не просто слушать, но слышать и чувствовать этих двух существ. Ярость, которая мне словно и не принадлежала, и в то же время была важнейшей составляющей. При этом моя правая рука, которой я вырывал сны из кепки Кепки, сильно пульсировала.

– Мастера снов должны чувствовать, касаться ткани снов, чтобы плести паутину новых снов. Пока есть сны – мир держится. Как только паутинка станет слишком тонкой – придёт конец. А вы, как паучок, обязаны поддерживать ткань мироздания своей работой.

– Неужели в мире снов всё связано с насекомыми? – меня чуть передёрнуло от перспективы.

Существа пожали плечами. Я не видел этого, но точно понял.

– Сны – субстанция непостоянная. Там может быть всякое. Но то что прячется за ними – вот оно и того хуже.

– Царство-за-снами? – саркастически спросил я.

– Царство-за-снами, – серьёзно ответили мухи.

Здрасьте, приехали. Мухи, верующие в старые религиозные штампы. Хотя, чего я хотел, если они служат неким синим глазам. Если меня не приглючило.

– Сновидец, вам нужно починить машину как можно скорее. – отвлѐк меня голос справа.

– А то будет больно, – добавил голос слева.

– Да-да, я работаю над этим. Для этого нужны деньги, а у бизнеса сейчас непростое время. Есть более актуальные нужды.

– Нет ничего важнее машины, человек! – снова перешли на «з-з-з» голоса. – Особенно этой.

– Серьёзно? – хохотнул я. – Если так, то я смогу поднять цену при продаже. Получу долю на пол процента больше. Когда починю.

– Покажите ему.

Этот голос не принадлежал мухам. Он не принадлежал глазам, которые рокотали в темноте. Это был новый. Я бы сказал – женский. Даже не голос – сигнал. Посыл. От него у меня внутри всё затрепетало и пришло в движение. Руки запульсировали, глаза заболели и ноги согнулись, от чего я вынужден был рухнуть на колени.

Раздался протяжный скрип. Я поднял глаза и увидел, как центральная шестерѐнка чуть сдвинулась, продавив балку.

– Только обвала потолка мне не хватало, – простонал я.

Четыре крепкие руки едва заметно потыкали меня, заставляя подняться с пола, подойти к «душе». Здесь пахло озоном и слышались прострелы короткого замыкания.

– Представь, что твоё сердце из раза в раз бьют электрическим током, – зажужжали мне на ухо. – Сначала это помогает реанимировать его, восстановить пульс. Но они продолжают. Бьют, заряжают и снова бьют. Мышцы не выдерживают, начинают подгорать, теряя эластичность. Ты кричишь «остановитесь!», но тебя не слышат. И только в последний момент ты понимаешь, что лежишь на умирающем скате и он, в попытке тебя сбросить, может даже спасти, бьёт и бьёт тебя током. Но в итоге вы тонете вместе, потому что не поняли друг друга.

Меня отпустило и я сполз на пол, касаясь огромного колеса. Я с трудом перевернулся и опёрся на него спиной. Оно не двигалось, словно было зафиксировано. Но в моей голове всё ещё стояло эхо того скрипа по балке.

– Оно упадёт, – прошептал я.

– Упадёт, в попытке достучаться до вас. Вам нужно вернуться к работе, ради которой вы были созданы, Сновидец. Иначе машина в попытке достучаться до вас, убьёт вас сама. А потом умрёт без хозяина.

– Но ведь хозяин на самом деле мой отец, – я с трудом открыл глаза. Перед ними стояла дымка.

– Уже нет. Уже нет.

В мареве то ли дыма, то ли слёз, я увидел две человече-

скую фигуры с головами мух. Они, сложив руки перед собой, кланялись мне. Или Буре за моей спиной. А может быть нам вместе – не важно. Главное, что теперь я знал – требуется срочно искать мастера по тонкой механике.

Несмотря на то, что денег нет. А держаться всё равно придётся. Иначе всё будет плохо. Потому что теперь, прижимаясь к частично оторванному колесу моей машины, я чувствовал её спокойный, чуть усталый пульс.

И он иногда прерывался.

Глава 11

Я этого не хотел. Всегда говорил отцу, что никогда не пересеку эту линию. Он смеялся и говорил, что я волен выбирать. И покачивался в рабочем кресле.

И вот я стою на пороге кабинета и собираюсь сделать его своим. Вынужденно – дел навалилось столько, что сидеть рядом с пульсирующей Бурей, бубнящим дядей Нестором на складе или в кабинете Пакхус стало просто невозможно.

– У начальника есть свой кабинет – почему вы им не пользуетесь? Мы всё равно платим за электричество, – недовольно говорила завсклада, когда я пытался договориться с очередным клиентом о доставке.

Крайней точкой стал момент, когда я вместо общения по переписке был вынужден отвечать на звонок и объяснять, как до нас добраться. Меня попросили на выход и выдали ключи от кабинета.

– Дементий, вам нужно освоиться в рабочей обстановке и как можно быстрее, — высокая причёска Валентины Павловны возмущённо тряслась, а глаза сузились до тонких щёлочек.

– Почему?

– Потому что собеседования с инженерами проводить в моём кабинете я не дам! – И она захлопнула дверь перед моим носом.

И вот порог, замок легко открылся и я сделал шаг. Места оказалось совсем немного и большую его часть занимают широкий рабочий стол с компьютером и документами; шкаф слева с книгами, кубками, фотографиями и документами; справа стоит невысокий комод, поверхность которого заставлена папками и явно с документами, а на стене выше – картина в виде окна. Настоящего здесь нет, а на картине изображен ночной луг в горах. Звёзды, будто настоящие, мерцают над горными пиками и молодой месяц слегка освещает сочное разнотравье. Даже в темноте видно красные, фиолетовые и жёлтые пятна цветов. Картина написана так мастерски, что кажется, что трава шевелится под налетающим ночным ветром. В детстве я долго залипал на неё, пытаюсь поймать момент, когда же трава замрёт и перестанет колыхаться.

Сейчас я лишь мельком на неё взглянул и бросил телефон на стол – очередной клиент, привлечённый разбором блога, придет за товаром через пятнадцать минут. А через час выйдет пост со вторым сном, в этот раз с «Длинной прогулкой в горы», и я уже знал, что тот самый странный блоггер, что не понравился Ю, обязательно возьмёт его на тест. Он сам мне написал об этом и даже предлагал внести предоплату.

Возможно это и хорошая идея. Подняв телефон со стола, я коротко ответил ему и послал реквизиты. Через минуту он прислал «Готово» и предложил забрать заказ через два часа.

Кто я такой, чтобы спорить, когда мне несут деньги?

Снова бросив телефон на стол, сбил случайно стопку документов. Я подошёл их поправить и увидел, что они датируются прошлым годом. На верхней бумажке лежал знатный слой пыли. Я аккуратно собрал всё ровно, вложил в лежащую рядом твёрдую папку и посмотрел, куда бы пристроить. Место оказалось в шкафу, как раз между папками за этот и позапрошлый год. Папка встала как влитая, и я поднял взгляд, рассматривая содержимое шкафа.

На самой верхней полке покоились кубки и медали в виде шестерёнок, полученные моими пра- и прапрадедами. Бронза потускнела от времени, покрылась благородной зеленью, но смотрелась внушительно. Чуть ниже шли памятные фигурки, сувениры из разных городов, в которых бывали представители Лавки – там, где мы продавали свои сны и где работали наши ученики. Когда-то в эту лавку приезжали люди, чтобы учиться. А теперь нужно было находить людей подешевле, чтобы они согласились хоть как-то поправить наши дела.

На уровне глаз расположились архив документов и несколько рамок с фотографиями. Вот отец с моим дедом, ему здесь лет пятнадцать. По соседству свадебная фотография родителей. Они оба счастливо улыбаются, убегая от толпы родственников на кабриолете. Если верить их рассказам, фото не было постановочным – они реально устали и рванули от всех подальше, наплевав на резервацию в отеле и

умчавшись куда-то в сосновые леса на побережье.

Чуть ниже стояло пять фотографий: Ирин, Норна, Ю и я. А также неизвестная мне молодая женщина лет тридцати – ровесница старшей сестры. У неё были ярко рыжие волосы, мягкая обворожительная улыбка, при этом пронзительные, заглядывающие в душу глаза.

– Вы знаете кто это? – спросил я в пространство.

– Нет. Мы давно здесь не были, – прожужжало в ответ.

– Но всё-таки были? – хмыкнул я. – Когда?

– Давно. – Мне показалось, что существа замялись и думают, как продолжить. Поэтому молча ждал. – У нас время течёт иначе, чем у вас, людей. Но нам кажется, вы уже предположили, кто это.

В обычном состоянии я не видел своих мух, но слышал их голоса. Только прислушиваясь к биению сердца машины, иногда мог разглядеть их контуры. Но я выяснил, что они могут давать ответы. Иногда. Очень хотелось верить, что я всё-таки не схожу с ума.

– Красивая, – покачивая головой, протянул я. – И чем-то похожа на маму. Я слышал, что даже уходя к другим женщинам, мужчины выбирают похожих.

Я смотрел на ту, с кем отец изменил маме и из-за чего фактически разрушилась наша семья. А может быть и отцовский любимый бизнес. Который мне нужно было спасти, чтобы продать, чтобы спасти отца.

Ну и сюжетный поворот, демоны и Царство!

Я положил фотографию лицом на полку, чтобы рыжая бестия не изучала меня слишком пристально. После чего вернулся к столу, ответил на сообщение «Иду», и вытащил рабочее кресло отца из кабинета. Сидеть на нём я точно не буду – как сказал, так и будет.

Зато Кепка на улице очень обрадовался обновке и с удовольствием сел в кресло, крутанулся вокруг своей оси.

– Спасибо! – уверенно и даже радостно сказал он.

– Ты можешь перебраться чуть подальше? – спросил я, ожидая клиента. – Чтобы не пугать людей?

Мужик смотрел на меня очень внимательно, словно пытаюсь понять, на каком языке я говорю, прежде чем ответить. После чего пожал плечами и закатился на стуле в свой картонный домик. Оттуда раздались довольные хрюкающие звуки.

– Ну хотя бы так, – протянул я и помахал машине, что завернула к нам в тупичок.

Отдав заказ и документы об оплате – Валентина Павловна внимательно следила за тем, чтобы все деньги были подсчитаны, – я оглядел пространство вокруг.

– Да уж, срач, что не говори. Убрать бы. У нас метла есть? – спросил я у Нестора, что выглянул из дверей.

– Несколько штук ещё осталось, мастер Сновидец, – прохрипел он. – Принести?

– Я... – не успел закончить, как телефон зазвонил. – Слушаю тебя, Аб!

– Как успехи? Как продажи? Как ремонт?

Он звучал уставшим, но пытающимся изобразить бодрость.

– Звучишь паршиво. Рабочий день на фабрике отца – это не так весело, как казалось вначале? – подколот я друга.

– Я бы сказал тебе в красках и со смачными подробностями, но боюсь служба безопасности не поймёт. Да, господин Оскол? – добавил он мимо трубки. Ему что-то пробубнили в ответ и Абрафо устало засмеялся. – В общем работы выше твоей машины. Я даже удивлён, что отец так долго держался, прежде, чем заболеть. Так что у тебя?

– Продажи идут. Сейчас приедут забрать первый сон из следующей серии. А завтра с утра планирую навестить писателей.

– Они отказались приходить сами? – деланно удивился Аб. Мы обсуждали с ним этих клиентов и варианты договориться.

– Говорят, что на них снизошло вдохновение, ловят момент, – издевательски процитировал я ответ представителя Союза писателей.

– А что по ремонту?

– Решил начать с тонкой механики, – неуверенно сказал я.

– Есть кто на примете? – оживился Абрафо.

– Не совсем, – протянул я. – Завтра после обеда придут, будем общаться.

– Отлично, я тогда тоже заскочу. Интересно посмотреть.

Давай, до завтра!

Он положил трубку, а я пошёл за следующим сном – времени на уборку не оставалось.

Абрафо сначала предложил позвать кого-то с фабрики отца. Я был только за, но возникло одно препятствие: когда Аб поднял документы, оказалось, что оба нанятых мастера привязаны сделками только к фабрике Пинчей, точнее к конкретным машинам и не имеют право работать за пределами фабрики.

– Я удивлён, что у вас так мало спецов по тонкой механике, – сказал я тогда Абу.

– Ты не поверишь – я тоже. Попробую найти кого-то из бывших работников.

Но видимо найти быстро никого не удалось.

Блоггер Макс Давыдов подкатил на мини-чоппере – мопеде, дизайн которого был полностью скопирован с полно-весного тяжеловеса с длинной передней вилкой. Это выглядело забавно.

– И не требует дополнительных прав, – сообщил парень, принимая свежую, если так можно сказать про винтаж, коробочку. – У меня всё времени нет пойти учиться. Видео-видео.

Он понюхал новый сон, удовлетворённо закивал:

– Да уж, ручная работа – она выделяется. – Он наклонился ближе и почти шёпотом сообщил. – В последнее время интересных, не штампованных снов стало мало. Даже обзо-

ры не на что делать. А то, что есть – как-то быстро теряет свою фишулю. Понимаю, что это не моё дело, но всё же – постарайтесь сохранить свою уникальность.

Он похлопал по коробочке, а я усмехнувшись, грустно спросил:

– А если вы уже с этой разочаруетесь?

– Нет, – довольно протянул он и показал мизинцем на нос. – Запах не обманывает. В нём есть что-то, – он помахал рукой, пытаясь подобрать слово, – настоящее. Живое. Правильное. Так что многих лет вашей машине и вашим дизайнерам!

Он уехал, нелепо тарыхтя микродвижком мопеда. А я стоял и смотрел на летающий в порывах ветра кусок упаковочной бумаги. Парень словно загнал какую-то занозу в сердце. Она саднила и требовала внимания.

Нет уж. Так просто я не сдамся. «Настоящие» сны – это хорошо, но мне нужна настоящая жизнь. А не вот это вот всё. Я осмотрел улицу, зацепился за мусор, битый кирпич, коробки-домик Кепки, и меня накрыла радость. Это – не моё! Обойдётся! Я буду свободен!

– Нам хватает на зарплаты? – прорычал я, влетев в кабинет Пакхус. Женщина от неожиданности подпрыгнула и выронила ручку. Извиняться я не стал – молча ждал ответа.

– В целом да, однако... – неуверенно начала она, но я её перебил:

– Платите людям. Завтра я выбую деньги из писателей – и

у нас будет запас на ремонт и нормального инженера. Приступим к починке Машины. Негоже ей стоять без дела.

– В целом я бы поддержала ваш настрой, – хмуро, но уже собранно ответила завсклада. – Если бы не знала, зачем мы это делаем.

– Будет у вас на чашку кофе меньше, – в тон ей ответил я. – Выплачу всем выходное пособие, чтобы хватило на пару котлов этой коричневой бурды. И закусить.

После чего вышел из её кабинета и пошёл к себе. Нужно было подготовиться к встрече с клиентами отца. И заодно ответить на посыпавшиеся заказы – меня ждало порядка двадцати неоткрытых чатов. Кто-то хотел нового сна, особенно клиенты, которые уже попробовали «Сальсу», кто-то планировал взять сразу два. Пара человек хотела заказать несколько штук в подарок, но пока мы давали не более одного сна каждого вида в руки. Абрафо сказал, что так проще справиться с перекупщиками. Сложно было с ним поспорить.

Вечером я с трудом припёрся домой и хотел сразу завалиться спать. Но на кухне я увидел маму. Она сидела, уставившись в полупустой бокал красного вина и иногда проговаривала отдельные фразы вслух. Это всегда значило, что она устала или решает какую-то сложную задачу.

– Как ты, мам? – придвинув стул, спросил я.

Она поболтала вино в бокале, наблюдая за жирными пятнами на стекле.

– Не могу спать.

– Нет снов?

– Наоборот – слишком много, – она вздохнула. – Он слишком часто приходит ко мне. Хочет поговорить, рассказать что-то.

– Отец? – Мама кивнула. – И что говорит?

– Ничего особенного: что любит детей, что любит меня.

Что всё отдал за нас.

Я вспомнил портрет рыжей девушки на полке в кабинете и меня накрыла злость, что зубы скрипнули.

– Выдумщик, – вырвалось у меня.

Мама удивлённо покосилась:

– Работа у него такая. Была. Выдумывать. Впрочем, как и у меня, – она поморщилась.

– Нет, мама. Я не об этом. А о том, почему вы перестали общаться. Почему семьи – нормальной семьи – больше нет!

Из гостиной раздалось бормотание Норны. Оказывается, она сегодня спала дома, а не дежурила у отца.

– О чём ты? – сухо спросила мама.

– Я знаю. Я видел её фотографию. Он даже не прятал её, оставил на видном месте.

Мама резко отвернулась и через несколько мгновений вздрогнула. Не сдержала всхлип. Я понял, что перегнул.

– Мама, прости! – кинулся её обнимать. – Прости, я не хотел делать тебе больно! Прости-прости!

Я баюкал её в своих объятьях, пока она беззвучно, почти беззвучно рыдала. Позже сделал ей мятного чая, остудил до

градусов шестидесяти, дал выпить. Она снова смотрела куда-то в пространство и шевелила губами, словно общалась с мужем. Или сама с собой.

– Почему? – не выдержав, спросил я у мамы.

– Что, сынок?

– Почему ты, несмотря на это, сейчас рядом с ним?

Она грустно улыбнулась:

– Потому что кто-то должен его защищать. А так получилось, что это задача была на мне.

– А мы?

Она обняла меня, потрепала по волосам.

– Вы ещё не готовы. Пока что ему нужна я, напарница.

Мы помолчали и в итоге я предложил:

– А давай тебе сегодня поставим хороший сон?

– Какой? – вытерев слёзы с лёгким любопытством спросила она.

– Я думаю «Шалфей» здесь будет максимально подходящим, – процитировал я её фразу её же тоном.

Мама улыбнулась.

– О, это было бы неплохо. В нём даже я иногда теряюсь.

Взял с работы?

Пинчи, кстати, производили небольшие партии «Шалфея» по лицензии. Только не платили по ней ничего. Я постарался запомнить, чтобы потом уточнить этот момент. Сейчас я хотел порадовать маму иначе.

– Почти угадала, – я дошёл до прихожей, взял сумку в

руки. – С работы, да не той.

Я достал винтажную коробочку «Шалфея», положил на стол перед ней.

Она отодвинула чашку, придвинула сон, пригляделась.

– Что это?

Вот теперь я испугался. Почувствовал, как по моим рукам прошла холодная волна и рефлекторно сжал кулаки, чувствуя лёд в кончиках пальцев.

– Откуда у тебя это?

Мама смотрела на меня голодным диким зверем, которого случайно застаёт путник в пути: лишь стоит только шелохнуться или даже выдохнуть слишком громко, как он бросится и вцепится в горло.

– На складе нашли, – еле выдавил из себя. Такой маму я не видел ни разу.

– Их нужно было уничтожить!

Она вскочила и начала ходить вокруг стола. С дивана снова забурчала Норна и мама перешла на возмущённый шёпот.

– Так, спокойно! Он всё-таки не послушался. Решил по-своему. Как всегда!

– Мама, – простонал Норна.

– Спи и не слушай! – словно маленькой приказала мама и продолжила вышагивать по кухне. – Быстро, заказывай утилизацию. Нужно избавиться от них.

– Не могу.

– Не не можешь, а должен!

– Нет, – твёрдо ответил я. – Я их продаю.

– Ты их что? – проорала мама.

На крик из своей комнаты выглянула даже Ю. Значит на дежурстве Ирин. Мама на это не обращала внимание.

– Ты сдурел? Это же неликвид! Это экспериментальная партия! Мы играли, пробовали.

– В чём проблема? – Норна не открывая глаз встала с дивана, подошла к столу и рухнула на стул. Распушенные чёрные волосы плеснули по столешнице.

– В том, что эти сны слишком сильные! Слишком настоящие!

– А людям нравится, – сказал я.

– Даже противным, – зевая подошла Ю и налила себе мятного чая.

– Ты знала? – зашипела мама.

– Он пытается спасти лавку, – потянулась Ю. – Он нашёл выход. Использовал то, что есть.

– Как вы не понимаете! – Мама схватила бокал с остатками вина и опрокинула в себя. – Они как минимум могут быть нерабочими! Столько лет прошло!

– Нерабочие я убираю, а нормальные оставляю, – пожав плечами ответил я на это.

– Ты что? – мама словно врезалась в стену. – Повтори!

– Я убираю плохие и оставляю рабочие. В чём проблема?

Мама словно сдулась и села на стул. Не глядя схватила кружку, расплескала часть чая по столу, глотнула.

– О, как. – Это Норна. Она с любопытством изучила меня.

– Что такое? – рыкнул я, когда она, не выдержав, фыркнула.

– Да так, ничего, Демон, – сестра смеялась и её волосы корчились в судорогах над столом. – Просто ты всё-таки овладел потерянными знаниями наших предков.

Глава 12

– Расскажите мне историю, – сказал я очень тихим спокойным голосом, стараясь ничем не выдать своего волнения. Но видимо оно всё-таки умудрилось передаться моему собеседнику.

У мужчины затряслись руки, и он уронил книгу, которую внимательно читал до этого. Я бросил взгляд в её сторону и с удивлением обнаружил, что все страницы в ней пустые. Мужчина напротив выпучил глаза, покраснел, побледнел, после чего схватил книгу, захлопнул и спрятал за спину.

А после уронил её там на пол.

– Э-э-э, добрый день, – пролепетал он. – Вы к кому?

– Хотел поговорить с главой вашего Союза писателей. По важному делу.

Я облокотился на стойку регистрации, прижимаясь так, чтобы мой тремор не был виден этому испуганному человеку. Я слышал, что, если испуганный человек вдруг видит чужой страх, он моментально нападает. И хотя мужчина напротив не вызывал опасений благодаря перекошенной спине, выпирающему животу и большим очкам с явно огромными диоптриями, провоцировать никого не хотелось.

Просто хотелось поскорее закончить, получить деньги и иметь запас уверенности при переговорах с инженерами. Мне не нужны дополнительные жертвы. Только выполнение

условий договора.

Мужчина икнул:

– Он сегодня не принимает.

– Принимает. Расписание времени приёма висит у входной двери. – Я указал на пробковую доску, на которой висели различные объявления, правила и расписания. Я провёл у неё достаточно времени, чтобы внимательно изучить. Меня, помимо времени работы главы Союза, заинтересовал кружок натурального рисования и стрельба из лука. Оба проходили в одном подвале, но в разные дни недели.

– Расписание устарело! – пискнул мужчина и сделал шаг назад, споткнулся о книгу, которую уронил, и упал.

По ходу процесса он задел журнальный столик, тот завалился и загремел на весь холл. Даже накрытая тканью огромная люстра на потолке задребезжала в тональность.

– Что здесь происходит? Платить будешь из своего кармана! – раздался злой голос и из дальней двери выскочил мужчина с острыми усиками и напмаженной причёской. Одет он был в подобие восточного халата из плотной ткани. Или старой гардины. В руках у него был новенький телефон. На сияющем в полумраке холла экране застыли соблазнительная попка и ножки персонажа популярной онлайн-игры.

– Здравствуйте. Я так понимаю – вы глава Союза Писателей, уважаемый Бурмистер.

Я уже не понимал, от чего меня колотит: от напряжения или от смеха. Но старался сдерживать себя, прижимая сумку

с документами.

– Да, молодой человек. Я глава этого уважаемого учреждения. – Он повернулся к сидящему на полу работнику: – Поднимайся и приведи всё в порядок! Тут культурное место и ты позоришь нас перед молодым поколением.

Бурмистр нервно поправил причёску:

– Простите за беспорядок, молодой человек. Если вы принесли свою рукопись, то вынужден вас огорчить: оргкомитет нашего Союза загружен на два года вперёд. У нас много сильных авторов, поэтому мы вынуждены проводить тщательный отбор. Хотя, – он внимательно оглядел меня с ног до головы, будто оценивая овощи на полке магазина, – если вы готовы оплатить время наших специалистов отдельно, то мы с радостью поищем для вас окошко.

Мужчина на полу попытался издать какой-то звук, но глава Союза на него цыкнул.

– Я не по поводу рукописи, – покачал я головой.

– Тогда это не ко мне, меня ждут дела. – Он помахал телефоном и стал удаляться в сторону кабинета. – Книги сами не напишутся!

– А сны сами не приснятся.

Я остановил его у самой двери в кабинет и посмотрел в лицо.

– Хорошая попытка, – саркастично заявил глава Союза. – Но у нас уже есть проверенный поставщик снов. Самый лучший! На мелкую шушеру, вроде вас, мы, писатели! нет, мы

не размениваемся!

Он встал в позу, заговорил нарочито громким голосом, будто вещая со сцены. Тебе бы в театр, а не за рабочий стол с клавиатурой.

– Настолько хороший, что вы ему не платите за заказанный товар? – устало произнёс я.

Мужчина пристально посмотрел на меня и почему-то спрятал телефон в карман. Его слова пояснили причину:

– Никогда бы не подумал, что мастер Сновидец пришлёт коллекторов к писателям. Я думал мы – и я, и он, – интеллигентные люди. А переходить к таким методам это не... не... – он не мог подобрать подходящее слово.

– Непрофессионально? – подсказал я.

– Точно! Молодой человек, из вас может выйти толк! Может подумаете о том, чтобы предложить рукопись? Если что – я поспособствую. – Он подмигнул.

– Поспособствуйте, пожалуйста, тому, чтобы выполнить свои обязательства. – Я открыл дверь в кабинет и жестом предложил ему зайти. Он затравленно огляделся, но не нашёл никого рядом и только после этого понуро побрёл внутрь.

Да разве я похож на мордоворота из коллекторов? Я, конечно, могу подтянуться и провисеть на руках на альпинистской стенке пару минут, но чтобы пугать людей своим видом?

– Больше не буду заказывать у Сновидцев сны. Такие ме-

тоды, – причитал он, усевшись в своё гигантское кожаное кресло.

– О чём вы? – попытался призвать его к разуму я. – Я лишь пришёл просить вас заплатить. Сроки вышли почти две недели назад. Мне тоже нужно платить людям.

– Конечно, мордovorотов и убийц тоже нужно на что-то содержать, – хмуро и патетично ответил Бурмистр. – Но только мы не сдадимся и не примем произвол. Я буду жаловаться в правоохранительные органы!

– В органы, точнее в суд, придётся идти мне, – тяжело выдохнул я. Мне не хотелось даже садиться напротив этого странного человека. – Вы должны оплатить счёт за произведённый товар или моя компания будет вынуждена пойти на меры.

– Ваша компания? – взвизгнул мужчина. – А что вы сделали со Сновидцем? Он тоже вам «задолжал»? А теперь его нет? – Он перегнулся через стол и упёрся взглядом в моё лицо.

– Я – Сновидец. И владелец компании. Мастер Григорий Сновидец – мой отец. Я вынужден решать его задачи. – Я не стал говорить, что произошло с отцом. – Если вы сегодня не заплатите, то пойдут штрафные санкции. А затем пойдут суды. Я ясно выражаюсь? Или надо добавить метафоры?

– Метафоры? Ха! – Бурмистр демонстративно сложил руки на груди. – В вашем возрасте невозможно придумать достойной метафоры.

– Что ж, как скажете, – я пожал плечами. – Значит отсутствие моих снов в вашей голове послужит проходом в Царство-за-снами. А ваша задолженность перед моей компанией – тем камнем на ногах утопленника, что потянет в лапы демонов. А они уж найдут с вами общий витиеватый язык.

Я резко толкнул дверь так, что она стукнулась о стену и полетела обратно. Я остановил её рукой и раненное плечо снова заболело.

– Кстати, – бросил я перед уходом. – Если бы вы продали свой телефон, то смогли бы закрыть до четверти задолженности перед нами. Так, к слову.

Я пошёл на выход, не в силах больше терпеть это место. Даже на натурщиц перехотелось смотреть, хотя сегодня в пятницу как раз было их время. Вслед мне летело неразборчивое: «Что вы себе позволяете! Это подарок! Вы у меня попляшете».

Я же решил, что найду, кому перепродать сны, даже если со скидкой. А сейчас мне нужно вернуться в лавку и подготовиться к собеседованию с первыми инженерами, что откликнулись на объявление.

К сожалению, я ошибся в прогнозах. В нашем тупичке стоял чёрный лимузин. Я закусил губу и тихо простонал себе под нос. Цилиндр припёрся. Вот что им всем не сидится?

– Вы снова заставляете меня ждать! – вылезая из машины сообщил мужчина в сюртуке. – Это как-то непрофессионально, не находите?

Что-то слишком много обвинений в непрофессионализме за одно утро. Вслух я издал только что-то вроде звука придушенного вомбата, но моё приветствие никто не заметил.

– Кстати, рад, что вы к моему визиту прибрались – негоже мастеру, – он ехидно подчеркнул это слово, – с такой историей сидеть в грязи.

Как ни странно, но вокруг действительно стало почище. Напротив лавки не лежало мусора, битого кирпича и даже «домик» Кепки выглядел более ухоженным и симпатичным, если так можно сказать про груды картонных коробок.

– Выпишу благодарность своим сотрудникам, – сухо сказал я.

– Сотрудников нужно поддерживать, это верно. Только они ведь больше не ваши, я правильно понимаю? – Он похозяйски подошёл к витрине и посмотрел на своё едва заметное отражение. – Пройдёмте, вы покажете мне моё имущество. Так уж и быть, я позволю вам забрать несколько любимых безделушек.

Он тронул дверь, которая, слава демонам и мастерам, была заперта.

– Разумная предосторожность, – он погрозил мне пальчиком. У меня начала появляться пелена бешенства перед глазами. – Открывайте, мой мальчик, не будем терять время!

– Уйди. С моего. Порога, – медленно и очень чётко сказал я, остановившись в тройке метров от Цилиндра.

– Во-первых, к старшим нужно на вы, – в голосе мужчины

появились неприятно безразличные нотки. – А, во-вторых, мне кажется, вы немного заблуждаетесь в том, чей это порог.

Из-за машины вышли четверо, а пятый опустил водительское стекло. Все скрывали лица под капюшонами и выглядели угрожающе. Единственное, что радовало, я не видел в их руках оружия.

– Один против пяти с половиной – вы точно профессионал, – издевательски протянул я, стараясь унять накалившийся страх. Всё-таки их было шестеро. А нас, даже если вся компания выйдет – четверо. Да и что Пакхус с Нестором противопоставят этой шпане.

– Я работаю на результат, – изучая ногти сказал Цилиндр. – И предлагаю вам не мешать.

– И сколько машин снов вы уже отжали у мастеров? Простите, отдали народу?

По лицу человека пробежала судорога, но он сдержался.

– Дерзите, молодой человек. Я так понимаю, вы не до конца поняли ситуацию. Проблемы вашего отца – последствия моего проклятья. Это – доказано. Факт. И оно перейдёт на вас, как на следующего мастера. А значит недолго ждать, когда вы окажетесь в могиле. А судя по возрасту у вас самого ещё нет наследников, чтобы передать имущество. Я предложил вам сделку – убрать необходимость крайних мер, сократить путь до того, что и так предназначено людям.

Он указал тростью на дверь лавки. Его команда сделала небольшой подшаг ко мне.

– Уточните, в чём именно заключается проклятье. Так, на всякий случай?

– Вам зачитать полный текст или описать суть?

– Мы все деловые люди, так что давайте кратко и по сути.

– В вас есть хватка. В иной ситуации мы могли бы стать полноправными партнёрами, – он пожал плечами. – Хорошо. Суть в том, что если проклятый не выполняет указанное, то есть не передаёт контроль над своим имуществом мне, то он умирает.

Увидев на моём лице недоверие, Цилиндр закивал головой:

– Да-да, так просто. Поверьте, после смерти вашего отца разговаривать с другими потенциальными партнёрами стало гораздо проще. Все поняли серьёзность ситуации. Так что давайте не будем усугублять – вам ещё жить да жить.

– А вам лечиться и лечиться, – с каким-то невероятным облегчением ответил я, не глядя на алое лицо собеседника. Мне стало весело. – Я подозревал, что вы шарлатан, но чтобы настолько.

Я действительно засмеялся, выпуская стресс. Напряжение от разговора, от окружения мордоворотами, а не выдуман-ными коллекторами, исчезло, оставив смешинку.

– Мальчики, вправьте ему мозги, – сухо попросил мужчина и я чуть не пропустил первый удар. Эх, нарвался!

Вышедший вперёд парень встал в боксёрскую стойку и начал быстро наносить удары. Мне оставалось лишь разрывать

дистанцию. Не дать себя окружить остальным.

– Закройте выход! – скомандовал сектант и, взвизгнув по крышкам, вперёд полетел лимузин. Он пронёсся мимо меня, развернулся на девяносто градусов, и оставляя следы на асфальте, заблокировал выход на улицу.

– Мне показалось, что вы договороспособны, а не это вот всё, – качая головой приблизился человек в смокинге. – Оказывается вы обычный крысёныш, переполненный гормонами, с которым говорить не о чём. Даже мозги ещё не выросли.

– Ребят, а ведь вас он тоже считает тупыми, – крикнул я свите. – Поэтому и использует втёмную.

Может быть, если бы у меня было время, возможность поговорить с каждым из них, то у меня появился бы мелкий шанс их переубедить. Но не на улице, когда они собрались группой меня бить. Даже водитель вышел из лимузина, чтобы размяться за мой счёт.

Что ж, битва была эпичной. Раза три мне удалось уклониться, два – поставить блок. Разок-другой я саданул кулаками по надвигающимся на меня людям, сбил с одного парня капюшон и успел убедиться, что пацану лет семнадцать, не больше. А дальше меня весело повалили и принялись пинать.

– Лицо не трогайте, ему ещё документы подписывать, – прокомментировал Цилиндр сильный удар по моему затылку. – Могут возникнуть ненужные вопросы.

Проклятье. Неужели он просто избил отца и тот от увечий впал в кому? Развить мысль и провести анализ не удавалось – приходилось прикрывать голову и иногда пытаться ногами отбиваться. За что меня пинали по этим самым ногам ещё сильнее. Вновь закровоточила рана на плече, искры из глаз сыпались не переставая.

– Может ты уже соберёшься? – прожужжало справа.

– Такими темпами от тебя останется отбивная и нужно будет лишь посолить, – прокомментировали слева.

Умники из невидимого мира. Весь день молчали, а тут решились поговорить. Чего-то требуют. Отвалите все уже от меня.

– Сновидец, сделай уже что-нибудь! – рывкнула муха справа.

– Да что вы предлагаете? – выкрикнул я и с удивлением обнаружил, что удары прекратились.

Цилиндр поднял руку и его бойцы отступили. Всего на шаг.

– Кажется у крысёныша начали появляться мозги. Это радует. – Цилиндр присел рядом на корточки и голосом любимого дядюшки заговорил: – Всё просто. Ты пускаешь моих людей внутрь, мы обеспечиваем безопасность машине. Твои работники тихо выходят и молчат о произошедшем.

– Машиной могут управлять только мастера снов... – просипел я, чувствуя, как по подбородку течёт кровь. Один зуб явно шатался.

– О, об этом не переживай, проблема имеет решение, – добродушно похлопал он меня по плечу, брезгливо вытер пальцы о мою куртку, обнаружив на пальцах кровь. – Дальше мы отправляемся в регистр собственности и ты переписываешь имущество на тех, кого я тебе укажу.

– Документы-то на отца, ещё не переделаны... – попытался найти лазейку в его мыслях я, пока в голову возвращалась ясность, а в груди закипал гнев.

– У вас мастеров свои правила. Вы – особая юридическая группа, стратегическая важность. Стоит одному умереть, как автоматически имущество переходит старшему наследнику. Так что тут всё просто, мальчик.

– А дальше?

– А дальше, – он задумчиво пожевал губами, смотря вдаль. – Дальше ты живёшь своей бесполезной жизнью. Может устроишься на работу к более успешным и уверенным в себе мастерам, может уедешь из города, чтобы никто не напоминало тебе о прошлом. Каждый выбирает свой путь.

Он встал, дал знак рукой. Меня подняли с земли, слегка отряхнули, стёрли кровь с лица. Повели, придерживая, обратно к лавке. Я чувствовал, как заплыл глаз и как нестерпимо жжёт плечо. Даже слышал хлопанье влажной ткани. А также то, как шепчут одновременно с двух сторон мои мушиные голоса.

В дверях я достал ключ, открыл замок. Вошёл внутрь, почти упал на стойку. Выдохнул, чувствуя как кружится голо-

ва, но не чувствуя того, что мне нужно было.

– Доставайте телефоны, – проскрипел я.

Пацаны схватили меня за руки, один занёс кулак, скривив свирепую рожу. Правда в свои пятнадцать это выглядело скорее забавно, чем страшно. Почему-то он больше походил на приличного школьника, чем на уличного бойца.

Я медленно повернул голову к Цилиндру:

– Ваши люди вообще ничего не соображают в машинах, да?

На меня зашипели, но главарь их остановил:

– Сдать.

Все молча положили трубки в коробку, что я с трудом достал из стойки. Один остался сторожить вход, остальные повели меня вперёд. Судя по тому, как они потянулись к двери Валентины Павловны, на местности они вообще не ориентировались.

– Не надо, я сам, – хрипло остановил нарушителей и заглянул в кабинет.

Пакхус недовольно оторвала взгляд от бумаг и спросила:

– Ну что, писатели будут платить?

– Этот вопрос обсудим чуть позже. Найдите Нестора, Михаила и выйдите на улицу.

Она вопросительно изогнула бровь, но тут из-за моего плеча выглянул пацан и показал ей кулак.

– Невоспитанные мальчишки, – покачала она головой, но всё же встала, накинула пальто, взяла сумочку и вышла, при-

жимая папку с последними отчётами.

Проходя мимо меня она шепнула:

– Как вы хотели?

И гордо прошла дальше. Через три минуты под бурчание Нестора все трое моих работников покинули помещение, злобно зыркая на рейдеров. Лишь Цилиндр улыбался:

– И прошу вас не распространяться о произошедшем, иначе могут случиться непреднамеренные несчастные случаи.

Наконец за ними закрыли двери, а меня повели вперёд. Двое пацанов заглянули на склад, ещё двое – остались у зеленоватой железной двери. Мы же с Цилиндром зашли внутрь.

Каждый из нас почувствовал, как перехватывает дыхание. Цилиндр почти сразу начал материться, не стесняясь в выражениях вообще. Портовый грузчик на его фоне бы просто покраснел и уволился по собственному. Он костерил меня, отца, мастеров сна и их матерей за то, что они даже по-настоящему ценные вещи не могут сохранить.

Я же задыхался от того, что чувствовал. Силу, которая окружала Бурю и ту, которую могут воспринимать только мастера снов. И сейчас я понял всё то жужжание, что сопровождало меня на протяжении последних минут.

Взяв Цилиндра за руку, я повернул его к себе. Тот только собрался на меня закричать, резко вдохнул, но застыл, словно увидел саму Смерть.

Я же, поморщившись от боли, пожал плечами и отправил

его на встречу с его собственными самыми глубокими кошмарами.

Глава 13

Обучение мастера сновидца – то ещё развлечение. Как наследник семейства, как ученик специализированной школы и колледжа, я ни разу не видел ни одного адекватного учебника, охватывающего все вопросы, связанные с созданием и печатью снов. Мало того, некоторые области вообще не подчинялись правилам и обходились без учебников.

Да, можно было найти пособие по технической наладке, по ремонту конвейерной ленты и даже главного колеса. Да, можно было заглянуть к юристам и узнать про особенности составления сделок души – для этого даже существовали отдельные факультеты, узнающие, в том числе экспериментально, как проводить сделки разного уровня: от полного слияния мастера и машины до малой, требуемой для постоянного обслуживания и сверхмалой для разового визита.

Однако узнать о том, как именно стать мастером снов, как начать общаться с машиной напрямую, управлять ею и создавать новые сны не писал никто. Как и о том, как же использовать навыки узких специалистов, не являясь ими. Не говоря о том, чтобы вспоминать те знания, которые были утеряны во мраке веков.

– Ты уверен, что ты готов продолжать?

Абрафо держал в руках пачку льда и, вытаращив глаза, наблюдал, как по моему лицу расползаются синяки. Я чув-

ствовал их огромными горячими шарами, что засунули мне под кожу. В отражении небольшого зеркальца, что я нашёл в столе отца, я с трудом разглядел собственные глаза – настолько густой сеткой лопнувших сосудов покрылись они.

– Сколько времени? – спросил я. Дыхание ещё полностью не восстановилось и говорить было физически тяжело. Руки дрожали. Хорошо хоть свежая повязка остановила кровь в плече – осмотр показал, что открылась лишь небольшая ранка, но от стресса струила так, что демоны не приведи.

– Два. Даже пять минут третьего. – ответил Аб и дал мне ещё один кусок льда. От первого осталось лишь тёплое влажное пятно на ладони и рукаве рубашки.

– Кто-то пришёл?

– Когда я заходил, помимо пяти машин полиции и двух скорых, оцепления и ярких бликов мигалки, я видел как твоя завсклада мило общалась с двумя парнями и девушкой. Предположу, что как минимум двое из них инженеры, – отчитался он. – Но всё же надеюсь, что ты перенесёшь встречу. Хотя бы на завтра.

– Гостей уже вывезли? – проигнорировав его предложение спросил я. Когда он кивнул, я закончил: – Тогда пошли встречать. Работы много.

Он покачал головой, но промолчал. А что? Я тут хозяин. Оказывается.

Когда я, чуть прихрамывая, вышел на улицу, в скорую помощь клали последнего из нападающих. Лимузин уже пере-

ставили так, чтобы он не загоразивал дорогу. Полицейские следили, чтобы лишние не подходили слишком близко, но по сути в нашем замшелом тупичке лишними были только те, кого сейчас грузили в машины.

Мои работники и троица прибывших на собеседование находились за лентой, рядом с ними на тротуаре сидел и покачивался испуганный Кепка. Дядя Нестор сидел рядом на корточках и пытался его успокоить. Мадам Пакхус и Михаил общались с пришедшими инженерами.

Когда работники меня увидели, они сначала помахали руками, а когда я подошёл поближе, их лица исказились: Пакхус зажала рот руками, Нестор подскочил и побежал ко мне, выкрикивая «Мастер Дементий!», а Михаил просто выпучил глаза.

Широченный Нестор сжал меня в объятьях, а когда я застонал, засуетился и начал причитать.

– Я теперь боюсь, что скажет мать и сёстры, когда меня увидят. Если ты так переживаешь, – просипел я, выдавливая из себя улыбку. Лицо жгло невероятно.

– Что произошло, мастер? – спросил Михаил. Обычно он был крайне молчаливым мужчиной, но сейчас казалось он с трудом сдерживается, чтобы не завалить меня вопросами.

– Надеюсь, у вас такое не каждый день? – спросила девушка и мне она показалась смутно знакомой, но её перебил один из парней:

– А кто там в скорых? Надеюсь не ваши работники?

– Попробую по очереди. – выдохнул я и опёрся на Нестора. Ногам стало ощутимо легче. – Во-первых, что произошло. Попытка рейдерского захвата. Во-вторых, такое не каждый день, а только по пятницам, – я ухмыльнулся и щека дёрнулась в судороге. – В-третьих, выносят тем самых рейдеров.

– А что с ними произошло? – спросила девушка и я попробовал приглядеться к ней, но глаза реально болели и всё было чуть размытым.

– Они не рассчитали свои силы, – ответил за меня Абрафо. Он остался поговорить с полицией и только теперь подошёл. – Дем, офицер зовёт, просит подписать документы.

– Минутку, и мы продолжим. Надеюсь не на улице, а в нашей лавке, – сообщил я и поковылял вслед за другом.

– Ты точно уверен? – попробовал снова Абрафо.

Я промолчал. Я устал. Оказывается магия снов может быть крайне эффективной. Но она так же и затратная. Хоть о чём-то сказки не врут.

Пока меня вели на сделку люди Цилиндра, мои невидимые мухи шептали мне что-то странное. Они говорили о кошмарах, об идеях, о том, что сны приходят не только ночью – они могут оставаться лёгкой пеленой и в бодрствующем человеке. Эта пелена служит защитой, но в то же время и лазейкой для мастеров снов. Лазейкой к Царству Снов и к Царству-за-снами.

Проблема одна: магия, сила мастеров проявляется только

рядом с машинами. Есть относительно небольшой радиус, в котором наша сила работает. Иначе бы мы могли генерировать коробочки снов прямо из воздуха, не вставая с постели.

Представляю: пошёл в туалет, задумался, а тебя оттуда волной свежесозданных снов вынесло. Непрактично.

В нашем случае страдание усилилось за счёт того, что лавку, а точнее фабрику, строили знающие люди, смотрящие куда-то в будущее. В стенах и дверях вокруг Бури была встроена защитная решётка, защищающая машину от внешнего излучения. Она же защищала мир, в частности электронику связи от машины.

Но стоило не закрыть дверь, как радиус её действия сильно вырос. И я смог погрузить в череду кошмаров не только главаря нападающих, которого коснулся напрямую, но и его сподвижников, что стояли по всей лавке.

Я впервые видел как люди проживают неконтролируемый ужас. Они кричали, но из горла не вырывалось ни звука. Они дёргались, махали руками и ногами, но не могли сдвинуться с места. И когда силы покидали их, они просто падали на пол, сначала продолжая корчиться, а затем —скрючивались в позу эмбриона и замирали, иногда поскуливая.

Именно в таком виде их нашли полиция и Абрафо. Пакхус, молодец, сообразила, и вызвала наряд, несмотря на угрозы. А заодно, что удивительно, позвонила Абу. Тот и примчался почти одновременно с полицейскими.

– Я только вышел на обеденный перерыв, – сказал он мне,

поднимая с пола и оттаскивая от потрескивающей и пахнущей озоном Бури. – Что за хрень здесь у вас твориться?

Я кратко рассказал, изменив концовку. Сказал, что машина начала защищаться, что-то делать и люди начали сходить с ума. Отказался от госпитализации. Отказался ещё раз. И только после третьего раза Аб отстал по этому вопросу.

Глядя на его спину, когда он побежал за льдом в магазин на соседней улице, я думал: как так, что во мне проснулись одновременно навыки моего отца и, почему-то, маминной сестры – ведь кошмарами, пусть в лечебных целях, занималась всегда Валенсия Пинч.

Я задал этот вопрос вслух, но ответа не последовала: казалось, что мои мухи испарились в молниях, что плясали вокруг замершего колеса. Единственное, что я сделал перед выходом из производственного зала – открыл крышку «души» и проверил маленькую синюю шестерёнку. Она крутилась в своём спокойном режиме и делала вид, что ничего не произошло.

Пuls машины, который я всё так же чувствовал, оставался спокойным и чуть рваным. Откладывать ремонт нельзя, даже если я не могу стоять на ногах.

Подписав документы для полиции и попросив их снять оцепление, я позвал всех внутрь. Мадам Пакхус раздавала команды и уже через пять минут на прилавке стояли чашки с чаем, тарелка с несколькими печеньями и шоколадками. Последние явно добыли из карманов дяди Нестора. Прита-

щили все имеющиеся стулья, расставили так, чтобы моя команда сидела с одной стороны, а новички – с другой.

– Как вы видите, у нас бывает непросто, – начал я, когда опустели первые чашки. – Но ваша задача, ради которой мы вас пригласили, будет с одной стороны проще, с другой – сложнее.

Я замолчал, давая щеке и губам немного отдохнуть. Парни и девушка смотрели на меня с настороженностью и любопытством одновременно.

– У нашей лавки длинная история. Знаю, что это может сказать любой мастер снов, – добавил я, увидев ухмылки на лицах напротив. – И всё же, моим предкам удавалось создавать уникальные сны, которые до сих пор помогают множеству людей. Однако времена меняются и нужно двигаться дальше. Отпускать прошлое.

Краем глаза я заметил движение, а затем заскрипел стул и Валентина Павловна вышла.

– Это непросто, но всё же необходимо. И чтобы это сделать, мне – нам – нужно разобраться с некоторыми задачами. В частности – тонкая механика.

Стоило мне это сказать, как девушка вскочила и бурые волосы плеснули по плечам:

– Ты! Вы?! – она переводила палец с меня на Абрафо и обратно. – Но почему? Как?

– Что случилось? – нахмурился Аб, не понимая, что происходит. Наверное он принял её за очередного психа.

– Вы уволили меня! – повысила голос она. Шатенка развернулась и устремилась к вешалке. – Нет, больше я на это не попадусь.

– О чём она? – вскочил Аб и пытаюсь достучаться теперь уже до меня.

Я же наконец понял, кто передо мной:

– Рыжая. – Мой голос прозвучал резче, чем я хотел, но девушка замерла, так и не вытащив куртку из-под вещей парней. Девушка автоматически поправила свою рыжую прядь. – Ты вроде хотела заниматься тонкой механикой. За что тебя уволили?

– Вы повесили на меня сломанные распылители! – Она топнула ногой.

– При чём здесь мы? – спросил Аб, ещё не до конца понимая происходящее.

– Вы – сын главы фабрики! А вы – его лучший друг. Понятно, что если вы сломали... – она замолкла, зажимая рот руками – выплеск защитной клятвы я почувствовал покалыванием в груди. – В общем, вы виноваты, но вас не накажут. А вот найти крайнего – это легко! Небось просто пальцем в список ткнули!

Она наконец вытащила куртку и теперь судорожно её натягивала.

– Я никуда не тыкал, – проворчал Аб.

– Уволил вас Оскол, – сказал я и остановил друга движением руки. – Он считал, что вы виноваты и ваше увольнение

позволит избежать проблем. Вы говорите, что не причастны?

Девушка шагнула к двери:

– Меня там даже не было. Я проходила практику по техническому обслуживанию. Идиоты!

Хлопнув дверью она вышла. Почему-то мне стало грустно. Её присутствие как-то скрашивало мои синяки. Но как есть.

– Простите за сцену, – покачал я головой, извиняясь перед оставшимися парнями.

Те сидели выпучив глаза, изучая Абрафо.

– Вы действительно Пинч? – спросил один из них, с тёмными волосами. Кстати, а как их зовут? Я что-то до сих пор не поинтересовался.

– Да, – коротко ответил Аб.

– А у вас случайно нет свободных вакансий? – спросил второй, с коротким ёжиком на голове.

– Вы пришли сюда, а не на нашу фабрику, – саркастично ответил Абрафо.

– Да, верно. Простите, – короткостриженный повернулся ко мне. – Какие условия вы предлагаете? Что нужно будет делать?

– Тонкая механика, – аккуратно напомнил я. – Починить, настроить. По условиям: сначала скажите, какой у вас опыт? А у вас? – уточнил я у второго.

Темноволосый замотал руками:

– Я не, я просто за компанию! Поддержать пришёл! Плюс

у вас тут такой отшиб, – он неловко замолчал, а первый скри-
вился.

– У меня диплом, выпустился этим летом, приехал домой.
Полная практика, – он назвал уважаемое учреждение в со-
седнем крупном городе. – Ищу варианты.

– Возможно уже нашли? – спросил я, но уже без энтузи-
азма. Парень вежливо подтвердил мои опасения.

– Я подумаю. Хочу изучить предложения ваших... кол-
лег. – Он встал и его друг поднялся вместе с ним. – Спасибо
за чай, за приятную атмосферу. – Он обвёл руками лавку. –
Но нам пора.

Мы сухо попрощались, они оделись и вышли, обещая пе-
резвонить. Мы покивали, понимая, что эти точно не вернут-
ся.

– Что будем делать? – спросил Аба, когда мои работники
отправились по домам.

Я заранее перенёс все заказы на завтра, чтобы нам не ме-
шали. Так что делать в Лавке было больше нечего. Оставался
ночевать и сторожить только дядя Нестор.

– Надо немного отдохнуть. Подумать, – глухо ответил
я. Это поражение нанесло мне гораздо более болезненный
удар, нежели все побои компании Цилиндра. Но теперь и они
разболелись с новой силой. – Тебе тоже нужно набраться сил
– у тебя завтра рабочий день на фабрике. Хоть в воскресенье
дадут отдых?

– Дадут, куда денутся, – хмыкнул Аб. – Не зря у отца три

заместителя. Двое из них могут и обеспечить работу части машин.

Я внимательно посмотрел на друга и понял, за прошедшие дни он изменился, словно стал старше. А может даже старше: под глазами появились мешки, улыбка стала не такой задорной, а волосы не такими приглаженными. А ведь он работает всего ничего.

– Хреново выглядишь, – протянул я.

– Кто бы говорил, – в тон мне ответил Аб. – Давай, довезу тебя до дома.

Хотел отказаться, но потом ощутил дрожь в ногах и передумал. Добрались мы до дома минут за десять, я вылез и махнул рукой. Автомобиль укатил. Я достал телефон и позвонил Ирин:

– Мама дома?

– Нет, она уехала гулять с кем-то из подруг. Отдыхает. А что?

– Да ничего. Упал на работе, не хотел её пугать своим видом. – Я стал подниматься по лестнице домой. – Кто сегодня у отца?

– Норна.

– Ясно. – Открыв дверь, я положил трубку и крикнул. – Поесть что-то есть?

– Заходи, – ответила с кухни Ирин. Видимо она так привыкла к роли мамы, что ничуть не возмущалась тем, что проводила пол дня на кухне.

Я быстро принял душ и осмотрел себя в зеркале. Выглядел я хуже гепарда: пятен и пятнышек от кровоподтёков было до демона и больше. Лицо вообще было расписным, хоть из дома не выходи. Вздыхнув, я открыл тюбик с тональным кремом – я уже падал со стенки и на ночных прогулках с Лекс, поэтому научился закрашивать синяки, чтобы не вызывать вопросы днём. Но такого объёма работы у меня ещё не было.

– Думала ты там уснул. Почти всё остыло, – проворчала Ирин, когда я наконец добрался до стола. – Да, красавец.

Она положила мне еды, оглядела со всех сторон. Покачала головой:

– Ты бы взял какой-то лечебный сон. Поможет быстрее зажить.

– Я подумаю, – прочавкал я. Неожиданно проснулся дикий голод. – До сколько Норна у отца?

– До утра. Хочешь сходить к нему?

Я задумался.

– Да, пожалуй.

Через час я оделся в чистый костюм, вызвал такси, доехал до больницы. После выплаты зарплаты сотрудникам оказалось, что что-то причитается и мне. Можно было слегка шикануть и поберечь битые ноги.

Уточнив на месте куда идти, я проковылял в палату. Здесь оказалось просторно и даже уютно. Отец лежал накрытый тёплым одеялом, а не тонкой простынёй. Мерно попискива-

ла аппаратура, свет был выключен почти везде, поэтому я не сразу заметил Норну, которая сидела с ногами в кресле и дремала.

Я постарался не разбудить её, но стоило сделать шаг к кровати, как она встрепенулась, как ворона на ветке и уставилась на меня.

– А, всё-таки пришёл, – сказала она сонным глухим голосом, после чего потянулась. – Ну что ж, пора-пора. Поговори с ним. Врачи говорят это может помочь – даст маяк и выведет из мрака за глазами.

Она натянула кроссовки, прошла мимо, похлопала меня по плечу и вышла. Закрыв за собой дверь, я подошёл к кровати, подтянул кресло и сел рядом.

Лицо отца осунулось и он выглядел ещё старше, чем я видел его в последний раз. Тот мужчина, что мягко улыбался врачам и говорил о подростках, казался далёким и нереальным. Человек из прошлой жизни. Отец дышал медленно, каким-то рывками. Пульс, судя по мониторам, был понижен, а пространство снов – очень плоским, почти несуществующим.

Как сказала Ирин дома, подсаженные сны иногда приживались, иногда нет, но всё равно быстро истончались, словно он ими питался. Но дать больше не получалось. Рассчитывали на новое оборудование, которое почти закончили настраивать – операция планировалась на понедельник.

– Привет, пап. Как твои дела? – тихо сказал я. Он не ше-

лохнулся. – У меня по-разному. Приходится решать кучу проблем. Твои писатели не хотят платить. Хотя зарплату сотрудникам выплатить я всё равно смог. – Я улыбнулся сам себе. – Сегодня, правда, не всё прошло по плану, но я что-нибудь придумаю.

Мне стало жарко, я снял пиджак. Пока клал на спинку кресла, нащупал что-то в кармане. Кусок шестерёнки.

– Смотри, до сих пор не вытащил. – Я покрутил кусочек в руках, разглядывая оранжевый металл. Увидел насечки на боковой стороне в виде схематичного пламени. – Кажется, что это было уже очень давно. И неправда. Хотя как раз из-за этого я сегодня потерял потенциального сотрудника. Да, новыми сотрудниками мне заниматься тоже приходится. Дело в том...

Я замолчал. Даже зная, что отец ничего не слышит и не сможет ответить, мне было сложно это сказать.

– В общем, Буря слегка сломалась, – и оправдываясь я сразу затараторил: – но я уже решаю эту проблему! Всё будет хорошо, я стал лучше понимать, как с ней работать и вообще, её невозможно продать, если она сломана.

Я прикусил язык. Даже сейчас я не готов был ему это говорить. Я глянул в лицо отцу, но оно не изменилось. Я выдохнул.

Зато от двери в палату раздалось:

– Что ты решил с ней сделать?

Глава 14

– Предатель! – Норна не кричала, нет. Она шипела двенадцатью змеями и щёлкала челюстью так, словно ножницами резала мою нить жизни. – Ты понимаешь, что ты хочешь сделать?

– Спасти отца, заработать денег, получить свободу, – я пытался приводить разумные аргументы, но ничего не помогало. От физической расправы и отпевания на месте меня спасало только то, что мы всё ещё находились в палате и не хотели привлечь внимание медперсонала.

– Нет, ты хочешь уничтожить наш род! Нашу семью!

– Да при чём здесь уничтожение? – я вскинул руки, от чего по телу пробежали мурашки, а затем волна боли. – Мы все будем живы, сможем вылечить отца, а дальше я получу долю в компании Пинчей и буду спокойно заниматься своими делами.

– Сновидцы не сдаются! – всё-таки чуть выкрикнула сестра.

– Это говорит та, которая ушла из дома, бросив всех?

Норна замолчала, тяжело дыша. Кажется в таком состоянии я видел её в последний раз как раз тогда, когда она уходила, закинув рюкзак на плечи. Тогда она ещё не носила чёрный цвет.

– Родители так ничего и не сказали, да? – она вдруг успо-

коилась и села на пол прямо у двери.

– Они тяжело переживали твой уход, – сбитый с толку ответил я.

Норна беззвучно засмеялась, а её чёрные волосы заплясали на плечах. Даже в полумраке было видно, что она сняла свои чёрные линзы и смотрела на мир голубыми глазами, которые, как и я, унаследовала от отца.

– Я забываю, что ты был совсем маленький тогда. – Она покачала головой. – Я хотела занять место у машины, стать наследницей. У меня есть контакт с ней, мы доверяем друг другу. Подружка Буря.

Она замолчала, а я подошёл и сел рядом с ней.

– Я сказала об этом матери, та вспыхнула, позвала отца. Тот, как всегда, спокойно объяснил, что наследницей мне не стать. Это невозможно. Только мужчина может перенять машину, как мастер снов. – Она мягко улыбалась. – Зато он предложил быть дизайнером и я согласилась.

– Востребованная позиция, – покивал я.

Она закрыла глаза, тяжело вздохнула.

– Только вот первый же сон, что мы попробовали сделать, вышел кошмарным.

– Кошмаром?

– Почти, – она усмехнулась. – Мне удалось перенять основу тех снов, что делала мама и даже отец, в чём он вообще никогда не был спецом. Сначала казалось, что всё получится и выйдет круто. Но под моими руками сны вдруг начали

плавиться, перерасти во что-то другое. Они словно норовили залезть тебе в голову и там остаться. Мама сказала, что это небезопасно.

– А дальше?

– А дальше я попробовала делать всю работу сама, без присмотра отца, и чуть не угробила Бурю и себя. Когда отец меня откачал, притащил домой, мама так наорала на него, что я вступилась за него. А она припечатала меня.

Она замолкла.

– Что это значит? Она ударила тебя?

– Нет, что ты. Это значит, что я лишилась своих сил. Словно из меня вырвали кусок души.

Я сполз по стенке вниз, лёг на пол. Так тело болело меньше – холодный линолеум остужал раны.

– Было очень больно. Мама так испугалась, начала меня баюкать, обнимать, – в её голосе звучали давно отболевшие слёзы. – Но я приняла решение, что пора уходить. Чтобы не провоцировать. Отец старался меня удержать, говорил, что поможет. Но я знала, что некоторые вещи лучше оставить так как есть.

– До сих пор так думаешь? – спросил я.

Она покачала головой.

– Если бы я осталась. Или хотя бы послушала отца, то сейчас могла бы ему помочь. – Я непонимающе посмотрел на неё. – Я же сказала, что мои сны – цепляются, вползают. У него проблема в том, что стандартные решения у него в го-

лове не задерживаются. А если бы я могла...

Она замолчала, закусив губу, плотно зажмурила глаза, стараясь не выпустить наружу слёзы. Прошептав короткую молитву она успокоилась и продолжила тише:

– А теперь и ты говоришь, что хочешь продать машину. Это значит, что единственное, что его держит здесь – уйдёт. Он обожает свою работу. Работа – и есть его жизнь. Любого мастера снов.

– Но она уже признала меня.

Я сказал это тихо, спокойно и уверенно. Не для того, чтобы спорить. А потому что это факт. А факты нужно знать.

Норна покачала головой:

– Обычно, чтобы подружиться с машиной, нужно проводить с ней рядом много времени, пропитаться её аурой. Она должна привыкнуть к твоим касаниям и тогда, только тогда, она начинает тебе помогать, отвечать на запросы. Да, можно просто использовать её как печатный станок и производить сны по старым лекалам, что делают на фабрике твоего друга. Но это не то, ради чего существуют мастера снов.

– А ради чего мы существуем? – спросил я, глядя перед собой.

– Мы? – Я не ответил ей. – Мастера существуют, чтобы сдерживать хаос, демонов из Царства-за-снами. Улыбайся-улыбайся, они существуют, пусть давно и не доползали до людей. Знаешь почему нельзя делать одни и те же сны?

– Удиви.

– Потому что хаос непостоянен. Он меняется. Можно заткнуть все дыры, но потом мрак изогнётся и найдёт новый путь к душам людей. Обойдёт все старые укрепления.

– Видимо после потери дара ты много времени провела у храмовников. – Я приподнял голову. – Сны – это хорошо и важно. Но здоровому человеку они не обязательны. Проверено.

– Дурак ты. – Норна снова была спокойной и даже флегматичной. – Без снов ты сойдёшь с ума, рано или поздно. А безумный мастер снов – это кошмар, причём не тот, что делает тётя Валенсия. Говорят в древности несколько мастеров не слушали Морфея, спали без снов. А потом через них и их машины в мир проникло зло. Эпидемии унесли жизни тысяч. Люди сами сжигали города, в которых жили, а затем впадали в отчаяние. Остальным мастерам пришлось уничтожить и этих мастеров, и их машины.

– Понятно, – лишь ответил я. Что ещё здесь добавишь?

Мы посидели ещё немного, после чего я кряхтя стал подниматься.

– Пойду домой. Завтра ещё заказы отправлять. Нужно успеть поспать.

– Когда у тебя сделка? – спросила Норна.

– Да каждый день что-то заказывают, – сделал вид, что не понял вопрос.

– Значит ещё не решил. – Сестра кивнула. – Тогда позволь с ней попрощаться. И нет, я никому не скажу. Даже маме.

Она мечтала от неё избавиться с тех пор, как я начала работать со снами. Чтобы уберечь.

– Но ведь это же не Буря, а она лишила тебя дара. Кстати, как ей это удалось? – обратил внимание я на эту странность.

Норна пожала плечами:

– Она до сих пор не знает и не понимает. В тех историях, которые рассказывают храмовники, о таких случаях упоминается раз пять, не больше. Обычно как какой-то ритуал луны или созвездий. В общем, старая муть. Зато вот про дар чувствовать готовые сны, определять, есть ли в них жизнь – прям постоянно. Как-то же надо было убедиться, что товар доехал до места ликвидный. Так что ты лучше подумай о том, как ты сам этому научился. Может сможешь и нас обучить – хороший навык.

Я задумался, накидывая на плечи пиджак. Это явно связано с тем виденьем, мухами и машиной. Но как я научился?

– Да я просто почувствовал. Как пульс, биение сердца.

– Как и описывается в старых текстах. – Кивнула сестра, подходя к креслу и снимая кроссовки. – Только вот этим навыком не владеют как минимум сто лет, а то и больше. Исследователи говорят, что это связано с логистикой и количеством людей – быстро используются сны, быстрые приходят новые и толку от этого навыка нет. Атрофировался.

– Тогда зачем он мне вернулся? – спросил я риторически.

– Может, чтобы не продавал машину? – предположила сестра.

– А может, чтобы распродать неликвид, чтобы хоть как-то свести концы с концами?

– Почему бы не быть двойной пользе?

– Точно не расскажешь про сделку? – серьёзно уточнил я.

– Не расскажу. Хотя повторюсь – мама считает, что давно пора от неё избавиться. Их же род как-то существовал и без машины.

– Разумно, – задумчиво ответил я и подошёл к отцу. – Пока, пап. Пойду. Береги себя.

Я коснулся его темечка ладонью, почувствовал чуть горячую кожу под волосами. И пульс. Только не сердца или сосудов. А тот самый. Пульс машины.

Спокойный, но иногда прерывающийся.

– Что случилось? – подскочила Норна, когда увидела, как я сжимаю кулак и хмурюсь.

Жестом руки останавливаю её. Прислушаться, прочувствовать. Вот эта линия. Музыкальная ритм-секция живого существа. Еле слышная, затаившаяся в дальнем уголке черепа. Пам-пам-пара-пам.

– Эм, можно тебя попросить, э-э-э, – неуверенно начал я, посмотрев одним глазом на сестру.

– Что? — чуть испуганно ответила Норна. – Что с твоими глазами?

– А что с ними? – я на всякий случай их закрыл.

– Они словно светятся... так, ладно. Что сделать?

– Дай свою голову. – я протянул к ней руку с открытой

ладонью.

– ЧТО?

– Потрогать! – дополнил я.

– Ну ладно. Не пугай.

Она подошла совсем близко и я свободной рукой коснулся её головы. Сначала я ничего не почувствовал, только то, как болит голова у меня самого. Коленки подкашивались и я вдруг понял, как же сегодня устал.

Но потом я вдруг услышал. Хотя это громкое слово, в прямом смысле. Я почувствовал лёгкую вибрацию, но не ритм-секции, как у отца, а волну, что идёт по полу, когда в соседнем зале играет симфонический оркестр.

– Оркестр жизни, – прошептал я и усмехнулся собственной пафосности. – Метафоры, блин.

– Ты о чём? – голос Норны зазвучал угрожающе, но я уже отпустил её голову. Пара волосков прилипли к пальцам.

– Так, по работе. – Я мотнул подбородком, стараясь не расплескать боль в своём черепе. – Отец жив.

– Да ладно, а мы не знали, что ты? – она прервала себя, когда я аккуратно сдвинул голову отца двумя руками. – Спешешь с наследством?

– По закону я уже наследник. Мне пояснили, прости. Да что же с тобой? – я пытался нащупать хоть какие-то другие звуки и мотивы внутри головы отца, но ничего не выходило.

Наконец я отстал и открыл глаза.

– Не, показалось, – сказала Норма и показала на меня

пальцем. – Глаза нормальные. Красные, но обычные.

Я обошёл кровать, подошёл к тумбочке и изучил содержимое ловца снов. Три коробочки, стандартные лекарские сны, даже «Шалфей» один. Все закрыты. Я взял первый сон, почувствовал ритм. Он показался мне странным, будто болезненным. Взял второй – чуть лучше, но всё равно как будто сбоит. «Шалфей» оказался самым сильным, но в то же время его пульс наиболее неровным: он то ускорялся, то затихал.

– Что-то не так. Почему эти сны так плохо себя чувствуют? – прошептал я.

– В смысле?

– Пульс. У отца и то он лучше, чем у этих снов.

Я посмотрел даты изготовления – не больше месяца. Новые. А уже такие проблемы. Я продаю сны пятнадцати и более летней давности и они работают сильнее.

– Кажется я понял, почему отец не поправляется, – я вышел из палаты и позвал медсестру.

Дежурная недовольно спросила, что мне нужно и я попросил её принести новый сон, желательно «Шалфей». Она пробурчала, что сейчас ночь и все спят, но видимо в платных палатах не принято отказывать. Через пять минут она принесла новую коробочку – сон оказался в гораздо лучшем состоянии и пульсировал сильно и ровно.

Я поставил его на ловца снов, активировал. Отошёл назад и сел на второе кресло, спрятанное в углу. Стал наблюдать. Шла минута за минутой, но ничего не происходило. Иногда

я касался сна, головы отца, прислушивался к пульсу обоих. Ничего не менялось.

– Всё-таки я ошибся, – покачал я головой, признавая поражение, сжимая темечко отца до боли в пальцах. – Видимо отец действительно сильно болен.

– А ты что думал? – Норна задумчиво смотрела на меня, словно впервые увидела.

– Да так, слишком много совпадений, решил что...

Руку ударило током и затем раздался резкий вздох. Сипение. Судорога.

– Папа! – Норна подскочила к кровати, взяла отца за щеки. – Папа! Что с тобой? Ты слышишь нас?

Он продолжал сипеть, чуть изогнув спину, словно его пронзила острая боль. Я вернул одну руку ему на темечко, а второй сжал плечо. Закрыв глаза, я пытался услышать то, что хотел. Но мне помешал участившийся писк аппаратуры и топот ног за дверью.

– Отойдите! – приказала медсестра. Она оттолкнула меня, проверила датчики. Подбежала к двери, крикнула напарнице: – Вызывай дежурного! Срочно!

Вернувшись назад она приказала:

– Покиньте палату! Быстро!

– Что с ним? – громко спросила Норна. Она уже вскочила в кроссовки и будто приготовилась бежать вслед.

Медсестра сняла с тормоза и покатила кровать прочь. На выходе её встретила напарница и они вдвоём покатали её по

коридору.

– Ждите! – крикнули они нам и скрылись за широкой дверью с надписью «Операционное отделение».

– У них даже отдельный вход есть без необходимости кататься на лифте, – невпопад позавидовал я местному сервису. Нашёл, блин, время.

Сестра схватила меня за плечи, повернула к себе, посмотрела снизу вверх прямо в глаза:

– Что ты натворил?

– Надеюсь, дал отцу шанс. Точнее, второй.

Мы не находили себе места, но я запретил звонить сёстрам и тем более маме. Норна дважды покушалась нарушить запрет, но я отобрал телефон, демонстративно его выключил и отдал назад.

– Ему будет лучше. Поверь.

Она не верила, морщилась, иногда ругалась, но пытаться позвонить перестала. Лишь ходила кругами, иногда останавливалась, чтобы глядеть в стену и беззвучно шевелить губами, видимо молилась. Или думала. Никогда бы не подумал, что она похожа на маму. Но вот здесь и сейчас она вела себя именно так.

Мы промаялись два часа. Моё тело выло и требовало уважительного отношения к себе. Глаза стали видеть хуже, а голова трещала, словно в неё засыпали горох и теперь он там катается, раздражая всю внутреннюю поверхность головы. Синяки на руках и ногах щипались и чесались, а лицо горело

адским огнём.

В какой-то момент от жары и усталости я стёр часть тонального крема с лица и Норна издала звук, похожий на всхлип:

– Ты похож на восставшего мертвеца.

– Ну, ты же сама говорила, что Сновидцы не сдаются, – пошутил я.

Норна нервно заржала и на неё начали шикать медсёстры, что пришли на замену ушедшим.

Ещё через час мы дождались. Отца на каталке отвезли обратно в палату, а к нам подошёл оперирующий дримолог. Он аккуратно снял шапочку, поджал ручки. Норна зло посмотрела на меня. Я проигнорировал её, ожидая слов доктора.

– Состояние вашего отца резко обострилось. Пришлось вмешаться. Сердце, – он пожал плечами. – Не обширный, но всё-таки инфаркт. Кардиологи провели срочную операцию, поставили стент. Повреждения минимальны, но в его состоянии любая такая нагрузка – опасна.

Он переминался, словно думая о том, как сказать дальше:

– Мы попросим вас больше ничего не делать по-своему.

Программа вашего отца согласована консилиумом, все процедуры записываются. Тем более ему в понедельник на операцию. Но теперь – вряд ли, придётся ждать, пока сердце придёт в себя. – Он ещё раз сжал свою шапочку и чуть увереннее добавил: – И всё же: если вы ещё раз вмешаетесь в лечебный процесс, больница будет вынуждена сократить по-

сещения.

Он развернулся и ушёл. Стоило ему скрыться за дверью, как Норна налетела на меня, снова шипя, как двенадцать змей:

– Ты думай, что делаешь! Если нам закроют посещения, мать тебя не простит, будь ты хоть пять раз наследником.

– Пойдём, посмотрим, – ответил я и поплёлся в палату. Норна бурча потянулась за мной.

Внутри на кресле в углу, где я ожидал эффекта от сна, сидела медсестра и зло поглядывала на нас. Ну да, теперь ей не поспать на посту, придётся смотреть за нами-нарушителями спокойствия.

Я не стал никого провоцировать, медленно подошёл к папе с другой стороны, положил руку на голову. Погладил по волосам. Вежливо попрощался с медсестрой, пошёл на выход. Проходя мимо Норны подмигнул и прошептал:

– Всё прошло хорошо.

Теперь в голове отца пульсировала не только ритм секция, но и что-то ещё. Новый инструмент в его симфонии жизни.

Глава 15

А у нас зазвонил телефон.

– Кто говорит?

– Дементий, вы хотя бы для приличия оставили список снов и клиентов, кто за ними приедет. А то некоторые уже грозятся потребовать вернуть деньги, если не получат то, что им причитается. А без документов я не могу выдавать заказы, – на последней фразе голос мадам Пакхус слегка сбился.

– Сколько времени?

– Пол-одиннадцатого. Я понимаю, что у вас вчера был тяжёлый день, но на этот случай как раз-таки и стоило бы оставить какие-то инструкции.

– Минуту, – почти простонал я.

Вчера я с трудом поднялся по лестнице домой и завалился спать прямо в одежде. Сейчас я выглядел немногим лучше, чем наш сосед Кепка, который неизвестно сколько времени провёл на улице. Я отлежал себе руку, ногу, а также заработал новый синяк – кусок шестерёнки в кармане пиджака неудачно упёрся мне в грудь и давил явно несколько часов.

– Проверяйте почту, я скопировал список туда. – Я, разлепив один глаз, отправил информацию. – Скоро буду.

– Вы лучше найдите человека, который сможет делать это независимо от вас – у меня хватает и других забот!

Завсклада положила трубку и, надеюсь, принялась за кли-

ентов. Мне же нужно было сделать что-то с собой. Всё тело болело и встать с кровати я не мог. Силы покинули меня.

– Так, сейчас немного полежу и полегчает! – прикинул я и принялся изучать потолок, чтобы не уснуть.

Только вот в какой-то момент он стал размытым, серым. За мгновение до того, как я снова уснул, надо мной мелькнула тень и тихонько меня позвала:

– Дементий.

Но я повернулся на бок, свернулся калачиком и пробормотал в ответ:

– Потом, мам, надо выспаться.

Нежная рука коснулась моей шеи и я с улыбкой отправился в темноту за глазами.

Проснулся я отдохнувшим. Да, всё ещё битым, но уже соображающим более или менее адекватно. На часах было около часа дня. В мессенджере несколько неотвеченных сообщений.

– Хорошо, что новый запуск только завтра, – пробурчал я сам себе и принялся разруливать ситуацию, отвечая клиентам, стараясь вернуть тех, кто уже отказался.

Также пришлось изучить кучи негативных комментариев под постами, где меня и лавку обвиняли в обмане, срыве сроков, некачественной продукции. По поводу последнего я стал аккуратно уточнять, что именно было не так, но мне отвечали лишь ругательствами. Проверка негативных аккаунтов показала, что они созданы совсем недавно.

– Информационная атака. Куда без них. Значит ты кому-то перешёл дорогу. Хотя, мы знаем кому. Интересно, что рейдеры так быстро оклемались – выглядели посетителями дурдома, а не адекватными противниками, —говорил со мной Абрафо по телефону, пока я ехал в такси.

Счёт мой стремительно пустел из-за этих поездок. А как люди живут на такие доходы?

– Неприятно. Этот момент я как-то не ожидал. Особенно учитывая, что вчера нас чуть не захватили силой.

– Это ты ещё нормально рынок не начал отжимать, – хотнул Аб. – Папа рассказывал, когда их бизнес пришёл в ваш город, их несколько раз чуть не сожгли. Но потом главного поджигателя поймали с поличным и устроили показательный суд. Распяли прилюдно, чтобы больше никто не пытался даже пробовать. В целом сработало.

– Я подумаю над твоим предложением, – нарочито серьёзно ответил я. – Куда отправить чек за консультацию?

– Ха! Ты машину почини и будем квиты. Думаешь я просто так тебе помогаю? – по-деловому ответил мой друг и дал отбой. Ему пора было возвращаться на пост.

Он также сказал, что с инженерами по тонкой механике в городе сейчас туго. Причина этого проста – по сути негде работать. Пинчи захватили рынок и Лавка Сновидца была одним из последних, если не последним, независимым подрядчиком в регионе. При этом мы давно балансировали на грани и наш штатный эксперт полгода назад уехал в другую

страну на заработки.

– Иногда хорошо работающая система наносит не меньше вреда, чем плохо работающая. И снова человеческий фактор, – заметил я философски, скрывая беспокойство. Получалось, что с тонкой механикой придётся попотеть гораздо больше, чем я мог предполагать и надеяться.

Добравшись до лавки, я принял обезболивающее, переговорил с Валентиной Павловной, дал указания Нестору и Михаилу, а сам принялся паковать и передавать посылки. В моменты затишья я думал и делал наброски идей в телефоне.

Михаил несколько раз приходил ко мне в кабинет и отчитывался о состоянии техники в Лавке. Оказалось, что у нас её, несмотря на финансовые проблемы, было предостаточно.

– Многое осталось с прошлого, когда здесь стояло несколько рабочих агрегатов, – пояснял инженер. – Часть оборудования, вроде больших погрузчиков, нужно просто проветривать, чтобы не истлела электроника. Также есть силовые кабели, распределительные щиты и прочая энергетика, без которой работать будет небезопасно. Есть даже своя красота.

Он говорил о «дереве» выложенном из проводов на одной из стен машинного зала. Действительно мило, но сейчас это чисто «музейный» экспонат.

– Продать старую рухлядь можно? – спросил я.

– Можно. Но доставка обойдётся дороже. А сами вывозить заказчики не будут. Ваш отец проверял.

Я хмурился и кивком отпускал Михаила дальше работать.

Под конец рабочей субботы я принял решение и опубликовал небольшое сообщение в Сети на странице «Лавки Сновидца»:

«В связи с растущим спросом на нашу продукцию, мы ищем помощников. Если вы готовы мило принимать клиентов в аутентичной Лавке Сновидца, а также обрабатывать новые заказы, приходите по адресу Летняя улица 5 дробь 7. Обсудим.

P.S. Если у вас на примете есть хороший спец по тонкой механике – тоже зовите».

На складе ещё оставалось четыре сотни коробок снов. При той же скорости покупок их хватит на пару недель. А дальше? А дальше я надеюсь продать машину Абу и его отцу и поехать отдыхать, заживляя раны. Уверен, что Пинчи не дадут всяким уродам вламываться в мой дом.

Затем, потупив немного в Сети, я занялся поиском покупателей на партию снов, что полагалась писателям. Вести дела с этим странным человеком мне совершенно не хотелось. Если дойдёт до суда, опять же, этим буду заниматься не я. Потратив пару часов на поиски в Сети, я нашёл сайт, где компании выставляли оптовые заказы. К сожалению, большинство из них оказались на такие объёмы, которые наша машина могла выдать лишь при полной загрузке в течение месяца. Но мне повезло – нашлась пара более мелких заказчиков. Я записал номера компаний и решил с утра их набрать.

Когда я наконец вышел из Лавки, из-под коробочного домика выглянул Кепка и помахал рукой. Я неловко ответил ему, после чего оглядел улицу. Создавалось ощущение, что её основательно убрали. Уже не было ощущения, что вокруг разруха. Беспорядок, но и всё.

– Нестор, твоя работа? – окрикнул я стоящего в тени здания напротив дядю.

Тень отделилась от стены и пошла ко мне навстречу. Только вот двигалась она слишком быстро и слишком легко. И оказалась заметно меньше Нестора.

«Исчадие! Снова?» – подумал я, делая неловкий шаг назад.

– Привет! – раздался знакомый голос и тень скинула капюшон. – Извини, замёрзла. А там хотя бы ветер не дует.

Передо мной стояла Александра и её синяя чёлка свешивалась на один глаз.

– Что случилось? Ты звал? – раздался сзади голос дяди Нестора, выводя меня из ступора.

– Всё хорошо, я тут разговариваю. – Дядя пожал плечами и пошёл обратно. – И спасибо, что прибрал на улице!

– Это не я, – удивлённо ответил Нестор, после чего подмигнул. – Не буду мешать.

– Кто это? – чуть напряжённо спросила девушка.

– Дядя Нестор. Старый работник отца. А там, – я указал на коробки, – там живёт Кепка. Ты его видела, я думаю. У нас тут необычно.

Я сделал вид, что поверил её версии про холод – скорее всего она испугалась именно странного бездомного у дверей. Глядя на Лекса, чувствовал, как внутри становится тепло.

– Вы по делу? – немного официально спросил я, не зная, как продолжить разговор.

– Да, – кивнула она, сбрасывая оцепенение. – У вас написали, что вам нужны помощники. А у нас закончилась практика.

– Только сразу скажу, что много платить не смогу, – попытался оправдаться я.

Александра остановилась на пороге, посмотрела мне в глаза. Она аккуратно раздвинула мою незастёгнутую куртку и взялась за лацканы пиджака:

– Будем считать, что я возвращаю тебе долг за снаряжение. – Отпустив вспотевшего меня, она открыла дверь и зашла внутрь. – Ого! Я, конечно, смотрела обзор, но вживую здесь ещё красивее!

Она с интересом изучала приёмную, касалась руками прилавка, пыталась дотянуться до огромной люстры.

– Андрею здесь понравится.

Что? Я не произнёс этого вслух, но всё романтическое настроение улетучилось моментально.

– Я не ослышался?

– Прости, я бы с радостью пошла к тебе, – она подошла ближе, закладывая руки за спину. – Но мне уже сделали предложение. По работе. А вот Андрею так не повезло. И

вдруг я вижу ваше объявление. Решила сбегать, пока никто не занял.

Я покачал головой – как считал, что это ненормально, так и считаю. И снова меня она обламывает и так жёстко – становится дурной традицией. Но Лекс уже отвернулась и запрокинула голову:

– Смотрю, там сверху балки перекрытия. Уже пробовал туда залезать? – Она с улыбкой смотрела на потолок, словно видела там что-то прекрасное.

– Нет, не до этого было. – Я тоже задрал голову, изучая пространство. Действительно, туда вполне можно залезть и побегать в снаряге.

– Ну да, много заказов, раз уже решил привлечь помощников, – покивала Александра. – Что ж, расскажи, что и как нужно делать. Я передам брату, как он освободиться.

Я не хотел видеть здесь толстого Андрея, но особого выбора у меня не было. По крайней мере пока что. Плюс, я подумал, что есть надежда, что может хоть так, хоть через брата, смогу получить больше доступа к Пламенной. Поэтому я в общих чертах описал действующую систему: как приходят заказы, как отгружаются, как оформляются. Пока решил, что доступ к профилям в Сети и сообщениям оставлю себе, а помощнику буду передавать только данные заказчиков. Для Александры может сделал бы больше, но пускать Андрея во внутреннюю кухню Лавки я пока не собирался.

Плюс сказал, что необходимо будет заполнять часть от-

чётности.

– И смотри, чтобы не ошибался – мадам Пакхус выест мне мозг, если будут неточности. Бухгалтерия – её прелесть, – предупредил я.

Договорившись, что завтра Андрей придёт вместе с ней и поучится оформлять документы, мы вышли из Лавки. На прощание она коснулась ладонью моей щеки и она словно перестала пульсировать, стала равномерно тёплой. Это было невероятно приятно.

– До встречи, Сновидец, – сказала она на перекрёстке. – Благодаря тебе у него будет два отчёта о практике, как и у меня.

Она хихикнула и быстрым шагом ушла к себе. Бестия синеволодая. Мне не хватало наших прогулок по крышам, даже без обнимашек. Вот подзаживут раны – сразу залезу куда-нибудь на балки крыши. Идею Александра подкинула неплохую, тем более территория моя. Пока моя.

Вечер ушёл на то, чтобы обработать все полученные травмы. Это заняло умопомрачительные два часа и в итоге я был похож на мумию, которую специально заматывали бинтами, чтобы человек не встал после смерти, и не начал проводить кошмары Царства-за-снами.

Затянуть бинт вокруг груди пришлось Ю – она ногами упёрлась в кровать и рванула так словно вытаскивала якорь. Мои рёбра болезненно хрустнули.

– Спасибо, – просипел я, стараясь восстановить дыхание.

– Не за что. Если нужна буду ещё – зови. А я пошла на смену – моя очередь.

Норны дома не было, она умотала в Храм. За несколько лет бродячей жизни она пристрастилась к вере и теперь много времени проводила на службах. Удивительно, что её откуда не выгоняли, хотя она внешне больше походила на адепта демонов, чем Морфея. Но видимо у храмовников дела были настолько плохи, что готовы были принимать кого угодно, лишь бы в храмах не было пусто.

Ирин снова готовила, держа одной рукой телефон. Она то разговаривала по видеосвязи с сыном, который активно лез целоваться, то просматривала семейные фотографии, комментируя некоторые из них для Юлианы, пока та не собралась и не ушла.

Через час после ухода Ю вернулась мама. Она устало скинула сумочку на тумбочку в прихожей, неловко и шумно сбросила с ног туфли, прошла в свою комнату ни с кем не здороваясь. Пятнадцать минут висела тишина, нарушаемая только звоном ложек по кастрюлям.

Затем мама вышла уже в домашнем и я в очередной раз удивился, насколько она красивая. Несмотря на возраст, появившиеся на лице морщины, её фигуре и волосам могли позавидовать и двадцатилетние. Как папа мог даже подумать о том, что пойти на сторону, даже с какой-то молодой и рыжей... В моей голове это не укладывалось от слова совсем.

– Плохо выглядишь, дорогая, – сказала мама Ирин. – Тебе

нужно съездить к сыну.

– А как же вы?

– Нам не три года, мы как-нибудь справимся.

Ирин улыбнулась и не стала спорить. Наверняка она со-
скучилась.

– Как отец?

Я прислушался. Этот вопрос меня волновал. Особенно те-
перь, после ночных событий. Мама не спешила отвечать. От
нетерпения я подошёл поближе к кухне, стараясь ступать ти-
хо.

– А кто там прячется за стенкой? Выходи! – мама под-
ловила меня как в детстве, когда я подслушивал разговоры
старших, играя в шпионов. – Не бойся, демонов здесь нет.

– Иногда демоны скрываются за личиной человека, – при-
храмывая, я зашёл на кухню.

– Ох ты ж! – мама чуть не выронила тарелку, с которой
аккуратно ела очередной кулинарный шедевр Ирин. – Что
случилось, дорогой?

Она бросилась ко мне и стала ощупывать меня. Несколько
раз она зацепила болезненные ссадины и я её остановил:

– Неудачно упал. Бывает. Ты начинала говорить про отца.
Что с ним?

Она нахмурилась:

– Надеюсь это не врачи так тебя? Я понимаю, что ты там
натворил что-то, но всё же избивать...

– Это не врачи! – воскликнул я. – А что они сказали?

– Что полез не туда, – Она упёрла руки в бока. – Что до-
вёл своего отца до инфаркта. Уж на кого-на кого – на тебя
бы не подумала. Норна – да. Юлианна – тоже, несмотря на
ангельские глаза. Но ты?

– А что ещё сказали? – спросил я, пропуская претензию
мимо ушей. Если бы этим дело ограничилось, мне бы уже
наговорили гораздо больше и эмоциональней.

– Они сказали, что пространство сознания в нём расши-
рилось. У него закрепился ещё один сон. И несмотря на то,
что они недовольны тем, что ты вмешался, всё же ты ничего
не менял. По крайней мере они не смогли этого понять. Что
ты сделал?

– Это спрашивают врачи? – я устало сел на стул. Даже есть
не хотелось. Казалось, что начну жевать и челюсть отвалит-
ся.

– Нет, это спрашиваю я. – Мама пристально смотрела на
меня.

– Я дал ему свежий рабочий сон, – пожав плечами, отве-
тил я.

– Ты на что намекаешь? Что его травят плохими снами?

– Вряд ли травят, всё-таки это уголовная статья, а пала-
ты там качественные, – с плохо скрываемой завистью сказал
я. – Но то, что со снами что-то не так – наверняка. Какие-то
они слабые и кривые. Выбрал живой и красивый среди име-
ющихся и процесс сразу пошёл.

– Врачи тебя ненавидят. Они говорят, что ты его почти

убил. Но всё же спас. Операция большая сейчас откладывается.

– Да, из-за сердца. Знаю.

– Что значит из-за сердца? – удивилась Ирен, но мы не обратили на это внимание.

– Нет! Из-за нового сна! Так не должно было быть! Теперь им нужен новый консилиум и новая тактика лечения.

– Надеюсь, это пойдёт всем на благо. – Я аккуратно обнял маму и пошёл в сторону своей комнаты. – Нужно немного поспать. Спасибо, что днём заглянула ко мне.

– Вообще-то меня днём здесь не было.

Я резко остановился.

– Если не ты – то кто это был?

Глава 16

Я ворвался в свою комнату, игнорируя боль в теле и крики семьи на кухне. Меня терзала ярость: кто посмел вломиться в мой дом? Это стало походить на дурную традицию.

– Кто ты? И откуда?

Быстрый осмотр комнаты показал, что ничего не тронуту и вещи, даже дорогой арбалет, на месте. Запер дверь перед носом любопытных сестры и мамы, сказал, что разберусь. Выдохнул, подошёл к окну.

– Исчадие!

Окно было прикрыто, но не закрыто полностью. Чтобы его не отворило ветром, между уплотняющей резинкой и косяком вставили сложенную вдвое бумажку.

Я выглянул в окно, изучил обстановку. Кусты на клумбе внизу были нетронуты, но мою «дорожку», что я сделал для подъёма на крышу, тоже никто не снимал. Скинув пиджак на кровать и нацепив скалолазную куртку и сбрую, я вышел в окно и полез наверх. Ныло всё, что только могло, но я лишь сжал зубы и старался не стонать — не дай бог семейные или соседи услышат. Темнота скрывала меня от постороннего взгляда снизу.

На крыше я включил фонарик и изучил покрытие. Камушки, мох, несколько бычков сигарет, что мы пытались курить с Лекс, но бросили. Бумажка от конфеты. Я подошёл

ближе к краю крыши и осмотрел бортик, покрытый жестяным покрытием. Здесь и нашлась первая улика.

– Совпадения? Не думаю, – зло пробормотал я и вернулся в комнату.

Здесь я уже знал, что именно искать и первым делом обшарил пространство вокруг кровати, заглянул с фонариком в шкаф со снаряжением, изучил стол. Бросилось в глаза, что тетради и ручки лежат немного не так, как я их оставлял. Это всё ещё был беспорядок, но не мой беспорядок!

И вот здесь нашлось второе доказательство.

– Зачем, Лекс? – спросил я сам себя, поднимая синий волосок.

Если на крыше Пламенная могла зацепиться в один из наших совместных вечеров, то здесь, в моей комнате, он просто так оказаться не мог – она никогда не заходила, хотя я пару раз приглашал её на чай. Стеснялась она, боялась помешать. А теперь не постеснялась!

– Ты куда? – спросила мама, когда увидела, что я снова обуваюсь. – Мы не договорили про отца! В больнице возмущены...

– Мама, – остановил я её жестом руки. – Отец пойдёт на поправку. Ему нужны нормальные сны. Думаю я выделю ему парочку со склада семьи. Я не знаю почему, но то, что дают в больнице – полное фуфло. Сны словно больные.

– Откуда... – но она вспомнила сама. Спросила уже с любопытством: – Как это – чувствовать сны?

– Как пульс живого существа, – улыбнулся и сжал губы от боли.

– Что с твоим лицом? – наконец рассмотрела меня мама, как говорится, в полной красе. Видимо крем давно слез.

– Работа, мама, работа. И найди мне техника по тонкой механике. Надёжного.

Я повернулся и вышел из дома. В этот раз я такси брать не стал, дошёл своим ходом. Спешить особо было некуда, все дела начнутся утром. Поэтому я просто дышал и ловил момент отдыха. Кто бы мог подумать, что ходить по земле, а не по крыше, тоже может быть очень приятно?

Через час я добрался до лавки. Меня встретила тень, мерно шагающая от края дороги к краю. Оказалось, что это Кепка нашёл какую-то щётку и мерно подметает улицу. Мусор он собирал в кучу на обочине и потом – в мешки.

– Давно ты так? – обратился я к нему, отчего бездомный подпрыгнул, чуть не уронив кепку с головы. – Прости, не хотел пугать!

Он изучил меня в темноте, я включил телефон и осветил на себя.

– Спасибо, – сказал он и показал руками вокруг себя.

– Ты молодец, стало чище и приятнее! – похвалил его я, словно маленького ребёнка. Тот закивал и пошёл работать дальше, мурлыча себе что-то под нос.

Покачав головой, я открыл дверь лавки, зашёл внутрь.

– Уверен, что хочешь зайти дальше? – раздался рык. Ока-

зывается дядя Нестор действительно не спит ночью.

– Это я, – я скинул рюкзак со снаряжением и чёрную скалолазную куртку, повесил на руку.

– Не спится, мастер? – спросил Нестор, выходя из коридора. Я кивнул. – Весь в отца. Он тоже иногда приходил посреди ночи, сидел у машины, разговаривал с ней. Иногда просто молчал.

– Один? – аккуратно уточнил я.

– Да, к сожалению. Как отношения с вашей матушкой стали натянутыми, так в основном он один здесь и сидел. – Дядя достал из одного из многочисленных карманов батончик, протянул мне. Я не стал отказываться. Потом достал себе. – Грустный такой. Задумчивый. Иногда – злой.

– Злой папа? Сложно представить. О чём думал не говорил?

– Нет, я и не лез. Каких только мыслей у мастера может не быть? А ты чего пришёл?

Мы закрыли дверь, прошли в коридор, встали у входа на склад.

– Надо подумать. Слишком много всего произошло за короткое время.

– Понимаю, – покачал головой дядя Нестор. – Что ж, не буду мешать. Вы теперь капитан, вам и вести этот корабль. А мы, матросы, приказы выполним.

Он потопал к своей лежанке.

– Любые приказы? – тихо спросил я.

– Чего?

– Ничего, отдыхай. Я к Буре! – чуть повысив голос сказал я.

– Куда ещё может идти Сновидец, как не к машине снов? – Нестор хохотнул и скрылся в темноте.

Я же открыл зеленоватую дверь и почувствовал волну силы. В груди словно скрутился приятный тёплый комок и дышать стало легче. Заперев за собой, я подошёл к машине, коснулся рукой механизмов.

Пuls всё ещё был сильным, пусть и чуть рваным. Каждый седьмой-восьмой удар она пропускала.

– Критическое, но стабильное, – процитировал я врачей и уселся рядом, облокотившись спиной о «душу».

На пол и под спину я положил свою куртку, защитившись от холода и задумался: как спросить завтра Александру, что она забыла в моей комнате? На секунду в воображении появилась яркая картинка и по телу прошла возбуждённая дрожь.

– Это было бы, конечно, приятно, но что-то подсказывает, что пришла она не за... хм... не за мной.

Даже несмотря на то, что здесь никого не было, мои щёки загорелись. Фантазия с удовольствием вцепилась в образ Лекс, аккуратно влезающей в окно, с мягкой грацией скидывающей с себя сбрую и остающуюся... да, сразу остающуюся в чём-то прозрачном.

Я постарался отвернуться, чтобы не видеть этой соблаз-

няющей картинке, но почувствовал горячее дыхание на своей щеке:

– Демон, почему ты молчишь?

Я повернулся. Лекс стояла совсем близко и её губы были напротив моих. Синяя чёлка закрывала один глаз, а второй смотрел внимательно, словно пытаясь что-то увидеть во мне. Понимание, что это сон не спасало от накрывшего возбуждения, помноженного на стеснении и стыд.

Лекс, не дождавшись моего ответа, выпрямилась и моя голова оказалась на уровне её обнажённого подтянутого животика. Я старался не шевелиться и не сводил взгляда с пупка, чтобы не дай бог не посмотреть ниже. Но тёмная линия на краю зрения заставила меня дёрнуть головой и я увидел небольшие, очень красивые полупрозрачные чёрные трусики, аккуратно обжимающие её бедра и то... то самое.

Её рука коснулась моего подбородка, мягко подняла голову наверх:

– Нам нужно поговорить, Дементий.

Она смотрела серьёзно, но я не мог сосредоточиться на её лице. Небольшая подтянутая грудь в чёрном, таком же полупрозрачном лифчике, притягивала меня, заставляя сглатывать. Александра нахмурилась, а потом словно поняв, широко улыбнулась. Её рука скользнула по моему лицу, мягко прошла по волосам, за которые она мягко, но сильно вцепилась пальчиками, потянула к себе, приближая моё лицо к своему... к своим...

Я зажмурился и схватился руками за её бёдра, подтянул к себе. Хоть во сне. Хоть так!

– Да, – простонала она так, словно уже случилось то, что показывают в тех самых видео. Я же почувствовал, как растекаюсь, в прямом и переносном смысле и слабость накрывает меня с головой.

Прекрасная, всеобъемлющая, сладкая слабость.

– Оригинальный способ, – пророкотал голос, сбивая весь настрой.

Я резко открыл глаза, сжался и резко огляделся. Ни Лекс, ни машины, ничего вокруг не было. Я осмотрел себя – одежда на месте, что радовало. Почему-то я первым делом подумал, что попал сюда голым.

– Попал, попал, да только успел вернуть себе приличный вид, прежде, чем сам успел сообразить, – в рокоте слышался лёгкий смешок. Только вместо стыда меня накрыла ярость.

– Что ты такое? И какого демона ты лезешь в мою жизнь? Почему все лезут в мою жизнь?

– Потому что ты встал на Путь, Сновидец. После долгого отлынивания, между прочим.

Только сейчас я понял, что вокруг меня не непроглядная темнота. Сумерки, почти ночь, но я вижу что-то: себя и свою одежду; синие глаза, висящие в пустоте; высокий, мне по грудь, прямоугольный каменный блок, стоящий узкой гранью вверх. Этакий пьедестал для памятника, но без памят-

ника.

– Что это за место? – наконец спросил я уже спокойно. – И где мухи?

– Твои помощники отдыхают. Ты знатно попользовался их способностями, защищая машину.

– Кошмары, что я наслал – их рук дело?

– Твоих, Сновидец. Но пока ты не вернулся на Путь полностью, часть сил проводить могут только они.

– Интересно. – Я подошёл поближе к каменному блоку и глазам. Те горели ровно, как в мультяшной анимации. Но я не дал сбить себя с толку. – Так где? И кто вы?

В этом месте я не чувствовал боли, мои синяки пропали. Этот зал, – а вокруг было много пространства и только чуть вдали были заметны чуть более светлые линии колон, – явно не находился в реальности.

– Это сон, – утвердительно сказал я. – А ты – часть дизайна, что запрограммировали мои отец и мать. Видимо машина проецирует на меня последний из напечатанных снов. Интересно.

– Твоё предположение и верно, и неверно одновременно, – ответил рокот и глаза облетели постамент. – Это сон. Но попасть в него могут далеко не все.

– Видимо только наследники великих империй и избранные, как в фильмах? – со смехом спросил я, понимая, что сон несёт пафосную чушь.

– Не знаю, что значит «фильмы», но ты снова отчасти

прав, Сновидец. Твои мозги даже спустя века отшибло не до конца, несмотря на юную форму. Это место для наследников.

– Наследников? – я тут уже засмеялся в голос. Рокот меня больше не пугал – я контролировал сон. – Что-то я никого вокруг не вижу.

– В этом и проблема, Сновидец. Вы все вдруг пропали. А затем – вернулся, но только ты.

– Что значит пропали? Да и кто ты, наконец?

– Я тот, кто дал тебе твои силы, Сновидец.

– Легендарный Морфей, что ли? Моя сестра Норна с радостью познакомилась бы с вами, – я с ухмылкой поклонился.

Глаза потемнели, но ответили очень тихо:

– К сожалению я не Морфей. И пропали все, кто мог к нему вывести. Кроме тебя. А ты при этом угробил машину! – от его рыка подуло ветром и волосы на голове затрепетали. Хм, этого я во сне не просил.

– Я не гробил, она сама так устроила. И пульс у неё плохой. Но скоро починю и продам Абрафо – пусть он занимается всей этой галиматьёй: ремонтами, содержанием, рейдерами. А я могу подрабатывать тестировщиком снов и заработать дополнительное состояние. А то что-то многовато плохих слабых снов вокруг.

– Плохие сны, говоришь? – задумчиво протянул рокот и глаза ещё разок облетели постамент, словно в задумчивости

обходили его по кругу. – Может быть это и причина. Тогда ты почему здесь?

– Да я просто не смотрю сны в последнее время. Мне хватает темноты за глазами, чтобы нормально себя чувствовать.

– Идиот, – протянул рокот и закатил глаза.

– Эй, сон, я против того, чтобы меня оскорбляли! И вообще не знал, что машина может погружать в сны без желания хозяина. – Но подумав мгновение, дополнил, – Хотя, если она умеет их генерировать, затем печатать, то явно может передать их напрямую. Пусть это нестандартный способ.

– Тогда поясни, умник, почему тебе машина показывает, как ты говоришь, последний произведённый сон, а твоим друзьям, что решили силой поработать над твоим будущим – показала нечто другое? То, от чего тебя самого несколько раз вывернуло. Хм?

На мгновение замутило, когда я вспомнил, какие вещи пугали рейдеров: одного жевал монстр, похожий на его мать; другого насильовали из раза в раз и он ничего не мог с этим поделаться; а Цилиндр? Кто бы мог подумать, что его страх не просто существует, но ещё и настолько мерзкий.

– Вижу, что воспоминания тебе очень понравились. А теперь прими – ты решаешь, что люди видят ночью. В каком направлении будут двигаться их образы. А вот что будешь видеть ты решает машина. И немного я.

– И что машина хочет сказать этим? – Зал вокруг оставался тёмным, пустым и немного заброшенным.

– Пора вернуться на Путь. Иначе вам, людишки, хана.

– Что за Путь?

– А почему про хана не спросишь?

– Думаю здесь всё просто: они не будут видеть сны, сойдут с ума, попадут в Царство-за-снами и человечеству крышка.

Угадал?

– Да, – хмуро ответил рокот.

– Тогда остаётся понять, что такое Путь.

В зале повисла тишина. Глаза становились то ярче, то тусклее, словно тоже пульсировали. Я спонтанно потянулся к ним пытаясь прочувствовать биение жизни.

– Что за? – сказали одновременно я и глаза.

– Когда ты этому научился? – спросил сущность, у которого пульс походил на нестройный ритм из множества сердец.

– Почему тебя так много? И почему оно такое... слабое? Ты тоже умираешь? – я уставился на висящие в воздухе глаза. Те смотрели настороженно.

– Обычно «биение жизни» изучают опытные мастера, но чувствуют лишь свои сны. Иногда могут оценить другие. Но чтобы человек мог оценить биение живого существа? Немыслимо!

– А ещё я в голове отца нашёл ритм, и сном, маминым «Шалфеем», добавил другую музыкальную партию, – хвастливо добавил я.

– Что?

– Только сердце забарахлило, пришлось на операцию везти. Но уверен, что всё будет в порядке. – Меня наполняла уверенность человека, контролирующего не только сон, но и реальную жизнь.

– Демоны и Исчадия! – рокот заглушил все мои мысли. – Ты проверил ЧЕЙ это пульс? Ты уверен, что не привёл в его душу демонов?

– Да какие демоны, о чём ты? Я просто расширил у отца пространство снов.

– Он расширил пространство снов у умирающего мастера, который за свою жизнь не смог пробиться в зону наследников! Да ты понимаешь, что ты возможно УЖЕ запустил конец вашего мира?!!!

Эхо пеленой повисло в зале и очень долго затихало вдалеке. Мне стало неуютно – сон перестал радовать. Пора было просыпаться.

– Знаете, судя по всему здесь мне не рады. Значит мне пора. Где здесь была дверь на выход? – я зажмурился и представил нужное мне направление: в реальный мир. Осознанные сны требуют выполнения своих правил.

– Ты останешься здесь, пока я не пойму, есть ли куда возвращаться. Иначе всё то, что мы строили с вашими предками тысячи лет пойдёт демонам под хвост.

– Кстати, а кто ещё должен быть здесь? Ты сказал, что я не один должен быть, но все остальные также пропали со связи, сколько там? Сто лет назад? Меня тогда, правда, не было, но

к чёрту детали, верно?

– Детали играют самую большую роль, Сновидец. К сожалению, отсюда не видно, что происходит в вашей реальности. Все старые окна закрыты или разрушены. Придётся тебя выпустить отсюда. На разведку. А потом принимать решение: запускать запасной план или нет.

– Запасной план?

Рокот промолчал, а глаза выглядели так, будто их невидимый владелец прислушивается, что происходит по сторонам. Это было даже мило. Если бы мне удалось проснуться, но пока это не получалось от слова совсем. Даже щипок не помог.

– Не нравится мне всё это. Как бы Морфей не проснулся, – глаза задвигались так, будто невидимый владелец покачал головой. – Слушай, Сновидец. Отдохни, побудь рядом с машиной. Твои помощники смогут вернуться. Плюс, рядом с машиной ты будешь не беззащитен. Сможешь дать отпор. А потом я пойму, что происходит и подскажу, как быть дальше. Понятно?

Я пожал плечами:

– Починю, посмотрю, продам машину и уеду в горы. Там меня никто не достанет.

– ОНИ достанут даже в горах. Особенно, если ты сойдёшь с Пути.

– Так что такое Путь?!

– Если ты не хочешь слышать про Царство-за-снами, то

пусть будет так: это дорожка, которая может быть не принесёт тебе радости, но даст возможность выжить тогда, когда твои ноги отгрызут взбесившиеся соседи.

Глава 17

– Какие соседи будут грызть мне ноги? – спросил я, да только машина отвечать, по крайней мере словами, не умеет.

Я смотрел на балки и крышу своей Лавки, наблюдая, как бледный серый свет сонно заползает через окна. Глянул на часы, обычные, механические – семь утра. Что ж, самое время вставать.

– Сновидец, не спеши. Нужно поговорить, – прожужжало справа.

– Всё серьёзно, Сновидец, – дополнило слева.

Я сел и прислонился к машине спиной. Ладно, нужно признать, что эти голоса связаны не только с машиной, но и с теми глазами.

– Где пропадали? – сделал я вид, что не слышал версии во сне. – Я уже начал думать, что моя кукуха встала на место.

– Ты почти испепелил нас. – В их голосах не прозвучало обиды или претензии. Констатация факта. – Нужно было время, чтобы восстановиться.

– Раз вернулись, расскажите, что это было. И чего мне ждать от вас ещё?

Я помнил, как они шептали мне, рассказывая, что я должен сделать, чтобы победить захватчиков. Что нужно представить дверь в сознание людей и со всей силы её распахнуть, а уж оттуда ползут не только их мысли и мечты, но и самые

страшные, запертые на самом дне подсознания кошмары.

Терять мне особо уже было нечего, побитым и один против отряда я ничего сделать не смог, даже попытавшись. А мухи, пусть и подтрунивали, но давали надежду. Тем более я говорил, что хотел заполучить нормальную магию? Вот, за-получил.

– От нас вы можете ждать советов и наблюдений, Сновидец. Влиять на ваш мир мы практически не можем, в отличие от вас.

– Как починить тонкую механику? – прервал я жужжащие голоса.

– Сновидец, не тупите, – сказал голос слева.

– На ВАШ мир мы влиять не можем, повторяем, – почти спокойно дополнил справа. – Мы можем подсказать по Царству снов. По каким-то умениям, которые вам доступны.

– Если я правильно понял вашего начальника, то если я не починю машину, ваши рассказы мне не понадобятся.

– Верно, – ответили хором.

– Хорошо, тогда ещё вопрос: те способности, которые у меня уже есть, например, чувствовать сны, они останутся со мной, если я продам машину другому мастеру?

Вокруг повисла тишина, словно к их ответу прислушивался не только я, но и Буря за моей спиной. А они не спешили. У меня даже сердце забило от напряжения, ведь я уже прикинул, что мой навык прокормит меня даже если дивиденды от Пинчей будут небольшими. Наконец они наруши-

ли тишину:

– Некоторые ваши навыки останутся, – аккуратно начали они. Убедившись, что я не перебиваю, продолжил тот, что справа. – Вы сможете также управлять машинами, как сейчас, печатать готовые сны. Вы сможете чинить их, если получите соответствующее обучение.

Он замолчал.

– Я пока слышу только про то, что и так было известно – навыки, которыми пользуются мастера, даже когда потеряли машины поколения назад. Что касается моих новых? – меня начала накрывать злость.

– Вы потеряете умение защищаться, поскольку боевые режимы – это не ваша специализация, – жужжание стало тише. – Также вы потеряете доступ к Пути.

– Да пофиг на него! Что с проверкой снов?! – да что они заладили про какой-то путь. Ещё бы рюкзак выдали и билет на самолёт с серебристым крылом!

– Этот навык останется. Но он не будет иметь смысла, – агрессивно прорычал, а не прожужжал тот, что слева. – Почему ты такой болван?

Нас прервал металлический стук в дверь.

– Мастер Сновидец! Просыпайтесь. Чаю хотите?

Мой желудок издал просящие звуки и ничего не оставалось, как подчиниться природе:

– Да! Скоро буду.

Дядя Нестор стукнул в дверь один раз, принимая ответ, и

ушёл. Мне же нужно было закончить разговор, прежде, чем погрузиться в рутину бизнеса:

– В больнице большинство снов – барахло. А качественный сразу помог моему отцу. Если я смогу отбирать те, что работают, то смогу быстро заработать хоть на новую машину, хоть на вечную свободу.

– Сновидец, – примиряюще ответил тот, что справа. – Пойми, судя по тому, что мы видим и чувствуем, скоро нормальных снов не останется. Нечего будет проверять – они все будут неисправны.

– Чушь! – Резко встал я. – Вот у меня на складе сны лежали минимум пятнадцать лет и ничего с ним не случилось. А у Пинчей целая фабрика и новые машины, которые производят продукцию в две-три смены. Если бы всё было плохо, то его тут же завалили исками и разборками. А то и поббили бы, как меня, – я усмехнулся и почувствовал, что синяки на лице подзажили. Чуть позже я увидел в зеркале, что они стали жёлтыми.

– У вас целая машина. Пока что, – ответили мне голоса.

Когда же я вышел из производственного помещения, они затихли. Видимо им, как и мне, необходимо было отдыхать. Либо машина служила проводником – ведь только рядом с Бурей я как-то раз видел их реальные силуэты.

Дядя Нестор сделал простецкий завтрак. У него за стойками полка оказалась небольшая газовая плита, на которой он сготовил яичницу, а также электрический чайник и мик-

рохолодильник. Закинув в чашку с отбитой ручкой две больших ложки растворимого кофе, он залил его крутым кипятком и вдохнул резковатый аромат.

– Дядя Нестор, – обратился я, с удовольствием жуя яичницу. – А ты что реально здесь всё время живешь? Или это чисто по работе?

Нестор посмотрел на меня из-под косматых бровей, почесал голову там, где не было клока волос.

– Мой дом – здесь. Ужа давно. Ваш отец меня приютил, дал работу, условия. Даже в отпуск выгонял иногда, чтобы я проветрился. Но я всегда возвращался. Здесь спокойно.

Он говорил задумчиво, по-стариковски. Кстати, а сколько ему лет? Никогда не задавался этим вопросом. Надо заглянуть в документы.

– Я почему спрашиваю, – старался говорить спокойно.

Он посмотрел на меня, нахмурился. Я и сбился.

– Почему? – спросил он.

– Да так, ничего, – неловко закончил я.

Сначала починить всё, а потом уже думать, что делать с остальными.

С восьми мы начали работать. Пошли клиенты, доставщики, новые заказы. Я отписал компаниям, что искали мелкий опт. Уже через два часа к нам примчался синий фургон, и водитель с выпученными глазами влетел в лавку:

– Лавка Сновидца – это здесь?

– Да, вон надпись на входе.

– Мне сказали забрать всё, что у вас есть! – он вытащил какие-то документы, кошелёк. – Готовы платить наличными и переводом. Но нужно быстро!

Мы начали переговоры и спустя час водитель, Нестор и я грузили коробки в синий фургон. Я отдавал только партию писателей – антикварные сны мы продавали по гораздо более высокой цене. Когда всё оказалось погружено, я, вытирая пот, спросил:

– А почему такая спешка?

– Наш начальник, вы ему сегодня звонили, как положил трубку, так сразу начал орать: «хватайте машину! Летите!» Его жена получила в подарок на день рождения сон от вашей лавки, так у неё головные боли прошли! А она мучилась несколько месяцев, начальник от её закидонов сам чуть с ума не сошёл. А тут от «Спокойного моря» полегчало. Вот он и сказал, что нужно брать сны, которые будут работать.

Он сел за руль, пожал мне руку через окно и спросил:

– Когда будет следующая партия? Мы готовы разместить предзаказ.

– Эм, сейчас у нас профилактика. Не хочу называть конкретные сроки, чтобы никого не подвести.

– Понял! Но начальство велело звонить первым делом, как появится!

– Спасибо, мне очень приятно. Стойте! – сказал я. – Подождите минутку, сейчас вернусь.

Я убежал в лавку, на склад, схватил пару снов с полки.

Выбежал на улицу.

– Возьмите, в подарок! – протянул я «Шалфей» водителю. – За счёт компании.

Мужик с радостью улыбнулся и потянулся к коробочкам, но одна выскользнула из рук, упала и раскрылась.

– Демоны! Простите меня неловкого, – мужик выглядел очень расстроенным и чесал затылок. – Товар пропал?

Я пристально глянул на коробочку. Пульс был, но еле-еле чувствовался.

– Давайте я вам другую принесу.

– Не надо, спасибо, – совсем застенчившись сказал водитель и, попрощавшись, уехал.

Я поднял еле живой сон и пошёл в лавку. Встал у входа, изучил порядок на улице. Казалось, что Кепка за свои ночные дежурства вымел всю, от тупика до перекрёстка. Я постучал по картонной крыше:

– Не помешаю?

Кепка выглянул, поправил козырёк и улыбнулся. Его глаза, серые и пустые, как у контуженного, смотрели на меня и сквозь меня одновременно.

– Понимаю, что ты сны не покупаешь, но вдруг готов взять такой, чуть ослабленный? – предложил я.

Кепка не веря своим глазам посмотрел на сон и очень аккуратно, пальцами, коснулся коробочки. Я отпустил её, и мужчина с восторгом изучил подарок, после чего кивнул в сторону домика, мол, «могу пойти?»

– Конечно, отдыхай. Спасибо тебе за помощь!

Он, как мартышка, которая получила банан и метнулась подальше от сородичей его есть, скрылся в домике.

Пока мы с Пакхус закрывали долги по электричеству и прикидывали, что нужно по деталям, подошла Александра с Андреем. Белобрысый брат Лекс тяжело дышал – видимо они шли пешком. Лекс мило улыбалась, легко скинула куртку и повесила на вешалку, открывая вид на значительное декорльте

На секунду я вспомнил свой сон, от чего меня бросило в жар. Мне показалось, что Лекс увидела мою растерянность и облизнула губы. Но тут меня отвлёк Андрей:

– Привет, Дементий! Спасибо, что разрешил попробовать.

Андрей всегда басил. Тот редкий случай, когда размер тела соответствовал размеру голоса: сильному и глубокому. Поэтому всегда было вдвойне весело слушать, как он своим басом обсуждает коллекционные фигурки или технические особенности датчиков на машине снов. Задрот, гик – что с него взять.

– Спасибо, что решил помочь. Нам сейчас любая помощь пригодится, —стараясь быть вежливым поприветствовал я. – Сразу скажу, что к машине я тебя не пущу.

– Понимаю. – Кивнул Андрей. – Даже удивлён, что ты согласился с предложением сестры. Я был уверен, что ты... вы, всё-таки начальство, – мило улыбнулся Андрей. – Был уве-

рен, что после ТОГО случая не подпустите меня к себе. Тем более на собственной фабрике.

– Думаешь, что это случилось всё-таки из-за тебя? – Я покосился на Александру и поднял бровь, показывая, мол, вон брат твой что говорит.

– Скорее всего это стечение факторов, – серьёзно сказал Андрей. – Возможно мои эмоции повлияли на разбалансированную систему. Я прочитал о пяти подобных случаях. У новых машин повышенная чувствительность к эмоциям операторов, особенно, если есть внутренний износ.

Он говорил как обычно с интересом, горящими глазами, словно думал, что всем вокруг интересно то, что он изучает. Как ни странно, в этот раз мне действительно было интересно. И если про эмоции я говорил Абрафо, то остальные факторы для меня стали в новинку.

– Надеюсь, что ты не выведешь меня из себя рядом с моей машиной, – пошутил я, но получил от Лекс тычок вбок. Андрей удивлённо посмотрел на неё.

– Не придирайся к брату. Он ни в чём не виноват.

– Не надо, Лекс. Он имеет право на такую точку зрения. Всё-таки он мастер с работающей машиной.

– И что это меняет? – Лекс упёрла руки в бока. Явно не ожидала, что брат «сдаст» её мне.

– То, что у них чувствительность выше. Помнишь, как он оттащил меня от машины? Он даже принял часть удара на себя. И это ДО того, как всё случилось.

– Пинч там тоже был, и тоже тебя тащил, – с недоверием напомнила Лекс.

– Он тоже действующий наследственный мастер. Так что ничего удивительного, – Он пожал плечами и спросил уже у меня: – Опиши, что именно мне нужно будет делать. Если ты не против, я бы сегодня поучился, а завтра уже начал бы работать полный день. Хорошо?

Спустя час я понял, что получил в команду заинтересованного и преданного работника. Он быстро схватывал и обработал первого клиента неожиданно быстро и тепло. Клиент, женщина средних лет, взявшая «Спокойное» и «Бурное море», так благодарила Андрея, словно это мы у неё что-то купили.

Уже к вечеру появились первые отзывы о том, что у нас новый работник и он хорошо работает с клиентами. Неожиданно бесящий меня Андрей дал бизнесу очень и очень многое.

Чего я не мог сказать про Лекс. После того, как она привела брата, она не ушла домой. Она несколько раз подмигивала мне, старалась подойти поближе, разок притёрлась бедром. Буквально позавчера я бы растаял и забил бы на все дела в компании. Сегодня я был по злому сосредоточен и в итоге попросил её посидеть где-нибудь, пока я не закончу.

Она надула губы, но согласилась и стала ждать. В итоге, когда Андрей уже закончил учебный день и спросил, приходиться ли завтра, и получил положительный ответ, Лекс пой-

мала меня за руку:

– Что случилось? Почему ты меня игнорируешь?

– Чего-то я не понимаю? – спросил её брат и она попросила его подождать на улице. Только после того, как закрылась дверь, она продолжила.

– Что с тобой случилось?

– Со мной? – усмехнулся я. – Да так, ничего особенного.

Немного дела закружили.

– С каких это пор тебя интересуется бизнес, а не скалолазание или я?

Она всё прекрасно знала. Я смотрел на неё и понимал это теперь очень хорошо. Знала, и управляла мной.

– С тех самых, как ты решила взять паузу, – напомнил я ей разговор на крыше. – С тех пор, как болеет мой отец и мне приходится решать его проблемы здесь. Ну и с тех пор, как кто-то без разрешения влезает в мой дом.

– Ты о чём? – нахмурилась девушка.

– О ком. О тебе. Ты была у меня. Залезла через окно! – я старался не кричать, но чувствовал, как пелена гнева снова застилает глаза. Надо что-то с этим делать.

– С какого перепугу? У тебя кровать жёсткая.

– Ты к чему? – теперь уже я сбился с мысли.

– Если бы у тебя была нормальная кровать, то всё уже могло произойти, – она подмигнула и внутри меня, в животе и ниже, всё прямо загорелось. Стоп-стоп, не о том.

Я помотал головой:

– Что ты искала?

– Тебя?

Ох уж эти вопросительные ответы. Сам думай, что это значит.

– Я спал, ты проверила. А потом обшарила мой стол! Что тебе нужно было!

– С чего ты взял, что я там была? У меня хватает своих дел!

– Твой волос был в моих вещах!

– Так ты ещё и хранишь мои волосы?! Как хорошо, что у нас ничего не получилось!

Я понял, что безнадёжно проигрываю на этом поле. Она ловко отводила все мои вопросы, переводя в плоскость секса и отношений, низводя их до того, что я профукал свой шанс. И это было, если честно, крайне неприятно и обидно. Меня снова и снова тыкали в что-то неаппетитное и вонючее.

– Я не знаю, что тебе нужно. Но если тебе это действительно нужно было, стоило просто попросить. Я тебе бы не отказал.

– А теперь?

Я молча смотрел на неё и она сделала вид, что ничего не говорила, попрощалась и, махнув рукой, ушла за братом. Я слышал, как Андрей спросил, что случилось, а Лекс защебетала, что расхваливала его, как хорошего работника.

– Когда она стала такой ловкой в словах? – спросил я вслух.

– У вас странная привычка тащить в свой дом непроверенных людей из конкурирующих родов, – протянула Валентина Павловна, доставая тонкую сигаретку.

– Почему же? С Пинчами у нас деловые договорённости, а у них – понятный мне опыт, при этом они наёмные специалисты. Молодые, поэтому не слишком дорогие. И с каких пор вы курите?

– А я и не, – она действительно просто держала сигарету между пальцами, на которых был ярко-красный маникюр. – Может быть он и независимый и даже заинтересованный в вас. Но девочка, – она покачала головой. – У неё есть свои интересы. И дело не в вас.

Она хмуро посмотрела на меня, на что я закатил глаза:

– Я знаю. Убедился сам вчера и сегодня. Она что-то задумала, но я пока не понял. Пыталась очаровать.

– А вы? – с любопытством спросила Пакхус.

– А я был слишком занят, чтобы реагировать. Что-то не так.

Она хмыкнула себе под нос, улыбнулась и ушла к себе. Оформлять документы и отчёты. Завтра у неё выходной, поэтому вышла в воскресенье. А у нас была даже небольшая сумма на счетах компании, а значит пора чинить машину. Раз тонкую механику поправить не получается, начнём с большой.

– Михаил, Нестор – у нас кран на складе есть?

– Что-нибудь найдём и приспособим, – отчитался инже-

нер и вместе с Нестором ушёл на разведку.

Я набрал Абрафо и, дождавшись, когда ответит автоответчик, спросил:

– На вершину мира забраться не хочешь?

Неудивительно, что спустя минуту он уже уточнял во сколько подъехать и что привезти с собой.

– Документы пока не бери. Понадобятся нормальные крепкие руки, пока кран не найдём.

Глава 18

Когда люди объединяются, они могут свернуть горы. Когда воля и напряжение группы направлены в одну сторону, нет ничего невозможного. Прямо сейчас я, игнорируя пот, ноющие мышцы и мат-перемат, стоящий в помещении, убеждался в этом. Мы в прямом смысле меняли пространство под себя.

– Раз-два – взяли! – рыкнул дядя Нестор.

– Тяни-тяни! Не зеваем! – вторил ему Абрафо.

– Левее, фиксируем! – командовал Михаил.

– Отлично! – громко поддерживал команду я, глядя на всех сверху вниз, и подтягивая ремни с канатами.

Подъёмного крана, как и предполагалось, на складе не оказалось. Валентина Павловна сказала, что вот именно его отец продал пару лет назад, причём на металлолом и убедился, чтобы его распилили на части.

– «Чтобы неповадно некоторым было», – процитировала она его. – Кому и что именно – я не уточняла.

Зато я догадывался – тем, кто захочет прибрать машину к своим рукам. Или подстраховывался на случай, если я решу сглупить. Потому что иначе как с краном, эту махину не перетащить, даже по кускам. Ещё и нужен был специальный мостовой кран, да подогнать большую платформу с мощной подвеской, на которую уже и погрузить Бурю во всей своей

величественной красе.

Однако моя память хитро подсовывала картинки из прошлого. С неким затаённым восторгом вспоминал, что в детстве у нас кран не просто был, но я успел на нём покататься. Я даже спросил об этом у сестёр и Ирин подтвердила, что такое случалось. И шёпотом добавила, чтобы не говорил маме – она тогда очень сильно этого не любила. Хотя что там мой вес для гигантского тяжёлого крана?

Сейчас же мы, три с половиной человека, двигали гигантское семиметровое колесо чисто мышечной силой и основами инженерии: с помощью блоков.

Мы развесили ремни и канаты по помещению, перекинули через балки перекрытия и я, опытный верхолаз, отправился настраивать эту мишуру по заданию Михаила. Он сверялся со своими расчётами на заляпанной бумажке, кричал куда двигаться и что двигать. Дядя же Нестор только охал, когда я ловко перескакивал с одного места на другое.

С какой радостью я забрался на балки под крышей! Мне показалось, что даже синяки на ногах и руках перестали болеть, когда я взлетал по верёвке, которая была привязана к крюку, вбитому в стену.

– Мартышка! – кричал снизу Аб. – Ты когда в джунглях на стажировке успел побывать? Не думал, что на стенке в спортзале такому учат.

В спортзале не учат. Только на крышах родного города, на его лестницах, узких улицах. Только на кранах и одино-

ких высотках, полных странных архитектурных элементов, созданных вроде для красоты, а на самом деле – для таких психов, как я.

И сейчас, сидя наверху, я наблюдал выстроенную командой систему блоков и канатов, похожую на крепкую основу для паутины гигантского паука. Главной жертвой – или опорой, тут как посмотреть, – была машина в центре, а точнее гигантское колесо Бури. Михаил бегал от верёвки к верёвке, проверял натяжение, напряжение, углы и прочую математическую ерунду, которая позволит относительно небольшим усилием сдвинуть махину и поставить её на законное место.

Новый вал уже поднесли и прислонили рядом с Бурей, проверив предварительно, что он входит в паз. Смазочных материалов натаскали три канистры, не говоря о ведре валиков и кисточек – всё для того, чтобы максимально быстро вставить его, когда колесо окажется на нужной позиции.

Многочисленные верёвки цепко оплетали гигантскую шестерёнку, но, чтобы не повредить древнее дерево, под места крепления намотали ещё больше кожаных ремней.

Только на эту подготовку ушло больше трёх часов и нескольких литров чая с горой бутербродов. Я потратил последние деньги с зарплаты и купил простой, но сытной еды для нашей небольшой команды. Лишних привлекать не хотел, поэтому волю дал Михаилу и его математическому гению, скрытому под невзрачной спецовкой. Он же развернулся в полной мере и превратил производственный цех в фи-

лиал паучьего царства. Что ж, в приватном разговоре с посторонними сущностями мне сказали, что мастера снов плетут свои сны, как пауки, а значит нужно соответствовать.

И вот пришло время рывка.

– Сосредоточились! Взяли! – скомандовал Михаил.

Натянулись верёвки, взвыли мышцы, заскрежетали плотно сжатые зубы. Меня как самого битого отправили наверх, следить за тем, как двигается шестерня и отдавать указания. Плюс играло роль то, что я умею залезать наверх и не боюсь сверзиться на пол, пока буду поправлять заевшие блоки и заскользившие невовремя канаты. Пол пусть и деревянный, но с такой высоты мало не покажется.

Несмотря на то, что работа наверху на первый взгляд казалась простой, всё же я быстро взмок: бегать, перекидывать верёвки и контролировать блоки так, чтобы никого не пришибло – то ещё развлечение. И как я радовался тому, что могу хотя бы часть остальных задач делегировать другим.

Андрея я оставил на стойке, где он выдавал заказы – наш склад постепенно пустел. С утра снова приходила Лекс, но быстро ушла – у неё практика проходила в другом месте. Как сказал Андрей, даже он не знает где.

– Молчит, хитро улыбается, говорит о выгодной сделке, – наливая воды в стакан, рассказывал толстяк, пока я, взмыленный после очередного блока, бегал на улицу за картоном и кирпичами. Кепка помогал отыскать строительный мусор, работающий как противовесы.

– В общем, скажу прямо: женщины – странный народ!

Я кивал ему в ответ и возвращался к нашим верёвкам.

– Пошла, народ! Надо чуть левее дернуть! По балке скользит! – командовал я.

Шестерёнка словно отлипла от места, где она застыла после поломки, и теперь начала медленное скользящее движение, пытаясь сбежать из плена обстоятельств.

– Главное не завалить на бок, не поднимем, – крикнул Михаил и указал всем тянуть в противоположную сторону, а затем вперёд.

Раздался неприятный скрип по металлу, дёрнулась вся машина, на которую шестерня всё ещё опиралась частью веса.

– Вперёд, сильнее! – Мужики выровняли колесо по вертикали. Теперь нужно было собраться и приподнять его выше, чтобы выровнять. – Не спешим, не дёргаем! Плавно! Шаг за шагом. Взались!

Моё горло начинало саднить, но я с трепетом и каким-то внутренним восторгом наблюдал, как конструкция собирается обратно в рабочий вид. Только тут случилось непредсказуемое.

– У меня руку свело! – вдруг выкрикнул Аб. – Немееет!

К сожалению, трое человек, даже вооружённые интеллектом, против огромного тяжеленного колеса... борьба оказалась неравной. Канат, что держал мой друг, начал выskalывать из скрюченных пальцев и вся система блоков и про-

тивовесов перекосилась. В одном месте верёвки провисли, а в других – натянулись так, что затрещали. Меня передёрнуло от этого звука.

– Не дайте улететь, – крикнул Михаил с противоположной стороны. – Колесо не закреплено!

Я глянул: действительно, оно сейчас висело в воздухе, находясь чуть в стороне от нужной позиции. Если он сейчас рухнет всем весом... машине какую. Сначала. А потом и всем остальным, кто остался внизу.

Абрафо старался сжать не только пальцы, но и зубы, пытался извернуться плечом, чтобы перенести нагрузку с онемевшей руки и удержать вес. У него не получалось – верёвка ускользала всё дальше и дальше. И вот Колесо просело на десяток сантиметров вниз, дядя Нестор и Михаил зарычали, упёрлись пятками в пол, удержав его от удара по остальной конструкции. Абрафо закачался – от напряжения у него видимо закружилась голова и он начал падать, снова натягивая верёвку, но уже туда, куда не надо. Шестерня подскочила, другие верёвки ослабли, всё накренилось, и я понял, что сейчас я лишусь не только машины, но и работников, и друга.

В глазах потемнело и в голове забил набат Машины Смерти. Я почувствовал, как в воздухе потянулись голодные нити, готовые ловить в свои сети случайные души. Ловить и заталкивать в распахнутую пасть, в которой только мрак забвения. Неожиданная и вечно ожидаемая кровавая жатва для того, чтобы накормить демонов Царства-за-снами.

Не думая, не оценивая, действуя на порыве, я прыгнул вперёд, надеясь только на то, что страховка, которую я по привычке закрепил в нескольких местах, выдержит нагрузку. И теперь я летел по дуге, выставляя руки вперёд, надеюсь успеть поймать хотя бы одну душу до того, как челюсти Машины Смерти сомкнутся на ней. И только лишь краем глаза наблюдая, как огромная махина заваливается на бок, планируя расплющить человека.

– Держись! – я влетел в Аба и потянул вперёд.

Но тот словно прилип к верёвке и не дал мне унести его подальше. Мы качнулись маятником назад, отчего падение колеса лишь ускорилося, причём на нас. Огромная тень накрыла помещение, и я понял, что это конец. Всему.

От этой мысли моментально встали дыбом волосы и меня словно ударило током.

– Хрен вам, демоны! – вырвалось у меня и прямо в воздухе, всё ещё качаясь на верёвке, я крутанулся всем телом, выбросил Аба на землю и выставил руки в сторону падающего центрального колеса. – Ты не пройдёшь!

Я кричал, защищая друга, а нос забивал запах озона. Синие искры заполняли пространство и вдруг время замедлилось. Шестерня продолжала медленно падать на меня, но делала это неохотно, с ленцой. Нестор и Михаил, оскалив зубы, тащили его в разные стороны, давая нам микросекунды на спасение, а крупные клочки пыли в воздухе и складывались в подобие снежинок.

А мой крик всё длился и длился, переходя в жужжание. Только сейчас это было не жужжание мух, а жужжание электрического разряда и напряжения под высоковольтными линиями. Линиями из стали, способными вынести сотни тысяч вольт и десятки ампер, дающие силу света и жизни во всех уголках мира.

Я сжал кулаки и ударил ими в ткань пространства между собой и Бурей. Бело-синяя молния проскочила между нами, и деревянная махина зависла в воздухе. Ещё удар и выровнялась вертикально. Удар – и плюс по высоте.

– Отпускайте! – крикнул я, зная, что меня не услышат. Но всё же кричал, видя, как два силуэта нечеловеческой природы помогают удерживать неподъёмную махину, не давая ей раздавить нашу машину снов. И они послушались.

Верёвки – в этом и в том мире – выскользнули из рук, повисли мёртвыми лианами, но колесо несмотря на это продолжало висеть в десяти сантиметрах над машиной. «Разница потенциалов» мелькнуло в голове и я с кривой улыбкой, чувствуя, как по губам пробегают мелкие искорки и течёт кровь там, где я прикусил, начал снижать напряжение. Видел, как колесо, деревянное, не магнетик, но всё же медленно опускается на своё место, поддерживаемое магнитным полем.

Кто бы мог подумать, что уроки физики, самого малонужного для менеджера предмета, окажутся полезными на практике. Битва физиков и гуманитариев снова дала очко умеющим объединять и то, и то.

Когда шестерёнка с глухим стуком коснулась своего ложа, я смог лишь прошептать:

– Вставляйте вал.

Переспрашивать никто не стал: Нестор и Михаил метнулись к подготовленному валу, вставили в паз и ударами огромной деревянной киянки вбили его на место. Словно почувствовав, что всё встало ровно, гигантское колесо медленно, всего на зубец, прокрутилось по часовой стрелке.

Раздался мягкий «вух» и машина снов, гигантская, чуть не убившая нас конструкция, замерла. Я рванул карабин, скинул страховку, больно ударился пятками о пол и, подбежав к «душе», коснулся её рукой.

Меня обдало теплом, благодарностью и синими, приятными на ощупь искорками. И тут же Буря заснула, как засыпает пациент после тяжёлого кризиса: с лёгкостью и радостью, но с огромной усталостью на лице. Я прислушался к ощущениям – пульс стал ровнее.

И только после этого побежал обратно к Абрафо.

– У меня появилась дурная привычка получать по лицу, – простонал он, прижимая руку к длинной ссадине на правой щеке. – И всё из-за тебя, Демон!

Мы поднялись с пола, чуть пошатываясь и опираясь друг на друга. Нас обоих пробирал нервный смех.

– Скорее из-за меня, – раздалось из дверей, и мы увидели Андрея, бледного и кусающего губы. – У вас такой грохот стоял, что я не мог не заглянуть.

Любопытно... Он смог выломить небольшой, но всё же металлический засов на внутренней стороне двери. Надо попросить Нестора с Михаилом приварить что-то понадежнее. Чуйка подсказывала, что ещё пригодится.

– Очень было интересно? – тяжело дыша спросил я.

– Не, просто хочу получить зарплату. Даже если она небольшая, – подбежав, ответил он и потащил на своих плечах и меня, и Аба. – А за помощь начальнику, в смысле, начальникам, – он усмехнулся, – может ещё и премию дадут.

Мы остановились в коридоре, и я посмотрел на него. В его лице не было улыбки, издевательства, подобострастия. Он смотрел серьёзно и оценивающе.

– Получишь. Как и все.

Чуть позже меня ругала Пакхус, что я своим присутствием разрушаю тонкий баланс системы этой Лавки, подвожу людей под риск и роняю всем потолок на голову. После просьбы говорить потише, потому что у всей команды болит голова, она крепко обняла меня и прижалась к плечу:

– Ваш отец гордился бы вами. – Она отодвинулась и посмотрела в сторону, пряча слёзы. – Но вашей матери ни слова. Иначе она сама придёт и доломает машину. Она ещё прошлый раз не простила.

– Вы про Норну? – усмехнулся я.

Она нахмурилась:

– И про неё тоже.

Валентина Павловна за свой счёт вызвала знакомого част-

ного врача. Тот осмотрел всех и убедившись, что мы отделались лишь синяками и ссадинами, попросил вместо оплаты один сон. На что Андрей ловко перехватил у меня инициативу, и предложил покупку с пятидесятипроцентной скидкой. Когда док согласился, Андрей получил уважительный взгляд от Пакхус и клятвенное заверение от меня, что без премии он не останется.

Когда страсти понемногу улеглись, ко мне подошёл Абрафо и, приобняв за плечи, сказал:

– Ты молодец, Демон. Я о таком слышал только из семейных легенд – искры из глаз и пальцев! И когда успел научиться? – Я промолчал, и он тихо добавил. – И спасибо. Ты уже второй раз помогаешь нашей семье, в прямом смысле, спасая от смерти. Сделка – отработаю.

По рукам прошла тёплая волна – он дал не просто обещание, а заключил сделку души!

– Ты тоже полон сюрпризов. – Он поморщился и прижал руку к щеке. Видимо щипало после перекуси. – Тем более, вы также сильно помогаете моему отцу.

– Я слышал, что ему стало хуже.

– Это временно, – подмигнул я, вызвав у Аба ещё больше удивления. Но спросить он не успел, к нам подошли Нестор и Михаил.

– Мастер Сновидец, что дальше? – прохрипел дядя Нестор. Он выглядел как минный тральщик, успешно обыгравший в морской бой эсминец и рвущийся теперь в новый

поход.

– Гулять. Всем гулять. И отдыхать. Я привезу всё необходимое и мы отметим это достижение. Мы заслужили!

– Хорошая идея, – поддержал Аб. – А после – мы с тобой поедem ко мне в гости. Хочу, чтобы ты показался перед отцом.

– Это разве будет прилично? – меня пронзило беспокойство. – Всё-таки мы с ним не так близки, я так и не стал нормальный работником, плюс расследование по тому поводу ещё не закончено. Комиссия и всё такое... – вспомнились слова Оскола, главы безопасности.

– Нашёл из-за чего переживать, – легко отмёл мои возражения друг. – Всё гораздо проще, поскольку моя мама сама пригласила вас к себе. И, как она мне сказала: в любое время дня и ночи! Так что давай, погуляем с твоей командой, а потом ко мне. Заодно и заночуешь. Хорошо?

Я неуверенно кивнул, и он пошёл на выход, доставать телефон. Через десять минут он спросил лишь об одном:

– Свою маму брать будешь?

И это был очень страшный вопрос – который мог стоить не только настроения, но и всей сделки.

Глава 19

– За яркие сны! – выкрикнула Валентина Павловна, похожая сейчас на скандинавскую валькирию.

– За яркие сны! – подхватили мужчины хором, после чего опрокинули в себя стаканы и кружки с красным вином.

Заканчивалась третья бутылка. Отпускало напряжение, становилось веселее, разговоры и смех звучали громче – вечеринка у Сновидца была в самом разгаре. Мы отлично срабатывали и теперь самая тяжёлая, в прямом смысле слова, часть работы позади.

Несколько раз звонила мама, но я ответил, что сегодня не приду домой, решаю дела. Сказала, чтобы не лез снова в неприятности. Какие неприятности? У нас праздник!

– За мастера Сновидца! – предлагала очередной тост Пакхус и высокая причёска тряслась, словно на ветру. Женщина гуляла неожиданный корпоратив так, словно в последний раз. Хотя, по чесноку, скорее всего так оно и будет.

– За Сновидца! – отвечали все мы, но каждый подразумевал что-то своё: кто отдавал дань уважения всему роду, кто моему отцу, а кто – и лично мне.

– У вас всегда такие вечеринки? – спросил Андрей, надевая куртку у входной двери – мы с Абрафо вышли его проводить. Брат Лекс принял на грудь две кружки, поскольку стакана на него не хватило, и теперь говорил чуть заплетаю-

щимся языком. – Это приятный бонус к интересной работе.

– Смотри, не потеряйся, – хихикнул Абрафо, выпуская того на улицу.

– Да куда я денусь, – ответил он, подергивая плечами. – В крайнем случае наберу сестру – она меня найдёт и упадёт на голову, как снег с крыши. И будет ругать за то, что меня будет ругать отец. За такое состояние.

Он замер и покачал головой, словно поняв свою перспективу. Но беспечно махнул рукой, попрощался и поплёлся из тупичка Летней улицы.

– Нам тоже нужно потихоньку собираться, – уже серьёзно добавил Аб, провожая Андрея взглядом. – Часик можем потусить, и чтобы к восьми добраться до нас.

Тут подошла завсклада, посмотрела на нас чуть расфокусированным взглядом. Усмехнулась. Стащила с вешалки пальто. Я подхватил его, помог надеть.

– Какие-то манеры у вас остались, Дементий. – Валентина Павловна ловко застегнулась, поправила волосы. – И то, что вы сделали сегодня для... всех нас. Это заслуживает уважения. – Она подошла ближе, положила руку на плечо и тихо, чтобы Аб не услышал, добавила: – Жаль, что не станете продолжать в том же духе – ведь это не в ваших интересах.

Она похлопала меня по плечу и молча вышла из Лавки.

– Она в курсе? – спросил друг.

– Да. Единственная из команды.

– Понимаю её чувства. Видел таких у отца: всю жизнь на

одном месте, а потом что-то заканчивается – или место, или старая жизнь, – и не могут отпустить. Иногда это плохо заканчивалось.

– Хочется верить, что они справятся.

Мы вернулись на склад, где стоял стол с закусками и выпивкой. Вино почти кончилось, как и сок. От закусок остались только маринованные огурцы, да банка нашего местного деликатеса — Золотых шпрот. К сожалению, не то, что способно порадовать душу на долгий срок.

– Так, – сказал я, упирая руки в бока. Все замолчали. – Сейчас я схожу до магазина, принесу ещё чего-нибудь к столу. А потом оставлю вас. Михаил, Нестор, справитесь?

Они внимательно посмотрели на меня, потому на свои стаканы-кружки.

– Один вопрос, мастер Сновидец, – по-морскому отдал честь дядя Нестор.

– Слушаю.

– Можно будет поделиться с Кепкой? – он замолчал, а потом оправдываясь добавил. – Он хороший мужик, пусть и чуть с головой у него не так, но...

– Всё в порядке. Конечно, поделитесь. Он тоже вносит свою лепту в нашу работу. – Закивал я. — Но только едой. Алкоголь ему противопоказан. – А потом тихо с улыбкой добавил: – Он вообще-то всем противопоказан, но некоторым из нас не так сильно.

Рассмеялись и работники, и Аб. Друг остался посидеть и

потупить в телефон, а я быстро захромал на соседнюю улицу, до магазина. Небольшой супермаркет из сетевых, в котором можно было легко купить и алкоголь, и хлеб, у зубную пасту с туалетной бумагой. Набрал в корзинку хлеба, нарезанного мяса, свежих овощей, а также взяв пару пачек яиц на завтрак Нестору, заглянул в алкогольный отдел. Здесь, как всегда, было много чего, но я выбрал креплённое южное вино по скидке и классический кагор, что бодряжат храмовники, чтобы потом раздавать своей пастве для более крепкого сна.

– Влажные салфетки интересуют? Или может свечи к празднику желаете? – предложила бесцветным голосом девушка на кассе. Она пробивала товары не глядя и складывала неровными кучками продукты в мешок.

– А что сегодня за праздник? – задумался я, выбирая, чем платить: наличностью или картой.

– Не знаю, но судя по тому, что вы выбрали – у вас явно празднество.

– Эй, не отвлекайся! Сегодня салфетки допродаём, – прошипела в сторону девушки начальница смены, оторвавшись от телефона.

Я же хмыкнул:

– Разумный подход. Повышает конверсию на самом деле, – по-доброму поддержал я начинание девушки и, попросив одну маленькую пачку свечей, повнимательнее разглядывая продавщицу.

Та смотрела в сторону кассы, словно ничего больше в ми-

ре не существовало. На ней была форменная красная майка магазина, слишком плотно обтягивающая фигуру – видимо не нашли подходящего размера на складе. От напряжения и давления из-под ткани торчали соски. Чуть замутнённый алкоголем мозг не успел остановить язык:

– Ваше место явно не у прилавка, – сказал я и только потом понял, что сморозил бестактность. Стыдливо посмотрел ей в лицо, ожидая увидеть гнев. Но встретил только карие глаза, полные слёз.

– Да уж, – тихо-тихо сказала она и поправила рыжую чёлку.

Что? Блеснуло осознание и я чуть не засмеялся. Передо мной на кассе стояла девчонка-инженер, которая приходила на прослушивание, и которую чуть ранее уволили с фабрики Пинчей! Алкоголь снова взял на себя первую скрипку:

– Предлагаю вам сейчас же покинуть сию унылую обитель и отправиться в места, в которых вас оценят по достоинству! – Я сделал шаркающее движение ногой, словно собирался поклониться.

– Я думаю, что я справлюсь и сама, – чуть холодновато ответила она. – Ещё пакет?

– Да, – машинально кивнул я, опустив глаза на торчащие соски. – Только вот вы меня не поняли.

– Что тут непонятно-то, – она пробила последний товар и повернула ко мне терминал, не давая выбора, чем платить. – Думаю, что праздник продолжится. И желательно без меня.

Она стукнула ладонью по прилавку, отвлекая меня от залипательного вида. В ушах зажужжало и в голове стало полегче. Я быстро, но мягко прижал её руку своей.

– Что вы себе позволяете? Сейчас охрану позову! – угрожающе прошипела девушка.

– Я всё-таки приглашаю вас поработать. И нет, не так, – я замотал головой, чувствуя, как волны алкоголя, что временно раздвинули мои невидимые помощники, готовы снова схлестнуться в моём сознании. – Мне всё ещё нужен инженер тонкой механики. На короткий контракт.

Она замерла и уставилась на меня. На её лице промелькнуло узнавание. Я поймал момент:

– И прежде, чем вы пошлёте меня подальше, предлагаю такие условия: короткая сделка, ремонт и после – расходимся. У вас будет реальная практика, официальная работа в книжке, будет проще устроиться на новое место. Но уже по профилю.

– Двойная ставка, – не веря в сказанное, выдала она.

– Полуторная, если чините за неделю. Если дольше – стандартная. По рукам?

Она поколебалась ровно три секунды:

– По рукам. Когда заключаем сделку?

– Приходите завтра к девяти. Оформим документы, сделку и оцените фронт работ.

– Любую работу в «душе» можно сделать за пять дней.

– Хочется верить. И напомните, как вас зовут?

Девушка поморщилась, но всё же ответила:

– Ксения. Ксения Ладная.

– Приятно. Я – Дементий Сновидец. Жду вас завтра к де-
вяти.

Я взял покупки и пошёл из магазина, но в дверях Ксения
меня окликнула:

– Вы забыли оплатить! – и под взглядом метнувшегося к
нам охранника, я быстро вернулся и пробил покупку картой.
Пора уже было поспешить.

Когда я вернулся окрылённый неожиданной победой,
в лавке уже стояла умиротворяющая тишина. Михаил и
Нестор уснули в разных уголках склада, а Абрафо тягуче зе-
вал, листая ленту на телефоне. Когда я звякнул бутылками
в пакете, он поднял голову и, прищурившись, посмотрел на
меня.

– Тебя только за демонами посылать, Демон, – и заржал
собственной шутке. Мужики на складе заворочались, но Аб
не обратил на это внимание. – Там у них есть небольшой
холодильник в дальнем углу. Положи продукты – утром
будут рады.

Снова зазвенев бутылками, я пошёл к холодильнику.

– Только бутылки доставай! – крикнул Аб.

– А опохмелиться?

– Да мы столько не выпили, чтобы опохмеляться! – Он
снова смеялся. – А уснули они от усталости и напряжения,
а не алкоголя.

– Что тогда делать с этим? – вернулся я с бутылками и сам себе ответил. – Поставлю в кабинете. Отмечать сделку то всё равно придётся.

– Мудреешь на глазах, мой друг, – Аб зевнул и потянулся, потрепав свои чёрные волосы. – Ладно, ты готов? А то мама уже строчит, когда-когда? У неё, понимаете ли, бульон стынет. А то что у нас тут стынет, – он кивнул в сторону машинного зала, – ей без разницы.

Зеленоватую металлическую дверь в промышленное помещение я закрыл на все замки, даже на навесной, огромный и древний как Морфей. Его дядя Нестор притащил со склада. Входную дверь я тоже запер на два оборота. Ключи забрал с собой, оставив дяде Нестору и Михаилу только от входной двери и складского помещения.

С утра, пока Михаил добивал свои расчёты, я также обследовал окна на крыше, через которые проникал солнечный свет. Оказалось, что они забраны мелкой, незаметной с пола решёткой, плюс на них установлен специальный скрытный замок: изнутри его открыть можно, а вот снаружи никак не подцепиться. Для проверки я повисел на решётке всем своим весом, убедившись, что просто так проникнуть в помещение не сможет никто.

Будет обидно, если какие-то заразы снова попытаются вломиться, как только мы чуток привели машину в порядок. А нанимать охрану пока не на что и не за чем. Если Ксения окажется права, то через неделю мы закроем сделку.

От этой мысли по телу прошла волна мурашек.

– Пошли, – кивнул я Абрафо и мы двинулись к его родителям.

Честно сказать, я не ждал от встречи с Пинчами чего-то особенного. Точнее так: я надеялся, что ничего особенного не случится! Потому что за последние пару недель из просто далёких родственников и работодателей они стремительно превращались в потенциальных покупателей, партнёров, спасителей отца. Хотя, честности ради, стоит сказать, что и я им помог.

– Дементий, дорогой! Как ты вырос? – зашебетала мама Абрафо. – Как поживает Тина? Всё также одевается, как на цветочную выставку?

Тетя Валенсия, сестра мамы, в отличие от неё, предпочитала строгие спокойные цвета и костюмы. Даже если она надевала платье, то это всегда было что-то однотонное с минимальными акцентами в виде пояса или броши. Но чаще её можно было увидеть в брюках, рубашке и пиджаке. Правда сейчас, в домашней обстановке, на ней было что-то вроде халата тёмно-синего цвета, который напомнил мне волосы Лекс. От этого мне стало жарко.

Пока мы раздевались и разувались, пока нам выдали специальные гостевые тапочки, я осматривался. Пинчи жили в большом доме, скорее даже особняке, построенном в начале прошлого века. Бледно желтый фасад подсвечивали специальные лампы, а на окнах стояли специальные электрические

подсвечники. Историческое наследие, под защитой и всякое такое.

Маме об этой встрече я говорить ничего не стал. Её отношения с сестрой были яркими, эмоциональными и по-своему гармоничными: моя мама, Тина – день, яркость, страсть до гнева; а мама Абрафо, тётя Валенсия – ночь, приглушённость, болтливость до посинения. Но обе владели даром врачевания через сны: Тина через светлые образы, а Валенсия – через мрачные кошмары.

Однако стоило им вместе провести немного времени, как мама начинала кидаться посудой, а тётя Валенсия заламывать руки и обвинять сестру в жестокости.

Такого мне точно не надо было сейчас, в преддверии сделки и когда нам удалось отчасти починить Бурю.

В удивительно простой для такого дома прихожей был только ковёр, стойка для зонтов и небольшая вешалка для тех, кто заскочил по-быстрому по делам. Для домашних за скрытой деревянной панелью находилась отдельная, похожая по размеру на прихожую, комната с одеждой, зеркалом, огромной стойкой для обуви в три этажа, на которой из мужских туфель и кроссовок было хорошо если треть. Здесь была только хозяйская обувь, так что масштабы «скромного» гардероба госпожи Пинч поражали.

Тётя Валенсия повела нас в сторону гостиной на первом этаже. Мы прошли две небольшие комнаты с креслами, в одной на стене висел телевизор и была подключена игровая

приставка. «Играть не успеваю больше», – шепнул Абрафо, подмигнув. – «Скоро отец побьёт все рекорды».

Пинчи перебрались в наш Прибалтийский город лет пятьдесят назад. Тогда фабрику создавал дед Абрафо, выходец с Британских островов и бывшей Коронной Империи. Оттуда же он привёз одну из машин своего рода – другие остались в ведении его старших братьев. Отец Аба родился здесь в Прибалтике и воспитывался в традициях англичан. Зато Аб уже родился в смешанном браке. Несмотря на то, что родители мамы и тёти Валенсии были с Юга, они давно переехали и ассимилировались здесь, что позволило дочерям встретить своих мужей.

Возможно именно поэтому мы смогли найти общий язык с Абрафо: несмотря на странное имя, он всё-таки был близким по духу и воспитанию, как бы сёстры ни пытались делать всё иначе, чем друг у друга. И да, Аб, в отличие от меня, был единственным ребёнком в семье.

Мы пару раз свернули, прошли мимо каминного зала, в котором реально горел камин, и, наконец, вышли в гостиную.

– Я теперь понял, как ты сохраняешь себя в форме, – подколол я друга, скрывая то, как неуютно от таких масштабов. – Наматываешь тут километры по дому.

– Это тебя ещё не заставили стричь газон на участке в полтора гектара, – серьёзно ответил он. – Особенно в дождь.

Его лицо исказила гримаса отчаянья и я понял, что это не

шутка. По крайней мере не полностью.

– Небось за то, что уроки плохо делал?

Абрафо поморщился, но промолчал.

– Присаживайтесь, дорогие! А то всё уже остыло! – попросила тётя Валенсия и подала пример, сев справа.

Нам указала на левую сторону, после чего похлопала в ладоши. С кухни высунулась седая голова, а затем появилось округлое низенькое тело работника дома:

– Слушаю!

– Несите! – приказала госпожа Пинч. – И мужа позовите – пусть хоть с детьми поздоровается.

– Как скажете, – седой коротко кивнул, прикрыл дверь и начал отдавать приказы громким голосом, который было легко слышно и за дверью.

Аб морщился и смотрел в пустую тарелку.

– Ну, расскажите, как ваши дела? – обратилась Валенсия к нам. – Я слышала, что вы теперь оба большие начальники, каждый на своей фабрике. Как справляетесь?

– Мама, ты прекрасно знаешь, как я справляюсь. Каждый день отчитываюсь! – напряжённо ответил мой друг.

– Это не отменяет того факта, что мне интересно, не говоря об элементарной вежливости по отношению к гостю, – назидательно сказала Пинч.

– Тогда у него и спрашивай. Тем более, что у него работа поинтереснее моей!

Я с удивлением посмотрела на Аба: обычно такой сдер-

жанный, а здесь почти кидается на мать. Его щёки заливал румянец, кулаки сжаты под столом. Видимо тётя Валенсия достаёт не только мою маму.

– Придержи язык, сын, – раздалось тяжёлое с той стороны, откуда мы пришли. В проходе стоял Пинч – отец Абрафо. – А с юным Сновидцем у нас будет отдельный разговор. Не просто так же мы его позвали в свой дом.

И с грохотом захлопнул за собою двери.

Глава 20

Двери с грохотом закрылись, и я остался один против целого клана Пинчей. В этот момент я понял, как мечтаю оказаться даже не на собственной кровати дома, а рядом с машиной снов, которая даст не только отдых, пусть и с рокошущими снами, но и защиту при случае. Здесь же я полностью беззащитен перед своими потенциальными партнёрами.

Пинч-старший сел во главе стола, наложил себе картошечки и мяса из большего блюда, полил брусничным соусом. Соус стекал медленной струйкой, как чуть запёкшаяся кровь. Меня слегка передёрнуло. Затем он молча начал есть, с интересом – нетипичным, живым интересом! – меня изучать. За столом стояла тишина.

Наконец, Пинч поел, аккуратно вытер рот салфеткой, взял бокал с вином:

– Во-первых, я должен сказать тебе спасибо. Как-то лично не получалось.

Я невнятно промычал в ответ и пожал плечами.

– Не прибедряйся, Дементий. Мало кто поступил бы так, как ты. Достоинно, по-честному. – Он оглядел бокал, покачал вино, наблюдая за жирными разводами на стенках. – Мало кто, да. Разве что твой отец. Видимо это у вас в крови, Сновидцы.

– Вы давно знаете моего отца? – это вырвалось случайно, я

совершенно не планировал его ни о чём спрашивать. Можно я верну свои слова обратно? Нет? Жаль.

– Давно, – Пинч не изменился в лице, продолжая изучать вино. – Он чуть старше, я у него многому учился в плане техники. Талантливый мастер...

– Но?

– В смысле? — Пинч сделал вид, что не понял меня. Но мне уже стало любопытно.

– Талантливый, но – вы не договорили.

Он усмехнулся.

– А дотошный как тёща. – на слова Пинча тётя Валенсия скривила губы, но промолчала. – Талантливый, но слишком самонадеянный. Рассчитывал, что сможет конкурировать с новыми технологиями, уверял, что классические мастера и их сны ничто не может заменить. Как мы видим по итогу, он оказался неправ.

Он выпил своё вино и поставил пустой бокал на стол. После этого Валенсия и Абрафо оживились и продолжили трапезу. Мне же кусок в горло больше не лез.

– Я всегда считал, что отец любил эксперименты больше, чем проверенные годами решения, – озвучил свои наблюдения я.

– Возможно в последние годы он и стал иначе смотреть на мир, но – поздно. Конкурентную борьбу он проиграл. – Пинч взял со стола несколько виноградин и начал закидывать их себе в рот по очереди. – Прости, что я так прямолинейно, но

судя по тому, что я видел сам, и тому, что рассказывал мой сын – ты другой.

Бросил взгляд на друга, тот подмигнул тем глазом, что был не виден отцу.

– Чем же я отличаюсь, по-вашему?

– Ты точно знаешь чего хочешь, – моментально ответил Пинч-старший. – Ты разбиваешь цель на достижимые задачи. Находишь нестандартные решения. И, что самое главное, открыт к изменениям. – Он встал из-за стола, чем вынудил подняться всех присутствующих. Я подскочил последним – эти штуки, связанные с этикетом вообще не моё. – Но есть вещь, которую понимают далеко не все. Это не rocket science, но почему-то люди считают себя выше того, чтобы осознать простую вещь: за изменения всегда нужно платить. И плата может быть очень и очень разной.

Он ненадолго замолчал, махнул рукой и мы прошли вслед за главой этой семьи в каминный зал. Мы с ним сели у самого огня, Аб и его мать – чуть подальше. Пару минут он молчал, а я думал, что же имеет он в виду. Пока я его не понимал до конца.

– Когда ты принял решение замедлить машины на моей фабрике, ты знал, что получишь порцию ненависти от своих коллег. Не только потому, что ты Сновидец и последний адекватный конкурент нашей фабрики. Но и потому, что у тебя в принципе есть яйца на подобный поступок. Сейчас же, когда ты принял решение продать машину и стать частью

команды Пинчей, а не Сновидцев, ты также обрекаешь себя на ненависть, но уже других людей. – Он заметил колебание на моём лице. – Это неизбежно, мальчик. Мы все через это проходим, когда делаем выбор: ради кого или чего делаем тот или иной шаг. И всё же ты готов этот шаг сделать.

Трещал камин, позвякивали от ветра стёкла в окне. Хотелось зарыться в плед и отдышать, глядя на пламя. Закончить то, что было начато раньше.

– Слушая вас, я мог бы подумать, что вы пытаетесь меня отговорить, – с вызовом сказал я. – Как-то не вяжется с образом крутого дельца Пинча.

– Я же говорю, что ты отличаешься. Ты и твоя машина станут прекрасным приобретением для нашей компании, дадут ей новый толчок в развитии. Того, чего нам жизненно не хватает – ваших сил, вашей энергии. – Он встал и поворошил кочергой дрова в камине, закинул новое полено. – Поэтому я хотел бы ускорить нашу сделку. Как я понял, вы сегодня закончили крупный блок ремонта, да?

Он посмотрел мне прямо в глаза. Пинч сжимал кочергу, словно планировал ею воспользоваться против меня. Я старался не отводить взгляда от его лица.

– Да, большая работа проделана. Осталось донастроить механику.

Пинч отвернулся и покачал головой:

– Вообще не понимаю, как вы умудрились сломать машину. Таковую как вашу нужно беречь, как зеницу ока, а то не

приведи Морфей, достанется каким-нибудь демонам.

Он хохотнул и я увидел, как он в этом похож на Абрафо. Точнее наоборот – сын похож на отца. Вдруг зазвонил телефон и Пинч-старший извинился:

– Простите, нужно ответить. Крупный акционер, – и вышел в другую комнату. Зато вместо него включилась тётя Валенсия.

– Как там поживает сестра? Почему она не приходит? – с наигранной обидой спросила Валенсия.

– Она постоянно присматривает за отцом, – постарался оправдать её я. – Часто дежурит ночами.

– Да, Гриша обычно вытаскивал Тину из историй, а здесь сложилось наоборот. Как раз тогда, когда она была готова освободиться.

– Освободиться? – спросил Аб и я был благодарен ему – тоже хотел это спросить.

– Она хотела развода, ты не знал? – Заулыбалась Валенсия во все свои тридцать два белоснежных зуба. – Хотя, об этом говорить она не любила в принципе. Гриша хотел ещё детей, а она была против. Правда, не знаю зачем ему это – будто четверых не хватает!

Она сказала последнюю фразу, а потом подмигнула мне. Да уж, я стал понимать маму чуть лучше. Видимо Аб унаследовал больше черт от отца, чем от своей матери. Такого он себе никогда не позволял. С другой стороны, она ничего не сказала про измену отца. Может не знала?

– В общем, мне жаль Гришу. Зато теперь наша семья снова вместе. А уж когда вы станете партнёрами, жизнь ещё больше наладится!

– Простите за отсутствие – важный звонок, – в комнату вернулся Пинч-старший. – У меня небольшая новость. Нам придётся ускорить сделку.

Мои руки непроизвольно сжались на подлокотниках.

– Почему?

– В понедельник мне будет необходимо уехать на неопределённый срок. И до этого момента необходимо провести сделку и перевезти части машины к нам на фабрику.

– Я могу сделать это сам, – встрял Абрафо, чем заслужил долгий взгляд отца.

– То, что нужно сделать, чтобы машина Сновидцев стала полезной нашему делу ты сделать не можешь. По крайней мере пока. На тебе останется оперативное управление.

– Но мы же договорились! – воскликнул Аб, но отец поморщился в ответ.

– Сдержаннее, сын. Если ты вспомнишь нашу договорённость, то поймёшь, что ты свою часть не выполнил. Поэтому я возьму её на себя.

– Отец!

– Разговор окончен. – Пинч повернулся ко мне. – Прости, что стал очевидцем этой сцены. Я очень ценю твое предложение о сотрудничестве, но иногда обстоятельства требуют быстрых действий. Ты готов провести сделку в пятницу?

– Во-первых, у меня сделка с Абрафо. Таков был уговор со мной. Во-вторых, – я поднял руку, не давая себя перебить, – вам нужна рабочая машина. Мне нужно время, чтобы провести последние проверки.

Пинч прищурился:

– Если все детали на месте, я готов взять сам. За разумную скидку, разумеется, – вкрадчиво предложил Пинч.

– И снова: это не то, о чём был уговор. Я доведу всё до ума и тогда мы заключим сделку с Абрафо.

Пинч молчал почти минуту, а я с трудом сдерживал себя, чтобы не начать сдавать свои позиции. Если он сейчас откажется, передумает, махнёт рукой, то все мои старания и затраты пойдут прахом. Наконец он хлопнул тонкими ладонями по коленям:

– Сновидцы, вы не меняетесь. Хорошо! Пусть будет по-твоему. Но! – его голос стал суровым и холодным. Мне показалось, что даже камин притух на мгновение. – Срок до пятницы. После предложение будет недействительным.

– Почему? – вскочил Аб с кресла, но отец его не заметил.

– Сделка, Сновидец? – он протянул руку для пожатия. И это был не просто жест вежливости, но настоящая Сделка души. Ту, что нарушить можно только с большими потерями.

Абрафо смотрел на меня широкими глазами и слегка качал головой: «Не принимай!» Ха, ему легко говорить. Мне что потом всю жизнь ковыряться в этой штуковине, да об-

щаться с мухами в голове?

– Неужели тебе так не нравится наша компания? – прожужжало слева.

– Это полбеды. – ответило справа. – Ты сейчас совершишь, возможно, худшую ошибку в истории мастеров снов.

Я молчал, слушая голоса и думая, что мне делать. Голоса звучали тихо, еле слышно, словно они были очень далеко. Или пытались докричаться из последних сил. А ответить им в присутствии других – значит точно потерять сделку. Кто будет вести дела с сумасшедшим?

– Сновидец, почини машину. И всё будет хорошо.

Я не понял кто именно это сказал. Казалось это одновременно сделали и Пинч, и мои мухи. И я сделал то, что должен был:

– Мистер Пинч, я доведу машину до ума до пятницы и мы заключим честную сделку! – И крепко пожал ему руку.

По телу прошла тёплая волна, закололо пальцы. Договор, истинный договор между двумя мастерами снов заключён. Теперь всё серьёзно.

– Наивный идиот, – пробурчали мухи и исчезли из моей головы.

Я спокойно улыбнулся, у меня словно перестала болеть голова. Но вот Пинч поджав губы молчал. Неловкую тишину прервала тётя Валенсия:

– Такое решение нужно отметить! Давайте выпьем хорошего вина. И по десерту! – щебетала она, подходя к нам.

Пинч чуть тряхнул головой, приходя в себя.

– Спасибо, Дементий, за доверие, – его лицо снова выражало спокойствие и расслабленность. – Давай отметим нашу договорённость. Сын, пойдёшь попроси Ричарда заняться делами.

Аб, сморщился, но спорить не стал, быстро вышел из комнаты. Тетя Валенсия вышла следом. Пинч-старший докинул ещё несколько дров в камин, погрел у огня руки.

– Идём, – сказал он и пошёл впереди.

Только вот он прошёл не в столовую, а в соседнюю гостиную, где оказалась неприметная дверь в кабинет. Мы вошли внутрь, Пинч включил свет и сел за стол.

– А теперь послушай меня внимательно, Дементий. – Мне сестра не предложил, но достал из стола знакомую бумагу зеленоватого цвета. – Те договорённости, которые ты согласовал с моим сыном, остаются в силе. Ты сможешь выбрать ту должность в моей компании, которую захочешь. И подчеркни то, что Абрафо тебе не мог сказать: твоё предложение имеет гораздо более высокую ценность, чем ты представляешь. Поэтому я сразу предлагаю тебе небольшой аванс.

Он положил на стол небольшую книжечку, написал в ней что-то, размашисто расписался. Вырвал лист и протянул мне:

– Это чек. Ты сможешь его обналичить на своё имя в банке. – Глядя на моё удивлённое лицо, он усмехнулся. – Старые привычки, сложно отказаться.

– Здесь указана...

– Малая часть того, что ты получишь, когда передашь машину мне. – Пинч положил ручку, убрал чековую книжку. – Мне импонирует, что ты хочешь привести машину в идеальный порядок, но скажу тебе откровенно – я готов был выкупить её в том виде, в котором она есть прямо сейчас. Но ты усложнил себе сделку и теперь тебе придётся её починить. Так что давай, не оплошай, мальчик.

Он поднялся, когда услышал голос жены. Валенсия звала нас за стол и мы поспешили к ним. Чек я спрятал в карман, после чего максимально быстро глотнул вина, попробовал пирожное. Оно оказалось вкусным, но кусок в горло больше не лез. Я ругал себя за то, что мог избавиться от всего геморроя уже сейчас, а вместо этого решил сыграть в благородство и подставил себе подножку.

– Извините, я пойду. Дел ещё уйма, – извинился и встал из-за стола. Аб подскочил следом.

– Я провожу.

Его родители вежливо со мной попрощались: Пинч-старший отсалютовал бокалом, Валенсия попросила передать сестре привет.

В прихожей я быстро одевался, а Аб, опершись спиной о дверной косяк, смотрел на меня исподлобья. Только когда я полностью собрался, он открыл дверь. Ночной холод влез под незастёгнутую куртку и я сразу затянул молнию. Друг вышел со мной на два шага от двери.

– А если не успеешь? Осталось три дня. Даже два с половиной? Ты же даже инженера не нашёл!

– Нашёл, – ответил я, на что Абрафо удивлённо замер. – Не успел рассказать. Завтра придёт, надеюсь сработаемся.

– Но срок?

– Обещала, что не более пяти дней ремонт.

– Но у тебя два, Демон!

Я лишь грустно посмотрел на него:

– Или за два дня сделаю, или останусь навсегда в своём пыльном уголке.

Мы помолчали, Абрафо поёжился. Я же подумал вслух:

– Знаешь, я прочувствовал Бурю за эти дни. Она дала мне многое. Ты кое-что даже видел. – Кривая улыбка. – Но я понимаю, что она одна против целого корпоративного мира, даже против одной твоей фабрики, ничего не сделает. В лучшем случае будет забавной игрушкой. Ну, или как ты говорил, экскурсии водить, – я попытался улыбнуться, но снова вышло криво. – А так у неё будет шанс, возможность делать то, ради чего она создана. Она будет в надёжных руках. У неё будет будущее.

– Сновидцы, – друг покачал головой. – Почему с вами так сложно?

Не попрощавшись он развернулся и ушёл в дом. Хлопнула дверь, оставив меня одного на холодной улице. Навалилась усталость, захотелось лечь.

– Ну, хотя бы не во дворе Пинчей, – пробормотал я сам

себе и поплёлся к дому.

Спустя сорок минут я понял, что я зашёл куда-то не туда. Пришлось включить навигатор на телефоне. Оказалось, что пошёл почти в противоположную сторону. Выругавшись, развернулся и потопал обратно.

Вокруг стояла тишина, все нормальные люди спали и смотрели качественные сны. Изредка проезжали такси, развозя полуночников по кроваткам. Один раз наблюдал, как в магазин привезли свежий товар. Сонный продавец переругивался с водителем, поскольку тот приехал на пять часов позже. Водитель защищался, что отгрузку не давали на складе, сегодня там какой-то трюндец творился. Выговорившись, оба начали выгружать коробки со снами и заносить внутрь. Любопытства ради я подошёл поближе, заглянул в фургон. Там стоял одинокий паллет, обмотанный прозрачной плёнкой, порванной с краю, чтобы вытащить коробки. Прикрыв глаза, я прислушался. Пульс был, но немного дёрганный, даже нервный.

– Эй, пошёл отсюда! – наехал на меня водитель и продавец, протирая глаза добавил:

– Шляются тут всякие.

– Да я просто думал может сон взять, а то не спится что-то, – попытался я оправдаться.

– Магазин закрыт. Снами нужно запастись днём. Вали... в смысле, приходите завтра, – сонно протянул продавец и потащил следующую коробку. Водитель же стрельнул глаза-

ми и закрыл машину.

Пожав плечами, я двинулся дальше. Через полчаса, когда до дома оставалось метров пятьсот, на улице вдруг выключились все фонари.

– Исчадие, – простонал я, доставая телефон и включая фонарик. – Экономят на всём.

Яркая лампочка загорелась и выхватила лучом света небольшой круг асфальта передо мной. А потом погасла.

– Что за? – посмотрел я на экран, но тот не подавал признаков жизни. – Батарея же вроде была живой?

Справа зашелестело. Не зажужжало, а именно зашелестело. Я посмотрел на противоположную сторону улицы, но в темноте ничего не заметил. Медленно двинулся дальше, прислушиваясь. Снова шорох, чуть впереди. Попробовал включить телефон, но он отказался даже мигнуть экраном. Странно.

Ускорил шаг, начал крутить головой, чтобы заметить хоть что-то. Но тьма вокруг словно становилась толще и непрогляднее. Опять шорох!

– ХА! – гаркнул я. Раздался удаляющийся хлопот крыльев. – Птица. Да, Сновидец. Нужно вовремя ложиться. Нервы-нервишки.

Я размял плечи, потянулся, а после быстро зашагал к дому.

– Уже скоро вставать, а я всё брожу непонятно где, – бормотал я сам с собой, не давая заснуть или разыгаться фан-

тазии. – Такими темпами начну видеть галлюцинации, демонов и прочих монстров Царства-за-снами. – Меня осенило. – А ведь точно – вся эта шушера – это не плод того, что человек спит нормальный сном, а того, что он не спит. Психика устаёт, начинаются галлюцинации.

– Звучит логично.

– А я о чём? А храмовники и мастера снов лишь использовали это как отличную маркетинговую фишку. Застолбили себе рынок, да?

– Конечно.

– Так что демоны – это всего лишь галлюцинации мозга, который недоспал, – уверенно закончил я.

– Отлично. Тогда получается, что такие демоны как я – галлюцинация?

Я сфокусировал взгляд и увидел, как огромная тень отлепилась от ближайшего подъезда и, поигрывая мощной демонической челюстью, двинулась ко мне.

– Реалистично, – просипел я.

– Не то слово, – ответила «галлюцинация» и накрыла меня собою.

Мой мозг вытекал из черепа долго и мучительно. Мои ноги уже не болели – их просто не было. Ботинок только что исчез в пасти... демона. Его с трудом можно было выделить на фоне ночного неба, но всё же какие-то черты, чёрточки этого монстра оставались видимыми. Достаточно, чтобы остатки

моего тела и сознания трепетали в ужасе.

– Вкусно. Давно не попадались такие питательные, – чуть подрыкивая сказал демон. – И такие внимательные.

Он повернулся ко мне, подошёл ближе, закрывая собою остатки звёзд. Я не видел его лица, глаз, но понимал, что он пристально меня изучает. Потом он схватил меня за руку, приподнял, раздался хруст и я упал лицом на асфальт. От боли я это даже не понял, поскольку эта сволочь отгрызла мне руку по самое плечо.

И всё же... и всё же я действительно внимательно наблюдал. Какая-то часть моего сознания сидела сбоку, заложив ногу на ногу и изучала происходящее. Моя физическая боль разрывала меня на части и побои от компании Цилиндра уже не казались мне чем-то неприятным. Но в то же время я сидел и внимательно, как отметил демон, наблюдал за происходящим.

Проворчав, тварь вернулась ко мне, пнула ногой, чтобы голова развернулась. Теперь я видел только серый угол здания. И всё же... видел-чувствовал его.

– Неприятный ты тип, – сказал демон. – Питательный и неприятный. Но, – он рыгнул, – думаю я загляну к тебе ещё разок. Так что готовься к встрече!

– Дементий! – раздался приглушенный крик.

– Ну, заодно буду знать, как тебя зовут, – усмехнулся демон и помахал мне рукой. – Я пошёл.

– Демон, просыпайся! – голос Норны пытался пробиться

в моё сознание и только сейчас я начал понимать, что сплю.

– Ха, демон! – заржало существо на грани моего сознания. – Ты точно – интереснее остальных. До встречи.

И растворился в предрассветной дымке.

Глава 21

– Демон, просыпайся! – голос сестры пытался пробиться в моё сознание.

Норна трясла меня за плечи. Моё тело не реагировало – оно затекло и замёрзло. Кошмар с трудом уходил из головы и мне казалось, что существо сидит где-то поблизости, спрятавшись в зыбких тенях утра.

– Где я? И который час? – простонал я.

– Ты завалился спать прямо на улице! Что, не смог дойти до дома? Зачем так нажираться? – сестра попыталась меня поднять, но я с трудом сгибался. – Тяжёлый кабан!

– Я почти не пил, – сушняк говорил о противном. Противно. – Ну, не так, чтобы до такого.

– Мы уже подняли всех на уши. Звонили в Лавку, благо Михаил пользуется телефоном, в отличие от Нестора. Они сказали, что ты у Пинчей. У Пинчей, представляете! – куда-то в небо высказала своё возмущение Норна. В этот момент она отпустила руки и я снова плюхнулся на землю— Мама переборолла себя и позвонила Валенсии.

– Почему не Абу? – уже более чётко сказал я и попробовал подняться самостоятельно. Тело постепенно приходило в себя.

– Потому что откуда у нас номера твоих друзей? Звонили куда придётся. – Она понизила голос до зловещего шёпота. –

И знаешь что?

– Что? – также тихо ответил я.

– Она теперь знает про твои планы! Про твои сделки!

Я замер в полусогнутом положении, выдохнул и спросил:

– И?

– Она в ужасе.

– Почему? Она давно мечтает продать машину, избавиться от неё, – попытался оправдаться я.

– Да это как раз-таки её не беспокоит. Она возмущена тем, что ты общался с сестрой без её ведома! – и уже совершенно другим, спокойным голосом закончила. – Ну и то, что ты уже на этой неделе продашь машину, не дождавшись операции отца. А ты помнишь её отношение к некоторым суевериям.

Я отмахнулся от последней фразы – если машина меня признала, значит прямой связи с отцом у неё больше нет.

– Получается, новую дату назначили?

– Да, понедельник, с самого утра.

Я сжал виски, стряхивая последние остатки сна. Мерзкий кошмар. Совершенно не лечебный. Мы двинулись в сторону дома, благо оставалось всего сотню метров пройти.

– Слушай, а если человеку снятся кошмары – что это значит?

– Что ему лечат какую-то болезнь, если подготовленный кошмар. Ну или мозг сигнализирует о ней, если появляется кошмар вместо другого сна. А что? – спросила Норна.

– А если кошмар появляется без ловца снов? – вопросом

на вопрос ответил я.

– По легендам храмовников это значит, что человек отрёкся от снов, и демоны из Царства-за-снами нашли путь к его душе, – голосом скучного преподавателя ответила сестра.

– По легендам?

– Ну не всё же воспринимать всерьёз. Это вера, а не наука, – остановилась Норна и ответила мне с улыбкой. Однако рассмотрев моё лицо, она напряглась. – Ты видел кошмар? Сейчас?

– Да.

– Твою ж! – она развернулась вокруг своей оси. – Я же говорила – спать тебе нужно, по нормальному! Ты же мастер снов! – Она остановилась и посмотрела на часы. – Так, стоп. Сейчас полдевятого, мама скоро вернётся. Надо переговорить с ней. Возможно даже придётся позвонить тёте Валенси, она спец по кошмарам. Хотя...

Она приблизилась ко мне, посмотрела в глаза:

– Может быть это она на тебя навесила сон?

Мне показалось, что она сейчас выпустит когти похлеще, чем у того демона и пойдёт крошить дом тёти.

– Я там не спал, с ней один на один не оставался. Ловцов снов не наблюдал. Да и вряд ли это она – не похоже это было на обычный кошмар. Слишком реалистичный, – тихо добавил я. А потом встрепенулся, когда до меня дошло: – Сколько сейчас времени ты говоришь?

– Тридцать пять минут девятого. А что?

– Одолжи денег, немного. На такси! – я начал крутить головой, прикидывая, где шанс найти шофёра будет выше.

– Куда ты?

– У меня сейчас инженер тонкой механики придёт! И мне до пятницы нужно восстановить машину! Иначе сделке конец! Кинь на телефон! – добавил я, убегая и вызывая такси через приложение.

Через три минуты я мчался к Лавке, надеясь не опоздать. Сейчас у меня не было права на это.

Подскочил я за минуту до назначенного времени и увидел, как Ксения, поправляя бурую копну, заходит внутрь. Я выскочил из машины до того, как она остановилась и побежал следом.

– Добрый, Ксения! Вы очень пунктуальны! – запыхавшись поприветствовал я её.

Она изучила мою заплывшую морду, помятую и слегка грязную одежду. Радовало, что пока не было дождей, поэтому просто слегка.

Сама Ладная была одета в тёмно-синюю куртку, рабочие штаны с карманами, на плечах несла небольшой рюкзак. В руки – дешёвый ящик с инструментами. Свои бурые волосы она сплела в плотную косу, а рыжая прядь ниспадала на правое ухо.

– Надеюсь в таком виде вы не пытались чинить «душу»? – спросила она вежливо. Ох, видимо ей действительно больше

некуда идти, если она не сбежала снова, увидев такого заказчика.

– Нет, это не мой стиль. Сегодня лёгкий форс-мажор, – аккуратно ответил я. – Чаю, кофе?

– Давайте сразу по делу, – по-деловому ответила инженер.

– Я только за.

Мы сложили телефоны в специальный ящик, поприветствовали Нестора и Пакхус, которые пили кофе в кабинете завсклада. Прошли к машине. Моя голова гудела с недосыпа, но внутри машинного зала стало заметно легче. Буря словно укутала меня коконом заботы.

– Красота, – протянула Ксения, поправляя рыжую прядь. Она распахнула широко глаза и изучала гигантскую машину. – Как же вы не уследили?

– Она решила проявить характер, – туманно ответил я, не вдаваясь в подробности того, в каком именно виде это происходило и к чему привело. – Давайте заглянем внутрь.

Девушка с удовольствием кивнула и прошла к ящику. Я поковырял новый навесной замочек, добавленный после рейда и откинул крышку «души».

– М-да, – недовольно сказала Ксения и поморщилась. – Вы что, ногами гоняли эту коробку вместо мяча?

– Починить сможете? – меня интересовало только одно.

Ладная засунула голову внутрь ящика, достала увеличительные стёкла и не касаясь шестерёнок начала изучать последствия взбрыка машины. Это заняло минут пять, прежде,

чем она вынырнула обратно.

– Две новости: хорошая и плохая. – Я махнул рукой, без разницы с какой начинать. – Хорошая в том, что починить это возможно. Плохая – займёт неделю-две.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.